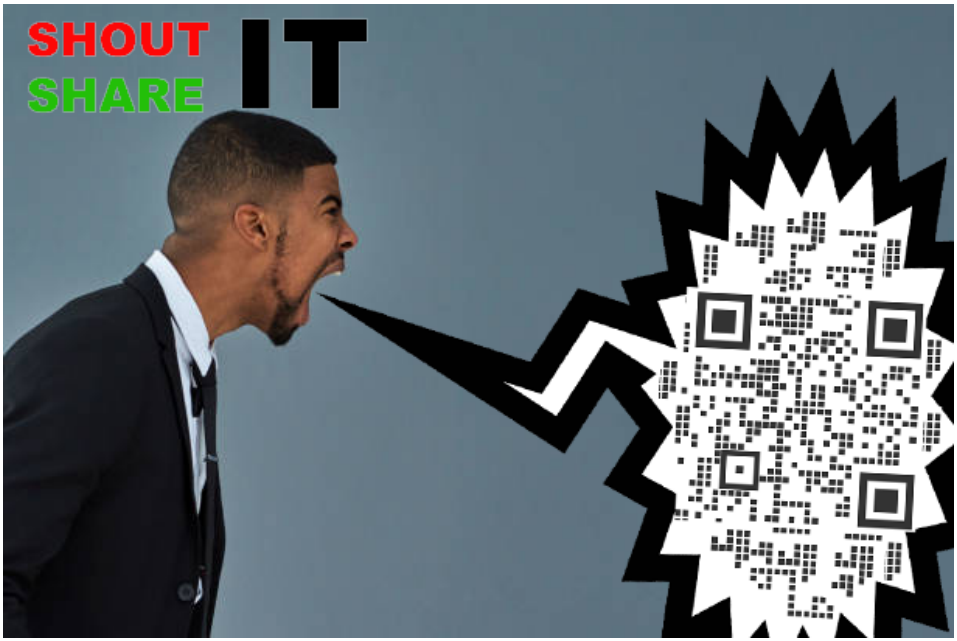
ГРУЗИНСКАЯ РАПСОДИЯ in blue

Артур Андреевич Прокопчук


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Введите сюда краткую аннотацию

-
- Артур Прокопчук
  - ГРУЗИНСКАЯ РАПСОДИЯ in blue
  - — Начало -
  - — 1959–1960, Институт физики АН ГССР -
  - — 1961, Институт кибернетики АН ГССР -
  - — 1961 — Барбароба -
  -
  - — Тбилиси и "Кибернетика" -
  - — 1961, Алик Гачечиладзе -
  - — 1962 год, Дигоми — мой дом -
  - — Тушетия и Хевсуретия -
  -
  - — "Жора" — (Георгий Васильевич Селезнев)
  -
  - — " Вова " — (Владимир Валерьянович Чавчанидзе)
  - — 1965, Тифлис — Тбилиси — встреча с минчанами -
  - — 1966 год, не только о футболе -
  - — 1967–1968 г.г., "Успехи советской власти в Грузии" -
  - -
  - — 1969 год, я остаюсь один, почти один -
  - — 1970 год, Казбек, "космический взлет" -
  - — 1971, новое состояние -
  - — 1972 — Диссертация -
  - ПРИЛОЖЕНИЯ:
    - Приложение 1
    - Приложение 2
    - Приложение 3
    - Приложение 4
    - Приложение 5
    - Приложение 6
    - Приложение 7
    - Приложение 8
    - Приложение 9
    - Приложение 10
    - Приложение 11

Чтобы изменить документ по умолчанию, отредактируйте

файл "blank.fb2" вручную.

Артур Прокопчук
ГРУЗИНСКАЯ РАПСОДИЯ in blue

ГРУЗИНСКАЯ РАПСОДИЯ in blue

Я не знаю другой дороги в нашей необъятной стране, которая могла бы соперничать с дорогой от Ростова до Тбилиси, была бы такой красоты, и с такими быстро меняющимися за окном картинами пейзажей, словно поставленными великим режиссером. Такого разнообразия ландшафта я не видел нигде, а изъездил почти всю страну от Бреста или Калининграда до Владивостока, или от Питера до Одессы или Севастополя.

Сегодня еще можно проехать и по Украине и по Беларуси из России, чем я до последнего времени иногда и пользуюсь, а вот в Грузию я поехать, как прежде, не могу. Причем, нельзя поехать туда ни поездом, ни самолетом, или автобусом, или на машине, хотя многие утверждают, что это временно. Однако факты противоречат такому оптимистическому прогнозу — Грузия в мирное время, в 2006 году, попала в российскую блокаду, как Ленинград в 1941 попал в блокаду немецкую. Почта до сих пор не принимает даже письма в Грузию. Конца этой блокаде пока не видно. Думаю, что это потеря и для России и для Грузии. России все не дают покоя ее великодержавные, имперские амбиции и простить Грузии ее самостоятельную политику она не может, как не может до сих пор русский человек привыкнуть к тому, что Латвия, Литва и Эстония — это самостоятельные государства, вырвавшиеся, наконец, из цепких, "дружеских" лап "старшего брата". Или что Украина и Беларусь никогда больше не вернутся в Российскую Федерацию.

Слава Богу, что отделение прибалтийских стран прошло бескровно, а вот Грузии пришлось пережить немало, и до сегодняшнего дня российские "миротворцы" со своими танками и вертолетами стоят, примерно, в пятидесяти километров от Тбилиси — "сосредотачиваются", как и вся Россия. А уж об Абхазии лучше не вспоминать.

Лет десять-двенадцать тому назад, в последний раз, я съездил в любимую мною Гагру по фальшивому документу, где было прописано, что я еду к своей матери, постоянно там проживающей, иначе попасть туда было невозможно. Мое впечатление от увиденного было таким, что я более никогда не смогу решиться на повторный визит в эту новую, "самопровозглашенную" республику. А горы "голубые и зеленые", без которых мне в Москве становится грустно, я могу видеть из окна своего дома в Дигоми, когда приезжаю в Тбилиси. Ну, и пляжи и синее море в Аджарии никуда не денутся…

По той красивейшей железной дороге, вьющейся вдоль всего

побережья от Адлера до Сухуми, иногда почти касающейся моря, ходили грязные, в репейниках, козы и пощипывали листочки на высоких, доходящих мне до пояса, кустах, пробившихся между шпал. Рельсы этого любимого всеми курортниками СССР пути по берегу моря были покрыты вековой ржавчиной, как будто поезда здесь никогда не ходили. Все это вызывало у меня воспоминания о детстве в послевоенном Минске, о той послевоенной разрухе, и еще всплывали в памяти кадры из картины Тарковского "Сталкер". Я прошел из российского Адлера в Абхазию через узкий мост с пограничниками, по которому, как муравьи с поклажей на спинах, двигались навстречу друг другу два потока несчастных, навьюченных продуктами людей, взял "частника" и приехал в Старую Гагру, в "Ущелье" к знакомым.

Запустение и безлюдье, бывшие великолепные дома санаториев с пустыми глазницами окон, поникшие фонтаны и приморский бульвар, где ветер гонял прошлогодние листья, дополнялись братским кладбищем в Новой Гагре и свежими могилами захороненных там молодых парней, пытавшихся отстоять свой родной дом от отрядов Басаева, вооруженных современным российским оружием. Это была мертвая зона. И еще нищие дети с потухшими глазами и обтрепанные старики, оставшиеся в старой Гагре, где я поселился рядом с "Ущельем", неподалеку от знаменитого в свое время ресторана "Гагрипша", закрытого навеки. От Гагры до Пицунды, на всей в несколько километров береговой линии пляжей, я за десять дней встретил лишь одного, не известно как попавшего сюда, человека, напоминавшего горьковскогоЧелкаша.

Я поднялся в гору, к бывшей вилле принца Ольденбургского, увековеченной в фильме "Веселые ребята", зашел через обвалившийся наполовину подъезд, походил по этой "погорелке", послушал, как из какого-то, открытого несколько лет назад крана на третьем этаже, который забыли закрыть, все еще течет жиденькой струйкой вода, растекаясь по лестничным ступеням, поглядел на черные, из-за разворованного паркета, проплешины полов и спустился к морю. Море было такое же, как и раньше — синее, теплое, спокойное, ласковое и безразличное к завихрениям всех властей, в том числе, и к новой, занимающейся бесконечными клановыми "разборками".

Мне все увиденное особенно кололо сердце, так как я два лета проработал здесь, в одном из самых красивых на земле мест, в голубой Пицунде, в "Цитрусовом", где была когда-то великолепная, полувоенная, прекрасно оснащенная, экспериментальная база Государственного оптического института (ГОИ-3), как будто попавшая сюда из американского кино. Все

исчезло, как утренний цветной сон.

Не смог обойтись без этого отступления — здесь, на черноморском побережье Кавказа, была когда-то другая жизнь, недоступная сегодня никому, как другой была жизнь и во всей Грузии, и в Тбилиси, городе, согревающем сердце любого неравнодушного к красоте человека. Время унесло с собой не только те года и многих из тех, кто жил в том времени. Время до неузнаваемости изменило весь быт, материальную основу его, ту часть культуры, которую уже ничем нельзя заменить или снова воспроизвести. Только и остается помнить об этом времени и надеяться, что еще не все утрачено, что-нибудь вернется…

— Начало -

Сегодня я опять возвращаюсь в те уже далекие, тбилисские дни — они были, они остались во мне навсегда, как бы далеко ни завела меня моя дорога. Это было для меня началом новой жизни, началом пути. Каждый день тогда передо мной все более раскрывался древний город, в который я сперва настороженно вглядывался, изучал и оценивал, со скупым расчетом жителя севера, но радушный Тбилиси открыл мне свое сердце. И я, уже навечно, навсегда стал принадлежать ему, благодарный своей судьбе за бесценный подарок, за причастность к жизни этого удивительного города.

Я бывал до этого в Тбилиси на всесоюзных соревнованиях по плаванию, играл в составе сборной республики или команды "Буревестник" на чемпионате СССР по водному поло, в открытом бассейне на набережной, где теперь построен ресторан "Арагви", но никогда до этого так и не смог как следует разглядеть город. Кроме вод Лагидзе, неповторимого вида на гигантскую мерцающую в ночи чашу города с высоты верхней станции фуникулера, превосходного и дешевого вина, я, оказывается, ничего до сих пор не видел, не почувствовал, не понял. А к этому древнейшему городу надо было сначала прислушаться, так как он и его воздух полны были звуками круглые сутки.

Слушать его надо было уже с самого раннего утра, особенно в районах старого города, где мы поселились на улице Бочоришвили, и где жителей "сванетского убана" (сванетский район — груз. яз), около железной дороги, еще спящих, пробуждало разноголосье бродячих продавцов мацони, меда, зелени и яиц. И еще неизвестного мне тогда продукта, протяжное выкрикивание его названия разносчиком, вызывало ассоциации с тонущими во время кораблекрушения: — "Бати-бути-и-ааа…".

Поднимался утренний бриз и нес по улице с предгорья у арсенала листья и пыль. Потом начинал медленно пробуждаться весь наш дом, весь квартал, у железной дороги поднимали гомон курды-носильщики, спешащие к вокзалу захватить "клиента" и заработать на "пур-марил" (хлеб-соль, груз. яз.). А внизу, по улице Клары Цеткин, сворачивали к "воронцовскому" мосту и предупреждали треньканьем горожан, неторопливо идущих посередине улицы, старые трамвайные вагоны начала XX века, с открытыми задними площадками-балкончиками. Трамваи достались городу еще со времен "Бельгийского акционерного электрического общества", соединившего живительными артериями в начале XX века

несколько районов города — вокзал с Руставели, Авлабар и Веру.

Многоголосый Тбилиси весь звучал с утра и до поздних вечерних часов, его звуки были естественны и органически заполняли кварталы людским говором, а в изгибах буро-зеленой, обмелевшей за зиму Куры, между гранитных набережных стоял немолчный шелест стремительной воды. Звуки лились из распахнутых окон гитарным перебором или аккордами фортепиано, приветствуя весну, подхватывались пением птиц, уносящих эти мелодии в небесную высоту. "Имеющий уши да услышит…"

Мне ясно помнятся дни приезда в Тбилиси, в марте 1957 года, В первый же день, пробужденный протяжными голосами разносчиков мацони и зелени, утренним холодком, потянувшим из открытого ночью окна, я вышел на внутренний балкон закрытого со всех сторон дворика, прошел через вестибюль к крыльцу, выходящему на мощеную булыжником улицу, круто спускающуюся вниз, и обомлел. Прямо передо мной, казалось на расстоянии вытянутой руки, словно парила в воздухе розовая гора. Она уже цвела в эти мартовские дни, а мы только что приехали из серого, унылого и холодного марта Москвы и Минска, где не было и намека на тепло. Это была гора Давида или Мта-цминда, Святая гора, как ее зовут горожане.

Тем ранним мартовским утром, когда я стоял на крыльце дома, а передо мной парило сказочное розовое облако, опустившееся на гору, где зацвел миндаль, я принял окончательное решение — здесь надо жить, этот город для меня, это мой город. Я буду в нем жить.

Конечно, к восприятию этого удивительного города меня подготовила и дорога. Два дня в поезде не прошли даром, особенно с тех часов, когда железная дорога в очередном изгибе, после темноты тоннеля, где-то после Туапсе, выскочила к морю и стала играть с ним в прятки. И нельзя было оторваться от окон вагона. Но эта была лишь увертюра, когда то в струнных, то в духовой группе какая-то нота или аккорд акцентируют твой слух, твое воображение, чтобы потом повториться всем ансамблем и зазвучать мощной мелодией.

И еще — запахи Тбилиси, многие из которых мне были неведомы, ведь наступала весна, до которой было еще так далеко в Минске.

Эта симфония, сотканная из городских звуков и запахов, развертывалась в чаше гигантского амфитеатра, в дальней части которого возвышалась и нависала над сбегающими вниз к реке мощеными улицами, розово-лиловая гора Давида. Передать эти ощущения сложно, невозможно разделить в этой симфонии

отдельные ее части на составляющие. Как отделить запах утреннего кофе, которое варила бабушка Даро для своей Лейлы от аромата зацветающей акации на нижних улицах? Или журчание лука на сковородке Дато, расположившегося на балконе, от посвистывания налетевшего мартовского ветра в ветвях деревьев. И новое состояние — "Гижи марты" (сумасшедший март — груз.). В Тбилиси знают, как начинает сводить с ума в это время, на праздник армянского святого "Суб-Саркиса", налетающие по долине, сухие и тревожащие душу, вызывающие бессонницу ветры из Баку…

В первые дни в Тбилиси я просто шлялся по городу, забирался на склоны горы у "арсенала", отделенные от нашей узенькой, горбатой улочки железной дорогой, глазел на соседей курдов, у которых вся жизнь протекала, как яркое и праздничное театральное представление, независимо от того, посвящалось ли оно очередной свадьбе, или собирались их многочисленные родственники на похороны. Наслаждался теплом и тенистой прохладой улиц нашего "сванетского убана".

Тбилисские базары заманивали в свои темные прохладные полуподвалы нарастающей с каждым новым днем лавиной овощей, а на вторых этажах рынков растекалось морем фруктовое изобилие. Меня как-будто снова перенесли в мир моего детства на берега Аму-Дарьи, в те абрикосовые сады и тутовые деревья, где я впервые почувствовал настоящую радость бытия.

Но надо было уже найти работу, деньги неумолимо исчезали, "мои женщины", Иза и Ия, хотя и радовали меня своей солнечной, искрящейся безмятежностью, первозданным спокойствием, или первородным знанием недоступных моему пониманию смыслов, но обе нуждались в "хлебе насущном" и в их медового цвета глазах проступало беспокойство. Рекомендательное письмо от академика Ельяшевича к академику Мирцхулава лежало дома, надо было его уже использовать, как пропуск в академическое сообщество.

Академик, как мы договорились с ним по телефону, принял меня у себя дома, что уже было хорошим предзнаменованием. У меня пока не было опыта деловых встреч — в официальной, кабинетной обстановке я мог бы стушеваться. Здесь в домашней непринужденности, умело организованной гостеприимным хозяином, с чаем и кизиловым вареньем, и состоялось мое "боевое крещение", в беседе, иногда скатывающейся на профессиональные темы. Оказалось, что "батоно" (господин — груз.) Алио, — меня уже научили, как надо обращаться в Тбилиси к старшему не обязательно по званию, но обязательно по возрасту, — так вот, "мой господин" возглавляет Институт полупроводников Академии

Наук Грузинской ССР.

Это направление было несколько в стороне от моих представлений о моем будущем месте в науке, и мой "благодетель", с большой теплотой вспоминающий своего учителя и моего профессора, сразу же все понял и решил, куда мне надо обратиться. Он набрал чей-то номер телефона, поговорил с этим анонимом, дал мне адрес и отправил восвояси. Мне только сказал, что меня завтра утром ждет в Институте физики Элефтер Луарсабович Андроникашвили — "батоно Элефтер" (господин Элефтер, груз. яз.).

На следующий день я поднялся по улице, затененной громадными платанами и круто поднимающейся напротив круглого здания цирка, к новому зданию Института физики АН ГрССР. Точно в назначенное время я сидел в приемной, у дверей кабинета директора института, академика Андроникашвили.

Мне все там понравилось — и седовласый директор в строгом, голубовато-сером костюме, и отсутствие суеты в приемной, и облицованный светлым туфом, недавно выстроенный, институт, расположенный на горе над Курой, и "академическая" тишина в коридорах здания, и разлитое в воздухе спокойствие, может быть, связанное с летним периодом, отпусками или расслабляющей жарой.

Приятное впечатление произвел деловой и строгий, но очень доброжелательный подход директора к моему визиту, и даже то, что мне было поставлено условие обязательного выступления на расширенном ученом совете института, с темой на выбор. Специалистов в области физической оптики, — я это уже знал, — тбилисский университет не готовил, шансы мои повышались, оставалось преодолеть институтские "смотрины". Для выступления я предложил тему, которую еще не очень сам мог осмыслить, настолько она была новой, но она была эффектной, ее ввел в научный оборот, на рассмотрение специалистов, один из моих университетских профессоров, Степанов Борис Иванович, и я рискнул, а Элефтер Луарсабович одобрил. Мне он дал еще месяц на подготовку, к тому же ожидал возвращения кого-то из моих предполагаемых начальников из отпуска, чтобы окончательно разобраться в моей профессиональной пригодности.

Ну, что ж, месяц, так месяц, я не особенно огорчился. Хорошо, что я предусмотрительно захватил из Минска с десяток книг по своей специальности, в том числе и монографию Б. И. Степанова — "Отрицательная люминесценция". Вот об этом эффекте я и решил рассказать институтской аудитории, тем более что сдавать Степанову экзамен мне довелось у него дома,

именно, по этой теме.

Как обычно, я не готовился задолго перед выступлением, мне хватало всегда нескольких дней для подготовки, и почти целый месяц, подаренный мне обстоятельствами, я посвятил дальнейшему изучению города, где я всерьез намеревался жить.

Я уходил с утра, и до наступления полуденной июльской жары бродил без всякой цели по тенистым старинным улочкам своего района. Поднимался по "авлабарскому" подъему мимо "плачущей" горы, забредал в район Кукии, зашел в костел на Ниношвили, где было тихо, спокойно и где пахнуло детством в Минске. Потом забирался все дальше и дальше, несколько раз поднялся к самой высокой точке над городом, на Мтацминда, в старом вагончике фуникулера, построенного "Бельгийским анонимным акционерным обществом" в 1905 году, и сохранившим свой облик со тех времен.

С четырехсотметровой высоты горы Мтацминда, с ее окруженных балюстрадами смотровых площадок, город казался кипящим котлом, и как в немом кино, беззвучно курился, затянутый голубовато-серым маревом. Звуки с улиц, глубоко изрезавших жаркую плоть города, глохли на подъеме в гору уже около средней станции фуникулера, и превращались на верхней станции, на самой горе в чуть слышное, неясное бормотание, в глухой шепот, на который накладывалась прерывистая трель несмолкаемого хора цикад.

Это была торжественная симфония тбилисского лета, апофеоз языческого праздника солнца, предвестие вечной жизни и вечности всего мироздания.

Перед самым отъездом из Минска, я съездил в Вильнюс и сшил себе жемчужно- серый костюм из тонкой голландской шерсти у известного в то время в наших "стиляжных" кругах, мастера-портного Воробейчика, и все не имел случая надеть его. Вот на "смотринах" в институте физики, я подумал, он будет к месту. В Тбилиси все мужчины 1958 года ходили только в черном, или белом. Мне надо было подчеркнуть свою идентичность, и быть на высоте положения, хотя бы внешне, — в Тбилиси одевались очень изыскано, но, на мой взгляд, излишне традиционно. Я не подозревал, что мой внешний вид может вызвать некую, как позже мне рассказывали, неравнодушную, дискуссию у основной массы слушателей моей лекции, которой была невдомек "отрицательная люминесценция". Выручил элегантный "батоно Элефтер", который в нужное время перевел обсуждение доклада в нужное русло, и похвалил меня принародно по окончании моего выступления.

Позже, "тет-а-тет", он все же сделал мне замечание по поводу

излишней театральности моего выступления и одежды, более соответствующей встрече с любимой девушкой. Но по всему его виду было ясно, что он сразу же принял мою сторону.

Я был зачислен в институт на должность младшего научного сотрудника с окладом в 980 рублей в месяц. Начиналась моя научная деятельность, будущее стало приобретать хотя и не очень определенные, но обязательно розовые или голубые тона, судьба явно была ко мне благосклонна. Я стал доказывать ей, что она не ошиблась в своем выборе.

— 1959–1960, Институт физики АН ГССР -

Начиналась моя работа в институтской лаборатории со странным названием "радиоактивные методы измерения". Со мной было в этой группе 12 человек. Я еще тогда не знал, что название это условное и нужно "Элефтеру" для каких-то его структурных стратегических ходов в Президиуме Академии, с одной стороны, и чтобы прикрыть основную тему, основное направление работ нашей небольшой группы.

Все направление, в котором предстояло работать мне, было тогда "крамольным". В любом "Философском словаре" последних лет, в очередной раз "кибернетика" именовалось "лженаукой", а словари иностранных слов и энциклопедические словари просто игнорировали это слово или, если и давали ему определение, то прибавляли к нему еще и очень модные тогда эпитеты, вроде "механистическая, метафизическая лженаука", которая (дословно из словаря) является "не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления её агрессивных военных планов" (см. Приложение 1, "Кибернетика").

Полемизировать с философами того времени, исповедующими "марксистско-ленинскую диалектику", было опасно, так что кибернетика, как и генетика, тихо вызревала в научно-техническом подполье, под прикрытием заинтересованных в этих обоих направлениях руководителей военно-промышленного комплекса страны, рано распознавших ее будущую роль.

В 1948 году была издана работа американского математика Норберта Винера "Кибернетика или управление и связь в животном и машине", не увидевшая тогда своего читателя в СССР, так как сразу же была направлена на полки "спецхрана". В ней были изложены соображения по вопросам разработки моделей управления социумом, экономикой, аналогичные моделям управления сложными техническими системами. Эти крамольные идеи не могли стать достоянием советских научных работников, которым настойчиво внушался тезис марксистской философии о несводимости "высших форм" существования материи к "низшим формам". При поступлении в аспирантуру или при сдаче экзаменов для защиты диссертации (кандидатский минимум), в любой области науки главенствующей была эта основная доктрина "советской философии".

Словом, как любому молодому научному сотруднику того

времени, мне сразу же стало ясно, что только этим и надо заниматься. Вдохновлял нас на "дерзания" только что защитивший докторскую диссертацию Владимир Валерьянович Чавчанидзе, которого все, в том числе и я, через некоторое время, называли просто "Вова". Кстати, это была обычная форма общения в грузинской среде. И только очень уважаемых, мало знакомых и очень пожилых людей было принято называть с прибавлением к имени "батоно" (господин — груз. яз.).

Меня "Вова" сразу же увлек своим темпераментным и остроумным изложением любого материала, фантастическими прогнозами развития нашего направления, мягкой формой общения, не фамильярной, а скорее душевной, искренней, располагающей к себе. Он как ураган проносился по комнатам нашего подразделения, вызывая у всех улыбки, и поднимал настроение. Он умел и любил поговорить и еще обладал высоко развитым чувством юмора.

В рабочей группе, в которую я попал, отражалось многонациональность города. Старший в группе, ее руководитель — Мераб Бродзели, отличался мягкой интеллигентностью и волшебными руками истинного экспериментатора. Несколько медлительный и спокойный даже в самые ответственные минуты, он был надежен, и его нельзя было сбить с намеченного им курса. Его медлительность заставляла меня вспоминать фармацевтический ярлычок на пузырьках — "перед употреблением взбалтывать", что я часто и делал, тормошил его, забегал "вперед батьки", иногда неоправданно суетился. Он, как опытный погонщик, сдерживал мои, часто неадекватные порывы. Он вызывал уважение, его внешний вид излучал уверенность, с ним было спокойно.

Гриша Гольдштейн, как и положено гениальному еврейскому молодому человеку, всегда ходил с отрешенным взором и с какой-нибудь книгой под мышкой. Через небольшой период времени я узнал, что чаще всего он так нежно прижимает к себе французский роман, обычно в оригинале. Он мало говорил, сосредоточенно молчал и время от времени выдавал невероятные идеи. Во всех серьезных научных спорах мы апеллировали к нему. По коридору института он шел, боясь кого-либо задеть или наступить на ногу, и часто краснел от неделикатности своего собеседника.

С Авиком Аязяном я познакомился немного позже, мне импонировал в нем высокий уровень специальных знаний, трудолюбие и расположенность, что позволяло легко просить о помощи в трудную минуту, и получать нужную консультацию по любым вопросам. Авик никогда не отказывал в этом.

В нашем отделе Института физики, а позже, в отделившемся от материнского тела, институте, собрались представители многих национальностей и нацменьшинств. И греки, и курды, и "татреби" (татары — груз. яз.). Под это название в Тбилиси исторически попали и персы и азербайджанцы и этнические татары. Было несколько поляков, из семей оставшихся с незапамятных времен, и абхазцы, тогда еще не противопоставляющие себя общенациональной грузинской культуре, и украинцы, оставшиеся со времен строительства царским правительством закавказской железной дороги. Были и русские, приезжавшие "усилить направление", которые, как правило, старались пробиться в руководящие слои, используя свои дипломы, полученные где-нибудь в Москве или Ленинграде, и негласную квоту по кадровому составу в республике, "спущенную" с самых высоких партийных верхов.

Новый институт, уже готов был вылупиться из старого Института физики, хотя не имел пока еще даже своего законного названия. А отдел быстро поглощал все новых и новых специалистов, вырастал под прикрытием умудренного жизнью "Элефтера", прошедшего, в частности, школу Петра Капицы и Резерфорда в Англии, и под финансовым покровительством "высоких лбов" Министерства обороны, раньше всех понявших смысл этого экзотического плода под названием "кибернетика", созревающего в переплетенных ветвях смежных дисциплин.

Наши "кибернетические" семинары стали привлекать всеобщее внимание научно-технической интеллигенции города и являлись поводом для страстных дискуссий на тему "искусственного интеллекта", "может ли машина мыслить" ("голубая мечта" технарей того времени) или роли вычислительных машин в управляющих процессах, в будущем освоении космоса и т. д. Мы стали знакомиться с коллегами, или лучше, сподвижниками из других институтов, городов и республик, создавая свою "среду обитания". Можно привести характерную оценку того времени, которая приведена в публикации, посвященной истории этого вопроса.

"В шестидесятые годы в России кибернетика была существенной частью культурного фона"- формировала общественное сознание, являлась одной из властительниц дум. Примечательно, что на обсуждении доклада "Автоматы и жизнь" академика А. Н. Колмогорова ("физик") выступал не просто наследник выдающегося лирика — А. С. Есенин-Вольпин, а и как известный диссидент и правозащитник. Мощная просветительская функция реализовывалась энтузиастами через популярные журналы "Техника-молодежи", "Знание-сила", "Квант"

(Приложение, Е. В. Злобин, РГГУ, "О некоторых проблемах генезиса информатики в России").

К этому времени в отделе уже появилась центральная идея, выработанная в ожесточенных спорах на семинарах — создание оптической вычислительной машины, превосходящая по объему памяти и быстродействию имеющиеся электронные, зарубежные аналоги. Я почувствовал себя в этой обстановке, как рыба в воде. Все-таки у меня была неплохая база, основа для экспериментальных работ и научных поисков — мое солидное университетское образование, мои минские профессора, преподаватели. Работа доставляла удовольствие и продвигалась во многих направлениях нашего отдела. Я стал разрабатывать перспективные элементы будущей оптической вычислительной машины, но для увязки их в работающую систему нужны были свежие идеи.

Так, вместе с коллегами, мы подошли к совершенно новой теме тех лет — волоконной оптике и жидким кристаллам. Пришлось мне заниматься и химией органических соединений для поиска носителей оптической памяти. Это было внешне красивой, эффектной разработкой и привлекало внимание "вышестоящего начальства", тем более, что мы умели придать должный вид нашим опытным образцам для демонстрации посетителям. Все продумывалось — темная комната, голубые вспышки света при нанесении информации на плоские матрицы, стирание картинки другим световым источником и т. д.

Я называл это театрализованное мелкое жульничество — "делать начальству темную". При посещении нашей "темной" Президент Академии Наук того времени — Александр Несмеянов, — долго сидел с нами в темноте, но мне показалось, что он не вполне разобрался в механизме оптического преобразования, что еще более повысило наши шансы на получение дополнительного финансирования. Кстати сказать, это была моя первая встреча с одним из "Президентов" в рабочей обстановке. И конечно, я не думал тогда, что это станет рутинным действом — встречать Президентов Академии, демонстрировать им "наши игрушки" и выбивать "денежное довольствие" для постепенно увеличивающейся команды нашего отдела, а позже и Института кибернетики Академии наук Грузинской ССР.

Нервическое управление всей страной, шараханья в экономике и в политике из одного направления в другое под руководством Никиты Хрущева, — это был фон, на котором бурно развивалось и наше направления, где стремительно увеличивалось число институтов, вовлеченных в этот поток.

Я воспринимал это, как увлекательную игру, где часто слепой случай открывал выгодные шансы на выигрыш.

Нам здесь, в "голубом и зеленом" краю, в Тбилиси, было легче работать, мы были далеко от Москвы, нас не интересовали академические интриги. "Тяжеловесы" из президиума академии, видимо, не относились к нам серьезно, позволяя строить по своему усмотрению новое направление, еще не утвердившее себя, не имеющее пока особых претензий к руководству, не вовлеченное в вечную суету на "академическом олимпе".

Зато наш "шеф" быстро сориентировался в технологических потребностях военных, армии и флота, и интуитивно нащупал там слабое место — их желание ускорить и автоматизировать процессы принятия решения, отсутствие современных вычислительных машин с высоким быстродействием, обеспечить, как математически, так и технологически, вопросы наведения и ориентации движущихся объектов, в первую очередь, в интересах быстро развивающейся новой отрасли военной промышленности — ракетно-космической. Стали появляться у нас и высокие армейские чины.

Мы выходили в новое научно-техническое пространство, все более отрываясь от Грузинской Академии Наук. "Вова", как челнок, сновал между Тбилиси и Москвой, Тбилиси и Ленинградом, привозил, приводил специалистов из группы министерств, делающих погоду в авиационно-космической отрасли. Туда, было заметно даже для обывателя, стал смещаться центр тяжести всей народнохозяйственной тематики.

А в стране стали "почковаться" от старых новые ведомственные подразделения, новые НИИ, часто на базе разных научных направлений, отделов академических институтов. В Москве же, как обычно, шла в это же время борьба "наверху", за должности, ставки, кадры, за финансирование "отдельной строкой", поездки заграницу, за "железный занавес", почти недоступные тогда среднему научному звену.

Наконец, был образован Совет по кибернетике при Президиуме АН СССР, который возглавил легендарный академик, " инженер-контр-адмирал" Аксель Иванович Берг, что дало ему возможность воздействовать на дальнейший ход событий в науке. Кибернетика при нем становилась неким "вольным движением", направленным против идеологической заторможенности в науке.

Думаю, что постановлением об образовании первого в стране Института кибернетики в составе Грузинской Академии наук в 1960 году, мы обязаны именно ему, благодаря его участию в развитии этой новой отрасли знания, все еще воспринимавшейся у советских идеологов, как чуждое, инородное

тело в стройной "марксистско-ленинской концепции" о месте человека в обществе, а именно, о месте партийного руководства в управлении этим обществом и боязни потерять это место с приходом "искусственного интеллекта", "думающих машин".

Место для нашего института было выбрано нашими "академическими богдыханами" не зря, с учетом его дальнего от Москвы расстояния, подальше, на всякий случай, от московских партийных идеологов. Так, думаю, и решил многоопытный во всех смыслах Аксель Иванович — "отец" советской радиолокации и кибернетики, немало отсидевший в ГУЛАГе, по слухам, за дворянское происхождение. По тем же слухам, дошедшим до нас, он был потомком какого-то шведского пирата, чего было достаточно в свое время, чтобы отправить его "на исправление" в лагеря.

Несколько сухих строк о нем из официального документа, хотя он остался в моей памяти навсегда немного другим и более человечным.

"Аксель Иванович Берг родился 10 ноября 1893 г. в Оренбурге в семье русского генерала шведского происхождения. Мать Акселя Ивановича была начальницей женской гимназии в Царском Селе.

В 1937 г. А. И. Берг стал начальником Научно-исследовательского морского института связи и телемеханики. В декабре 1937 г. по обвинению во вредительстве (якобы, неоправданные затраты на НИР и ОКР по созданию новой техники) А. И. Берга арестовали, два с половиной года он провёл в заключении. Там он встретился с очень интересными людьми, которых постигла та же судьба, например с К. К. Рокоссовским (будущим маршалом), А. Н. Туполевым (знаменитым авиационным конструктором), П. И. Лукирским (будущим академиком).

В 1946 г. А. И. Берга избрали действительным членом АН СССР.

В 1953–1957 гг. А. И. Берг был заместителем министра обороны СССР по радиоэлектронике. Его помощник К. Н. Трофимов в дальнейшем сыграл большую роль в организации разработок средств вычислительной техники военного назначения.

В 1955 г. в составе АН СССР был открыт Институт радиотехники и электроники (ИРЭ). А. И. Берг стал его первым директором.

Последним детищем А. И. Берга, которым он руководил в течение 20 лет, был Научный совет по комплексной проблеме "Кибернетика" (НСК) при Президиуме АН СССР, созданный

в 1959 г. решением Президиума АН СССР как координирующий орган, а в 1961 г. НСК получил статус научно-исследовательской организации АН СССР". (подробнее — Приложение, "Доклад А. И. Берга).

Наконец сбылась "голубая мечта" нашего отдела, в конце 1960 года "батоно Элефтер" поздравил нас с выделением в самостоятельный институт и отвел нам почти целый коридор в своем Институте физики — "до лучших времен". Мы с Мерабом Бродзели и Эриком Керцманом, не ожидая начальственных благ, скинулись, купили краски, шпатлевки и всего остального, и отремонтировали сами за пару недель большую, захламленную комнату, доставшуюся нам от прежней лаборатории. Мы и раньше готовы были положить на алтарь нашей новой "религии" любую жертву. Это было наше первое собственное лабораторное помещение. Работа нам удалась — приходили из других групп завидовать нашему "храму науки".

Стали ожидать также отдельного здания для нового института, а еще нам "спустили сверху" дополнительные "штатные единицы" и меня перевели на должность старшего инженера с окладом 1400 рублей. Наш "Вова", утвержденный директором института, собрал всех нас, тогда еще немногочисленный отряд, и вежливо, как бы в шутку, попросил обращаться к нему "по имени — отчеству" и "без розыгрышей".

Розыгрыши практиковались у нас по каждому случаю, а зная своих сотрудников-неистребимых остряков, его предупреждение было своевременным.

Тем временем ситуация в советской науке менялась с быстротой передвижения по стране ее лидера — Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. В апреле 1961 года Никита Хрущев обвинил Академию Наук в затягивании передачи НИИ профильным министерствам и пригрозил роспуском. В ответ президент АН Александр Несмеянов заявил: "Ну что же, Петр Великий открыл академию, а вы ее закроете". За что и был отправлен в отставку.

На смену Несмеянову пришел Мстислав Всеволодович Келдыш, выдающийся математик, который сразу же понял роль появляющихся вычислительных машин в науке, в области развития новых технологий, и смог оценить место математики в программном обеспечении ЭВМ. В его Институте прикладной математики разрабатывались первые программы для многомашинных комплексов, закладывались основы развития сетей удаленного доступа. Это был фундамент для развития современной информатики, новых информационных технологий.

Келдыш возглавлял к тому же разработку теоретических моделей в интересах космических исследований. В то время он был анонимом, секретным "лицом особой важности", а пресса величала его "Главным теоретиком" в материалах, посвященных советской космонавтике, без указания его фамилии.

Все, что ни делалось "наверху", шло нам на пользу в борьбе за образование собственного института, за фонды, за увеличение финансирования. Как говорят картежники — "пошла карта". С приходом Келдыша мы получили дополнительные козыри в этой игре с властью, но наше направление неумолимо начало срастаться с военно-промышленным комплексом, внимательно присматривающим за деньгами, которые он нам начал выделять.

Работа шла у меня настолько гладко, что я решил хотя бы частично, что называется на "полставки", вернуться в спорт, поиграть по старой памяти в водное поло. Я скучал по голубой воде своего бассейна, по плаванию, быстро нашел, где размещается самый удобный для меня, расположенный в двух шагах от моего института, под трибунами старого стадиона "Динамо", бассейн, встретил там одного из игроков тбилисского "Динамо" — Крылова, с которым ранее был знаком по играм. Он стал в этом году тренировать вторую команду города — "Локомотив", я напросился к нему на тренировки и стал ходить в разное время. Иногда тренировки проходили рано утром, и я опаздывал, примерно на час, к началу работы.

В один из таких дней, пришел я в институт часам к десяти — у дверей стоял Элефтер Луарсабович и пожимал на входе руку всем опоздавшим. Пожал и мне и пригласил к себе в кабинет. Кто-то "донес" ему, что я серьезно занимаюсь спортом. Он по-прежнему ко мне благоволил, но после легкой "трепки", и дружеского напутствия на будущее, определил свой взгляд на дисциплину, а мне, для справки, сказал:

— "Я со всеми раскланиваюсь, а руку пожимаю только опаздывающим".

Мои объяснения по поводу опоздания не были приняты во внимание, и еще он заметил:

— "Артур, выбирай сейчас — или спорт или наука". Да еще присовокупил, что означает для него звание "научного сотрудника".

В вольном изложении того разговора, смысл его можно было понимать так, что есть черта, отличающая научного сотрудника от обычного человека. Эта скорее умозрительная грань, чем дисциплинарные или социальные рамки. И основное отличие человека науки от других, по его мнению, находилась в плоскости его отношения к материальному миру или, проще, к вещам.

Благославляя меня на "дальнейшие свершения", Элефтер Луарсабович сказал: — "Вот когда ты начнешь из дома уносить вещи и приносить их в институт, тогда ты и станешь настоящим научным сотрудником, ученым, истинным экспериментатором".

Этот простой критерий оценки качества научного сотрудника оказался применим во всей моей дальнейшей практике работы в академической науке. "Настоящий научный работник, ученый несет из дома в лабораторию, а не наоборот", — да, Элефтер умел находить истину. К слову, в грузинском языке есть еще одно выражение этой истины, но в другой форме — "за хорошее место платить надо". А лучшего места, чем быть сотрудником Института физики при "Элефтере", тогда в Тбилиси для меня не было. Есть еще одна идиома в этом древнем и образном языке: о человеке, который не любит, не справляется с работой, делом — говорят — "он место портит".

Такие народные афоризмы-истины запоминаются на всю жизнь. Можно смело сегодня утверждать, что Элефтер Андроникашвили был исключительным директором, директором и педагогом, особенно если учесть время, в котором мы находились. Он давал всем нам пример и своим элегантным европейским видом, и безукоризненным литературным русским языком, выдававшим генетическую преемственность к произнесению речей и чтению лекций- его отец был известным адвокатом еще до революции. Его личные связи, которые он всегда использовал в целях создания особого климата в институте, давали пищу нашим мыслям и заставляли "поддерживать высокий рабочий тонус", или, как сегодня любят выражаться "продвинутые" молодые люди (не очень удачный перевод с английского "advanced"), "держать планку".

Я вспоминаю приезд к нему, а значит и в Институт физики, ко всем нам, в гости, Нильса Бора с сыном и невесткой. Это было для нас потрясением — поздороваться за руку с основателем современной физики, человеком, о котором я, после всех университетских курсов, размышлял так, как о Ньютоне, или Аристотеле, и откровенно говоря, думал, что его уже давно нет в живых. Нильс Бор, Резерфорд, Петр Леонидович Капица — это были "сотоварищи Элефтера по большой науке". С Капицей-старшим мне еще предстояло встретиться, а с его сыном жизнь потом свела меня на много лет, но уже в другом мире, в другой научной сфере, на Дальнем Востоке, в городе — Владивостоке.

В один из ничем не примечательных рабочих дней, в старом здании Института физики, чтобы сократить путь, я вскарабкался по узкой тропочке, ведущей к зданию и начинающейся сразу у подножья скалы за мостом "Челюскинцев". Быстро проскользнув

мимо стоящего у входа "батоно Элефтера", раскланивающегося со своими пунктуальными сотрудниками, я, вприпрыжку, заскочил на свой третий этаж и плюхнулся за рабочий стол. Справа от моего стола находилось высокое двухстворчатое окно, куда я часто глядел, что помогало размышлять о научных проблемах. Из этого окна моей лаборатории, как обычно, видны были зеленые склоны гор, обступающих долину Куры, уходящей куда-то в сторону Мцхета, исчезающей в голубоватой, сиреневой или сизой, в зависимости от высоты солнца и характере облачности, дымке. И вдруг, в седловине между склонами, спускающимися от перевала Зедазени с одной стороны, и предгорьем со стороны правого берега реки, я увидел только что возникшую, сияющую темным розовым светом конусообразную вершину горы, как будто плывущую в воздухе. Ее там раньше, еще несколько минут назад, не было — я люблю смотреть из окна, я бы увидел ее раньше.

Прошло несколько месяцев моей работы в институте, и каждый день я видел из этого окна ставшие привычными склоны гор, окружающие город с северной и западной стороны. И вот, как наваждение, как мираж, этим ясным прозрачным утром, возникла из пустоты неба чудо-гора. Она светилась, она разгоралась от темно- розового цвета до пурпурного, потом становилась все ярче до бело-желтого свечения. Я остолбенел от этого видения и долго просидел за столом, пытаясь понять, что же это — мираж, фата-моргана? Меня через некоторое время толкнул в бок Мераб Бродзели и сказал, "что это, во-первых, гора Казбек, во-вторых, обычное явление, хотя из нашего окна и не часто видно". Он проработал в этой лаборатории уже несколько лет и видел такое не один раз.

Вышедшее из-за горизонта, со стороны Каспия, азиатское Солнце, специально для меня, приветствовало повелителя Кавказа — гору Казбек. Сияющая сахарная шапка горы на миг еще раз вспыхнула солнечным светом, мигнула через всю долину мне на прощанье ослепительным лучом и исчезла, растаяла в далекой, сизой дымке.

В этот же день я решил, что должен это чудо рассмотреть поближе. Как это сделать, мне еще не было ясно, но я стал "собирать информацию", говорить об этом предприятии, как о своей мечте, с разными людьми — сотрудниками института, просто знакомыми, соседями.

Прошло несколько дней и выяснилось, что мой сосед по улице, к которому я часто забегал послушать что-либо из его джазовой коллекции пластинок, он же и сотрудник нашего института, работающий в отделе, если мне не изменяет память, "физики высоких энергий", — Алик Маловичко, — вхож

в альпинистский городской клуб, и сам иногда участвует в разного рода альпинистских мероприятиях — восхождениях и траверсах, в том числе, и на Казбек.

Оказалось, что в городе давно есть альпинистский клуб, старейший в Советском Союзе, и что было еще более знаменательным для меня, клуб регулярно проводит "альпиниады" — массовые восхождения на Кавказские горы, и конечно, на Казбек (Приложение, "Альпинизм в СССР"). Все сходилось — моя мечта принимала реальные очертания.

Алик Маловичко приобщился к альпинизму, не только в силу своих наклонностей, но еще и в память о своем отце, погибшем, кажется, во время войны. Его отец был, со слов моего приятеля, одним из постоянных членов или даже организаторов этого прославленного клуба, а вся советская школа альпинизма начиналась с массового восхождения, именно на Казбек, организованного профессорами Тифлисского университета в 1923 году. Так что мне оставалось только набраться немного терпения и в очередной "альпиниаде", а точнее, как потом оказалось в "академиаде" (любят же у нас всякие иностранные слова), попытаться пристроится к предполагаемому восхождению на эту прославленную гору, одну из трех самых знаменитых гор кавказского региона.

Желание увидеть это великолепие вблизи, а по возможности, подняться туда, выше — стало непреодолимым, мне был нужен, именно Казбек. До "армянского" Арарата, вызывающего такие же красивые ассоциации с библейскими сюжетами, но который находится в Турции, было далече. Этот же горный великан вызывал в моем воображении не только лермонтовские, заученные в школе, поэтические строки, — "у Казбека с Шат горою…", — но и манил своей кажущейся близостью, — я же его видел из окна, — доступностью, и особенно легендой об Амирани, так в Грузии зовут Прометея. Я уже давно погрузился в мир древней грузинской истории и мифологии, захватившей меня своим современным звучанием.

Эта многотысячелетняя, грузинская легенда в античные времена была позаимствована в Колхиде аргонавтами, совершившими поход за золотым руном через, "самое синее в мире", Черное море под предводительством Ясона. Среди них были близнецы Диоскуры — Кастор и Полидевк (Поллукс), могучий Геракл, хитроумный поэт Орфей, Пелей и многие другие, всего их было по легенде 67 человек.

В грузинской оригинальной легенде Амирани (Прометей), был прикован богом за непокорность к скале, в пещере Казбека. Его старый враг-дракон, прослышав об этом, пожелал

расплатиться с героем, но был превращен в камень и обратился в Скалы Дракона. Оказалось, что эти скалы и сейчас можно увидеть, что они расположены на склонах Казбека, на высоте 4800 метров, в виде гигантской километровой подковы.

По древним поверьям, раз в семь лет пещера разверзается, и можно увидеть, прикованного цепями к скале в пещере, легендарного Амирани.

Если бы мне повезло, то у меня мог бы появиться шанс увидеть все это своими глазами. Хотя никто не мог мне сообщить, когда именно сбываются эти семилетние сроки. К тому же, преданный Амирани пес, который вечно лижет цепи, распинающие героя, может быть, уже истончил их за столько тысячелетий. А приставленные богами кузнецы не успели обновить цепи, что они обычно делали в четверг страстной недели (в тушинском варианте — в ночь под Рождество).

По Эсхилу, более других мне тогда известному в переводах, Прометей (Амирани в Грузии) успел так много сделать для людей, что надо было отдать дань, если и не самому герою, то этой древней, красивой легенде, известной любому грузину, ставшей близкой всему средиземноморью, и не забываемой народами многих стран несколько тысяч лет. Не одного Эсхила вдохновила эта сказание, не он один посвятил ему свои поэтические строки.

Античный классик не поскупился на похвалы достоинствам Прометея и увековечил не только его подвиг по добыванию огня у олимпийских богов, но и добавил еще целый ряд высоких достоинств у этого героя. Когда и как произошла метаморфоза с грузинским именем из этой легенды — история умалчивает.

Приведу только строки, взятые из его поэмы "Прометей прикованный":

"… богатства, скрытые
В подземных недрах, — серебро и золото,
Железо, медь, — кто скажет, что не я, а он
Их обнаружил первым и на свет извлек?
Короче говоря, одну ты истину
Запомни: все искусства — Прометеев дар".

Да, "все искусства у людей от Прометея", кроме того он наделил их и разумом, — жалких людей, живших во тьме, в пещерах, научил их строить дома, корабли, заниматься ремеслами, носить одежды, считать, писать и читать, различать времена года, приносить жертвы богам и гадать.

Конечно, греческий классик немного все-таки присочинил,

хотя все более узнавая древнюю историю Кавказа, Грузии, наполняясь ее современным животворящим теплом, радушием, все более узнавая ее древнюю культуру и искусства, я склонялся к мысли, что "божественный огонь" в человеке мог быть зажжен именно здесь.

Попасть к самому великану — Казбеку, из Тбилиси, можно было по "военно-грузинской" дороге, проложенной еще русскими наместниками царя на Кавказе для передвижения своих войск, по Дарьяльскому ущелью, воспетому всеми российскими литераторами от Лермонтова до Ильфа и Петрова.

Как мне рассказали, главным украшением Дарьяльского ущелья, его символом является монастырь Святой Троицы, по-грузински, Цминда Самеба, где когда-то хранился крест святой Нино, сотворенный из виноградных лоз, обвитых ее власами, девы, крестившей первых грузинских царей Мириана и Нану. Можно было попасть в этом путешествии и в монастырь, расположенный на крутых склонах Казбека, прямо над селением Казбеги.

Я стал готовиться и ждать своего часа, мешало пока только то, что у меня, из-за обучения Изы в театральном институте, почти не оставалось свободного времени. Дитя росло и требовало внимания к себе, но альпинистское предприятие, поход на Казбек, засел у меня в голове. А пока оставалось изучать и далее "быт и нравы" жителей этого города, что по-прежнему доставляло огромное удовольствие.

Зима пришла в Тбилиси в конце декабря, мы стали осваивать "мангал" — жестяную "буржуйку" — самое распространенное в нашем Сванетском "убане" (убан — район груз.) отопительное средство. Пару поленьев в эту печку — и на полчаса в комнате становилось немного теплее, чем на улице, а ночью под перинами уже ничего не было страшно. Днем топить не надо было, на ярком солнце — тепло, я впервые увидел, как дети здесь бегают всю зиму в школу в одних курточках. Мужчины посолиднее надевали к зиме демисезонное, желательно импортное, пальто, женщины, дефилирующие в центре города, на Руставели или Плеханова, стали выходить на улицу в лакированных туфельках и шубках нараспашку в ожидании нового года, рождества.

Новый год в Тбилиси отличался длительными приготовлениями восточных сладостей, обязательным "сациви", домашним, чаще всего привезенным из "родной деревни", вином и бесконечными хождениями в гости "всех ко всем". Дома, за столом, конечно, поднимались бокалы в эту ночь, но, как правило, молодежная часть домашнего застолья не засиживалась, а уходила к ближайшим, по расположению к дому,

родственникам или знакомым. Посещение нового дома было коротким — несколько бокалов вина, похвала умению хозяйки и красоте праздничного стола, и далее все компанией, к которой присоединялись новые, захваченные по дороге "гуляки". Что-то вроде белорусских стародавних "колядок".

Я припоминаю, как однажды мы с Аликом Гачечиладзе, поздравив с Новым годом его благовоспитанных родителей, двинулись от его дома в старом городе, пошли по Леселидзе, оттуда через Колхозную площадь и Воронцовский мост на Плехановскую, заходя по дороге ко всем нашим друзьям, сотрудникам института и просто знакомым, а уже к утру оказались в Сабуртало, на другом конце города. Мы любили побродить по городу ночами не только в праздники.

Впрочем, отец Алика не должен был особенно удивляться нашему молодечеству, он сам в шестнадцать лет сел на велосипед, никому ничего не сообщив, уехал из Тбилиси "повидать мир", и доехал на этом велосипеде до Лондона. Только оттуда и дал телеграмму домой, что "все в порядке, здоров, нахожусь в Лондоне". Было это в 1913 году. Я думаю, что в крови Алика тоже бродили эти гены авантюризма и страсти к путешествиям. Недаром его при рождении отец назвал в честь покорителя Южного полюса Роальдом. Но для всех остальных он всю жизнь был Аликом.

Интересно было бы посмотреть на лица его родителей, когда они вертели в руках странную телеграмму. Понятно, что все это происходило до "Великого октября".

Да, "были люди…". Так что наши "походы" казались ему, думаю, детской игрой. Мы все-таки ограничивались чаще всего границами города, хотя тоже бывало, после длительного застолья и вдруг вспыхнувшего желания "повидать мир", оказывались "случайно" в другом городе, например, в Кутаиси или Телави.

С этими двумя замечательными грузинскими городами, оба из которых намного древнее Тбилиси, оба побывали в свое время столицами, — один Кахетинского царства, а другой еще более древнего Абхазского, а потом и Имеретинского царства, куда была перенесена резиденция грузинских царей из захваченного турками Тбилиси, — у меня связан совершенно до сих пор необъяснимый случай из моей богатой застольями тбилисской жизни.

Наша большая и жизнерадостная, всегда веселая компания отмечала, кажется, день рождения кого-то из многочисленных кутаисских родственников в его домашнем "марани" (марани — винный подвал груз.)). И вот из этого кутаисского подвальчика я, как-то вдруг, после обильных тостов, продолжавшихся часов пять

или шесть, незаметно для себя, оказался в "другом измерении". Все было наяву, но место где я стоял, мне не было знакомо, и в городе этом я никогда не был. Хорошо, что я был не один — рядом со мной находились мои "собутыльники", или правильнее "сокувшинники", так как в марани вино разливают из кувшинов, сохраняющих прохладу этой благословенной жидкости в самый знойный день. Так вот, все они хором утверждали, что это Телави. Ни один из них, правда, так и не сумел объяснить мне, как мы здесь оказались.

Хвала Всевышнему! — Гурам здесь бывал не раз, хорошо знал город и "поклялся мамой", что покажет нам всем место, где готовят "лучший в мире хаши" и жареные хинкали, в каком-то "Голубом духане" (духан — трактир стар. груз.). В Тбилиси жареных хинкали не делали — это одно заставило нас двинуться вслед за ним.

Подвальчик, из дверей которого так пахло, что мы бы, наверное, нашли это гостеприимное место и без Гурама, распахнул нам свои объятия. Мы быстро сделали заказ, еще быстрее "хаши" (уваренный бульон из голья и рубцов) и закуски, которых мы, вообще говоря, не заказывали, как по волшебству, были уже на столе, — прерванная потусторонней силой жизнь продолжалась. После стопки "чачи", тарелки "хаша" и порции жареных хинкали все стало на свое место. Немного придя в себя, Алик вспомнил, что мы вчера вечером вышли из "марани" подышать свежим воздухом, а потом поехали в сторону кутаисского аэропорта, кого-то надо было проводить. А может быть, встретить.

Этим, если не все, то очень многое объяснялось. С тех пор я с большим подозрением отношусь к легкому имеретинскому, домашнему вину, особенно если оно еще напоминает цветом, вкусом и пузырьками шампанское.

Самое главное во всем этом происшествии было то, что никто особенно не удивился этому странному переходу (или перелету) из одного города в другой. Ни одного из нас нельзя было заподозрить в злом умысле, мы были почти трезвые, или казались друг другу такими, разве что были немного навеселе. И, конечно, мы все любили друг друга и клялись в вечной дружбе. Что позже оказалось почти правдой.

Алик Гачечиладзе! — мой новый, закадычный друг, с которым мы не расставались до моего отъезда из Тбилиси, на протяжении тринадцати лет. Мне легко вспоминать все, что было с ним связано, так как ничто очень долго не омрачало наших отношений. Если бы не женщины… Впрочем, не стоит об этом…

У меня не много в жизни было настоящих друзей, с которыми

можно разделить все горести и радости жизни. Вот они передо мной — всех можно перечесть на пальцах одной руки. Алик Гачечиладзе — один из первых в этом списке, в этом, увы, мартирологе… Наверное, и такого количества настоящих друзей много для одного человека, этой высокой мужской дружбы, которая почти не подвластна времени, но не всегда может выдержать испытания женщиной…Но о нем в свое время.

— 1961, Институт кибернетики АН ГССР -

"Вова" прилетел в институт возбужденный, радостный — нам, по решению ЦК партии Грузии, отдают здание "Школы Марксизма-Ленинизма", партшколы в просторечии. Как говорила моя бабушка — видно "рак за горой сдох". Партийное руководство начало "замаливать" свои грехи за прошлое отношение к новому научно-техническому направлению, быстро набирающему темп в свободном мире. Нам даже не верилось, что это свершится, и я, еще работая в старом здании Института физики, дал обет не бриться до тех пор, пока наша лаборатория в составе нового института, не переедет в новое здание.

Здание, конечно, было не новое, выстроено до революции — мы, оказывается, часто проходили мимо него по улице Читадзе, к нижней станции фуникулера с голубыми и малиновыми витражами стрельчатых окон. Но оно настолько отличалось от всех домов, расположенных на этой улице, своим красно-кирпичным, профилированным фасадом, громадными окнами, охваченными белыми полуарками, и обвивающими все здание узловатыми и змееподобными, столетними глициниями, доходящими до крыши над третьим этажом. А перед зданием, в двух симметричных фасадных изломах, стояли могучие тутовые деревья. Во дворе был разбит чудесный сад, мало уступающий "ботаническому саду" города.

Да, строили раньше с умом и на века, создавали особый климат в этом здании — учебном заведении для благородных грузинских девиц — заведении Святой Нины. Не знаю, какая доля досталась "партшколе", когда она покинула это замечательное строение, но судьба его была продолжена уже в "новейшей истории". Сегодня в этом здании бывшего заведения Святой Нины, бывшей "партшколы", бывшего Института кибернетики (как это ни печально) расположено Министерство иностранных дел Грузии. "Все течет, все изменяется".

Борода у меня выросла до нашего переезда в новое здание и поэтому, обращающий внимание на все происходящее в Институте, "батоно" Элефтер, как-то отвел меня в сторону, встретив в коридоре, для выяснения причин моего нового облика. Пришлось на ходу выдумать, что борода — это солидарности с Фиделем Кастро. Такое политизированное объяснение, в духе наших газетных оценок тех событий в далекой, "но близкой нам Кубе", не подлежало обсуждению.

Постепенно, без особой спешки, начался наш переезд туда, почти к подножию фуникулера. Мы изрядно оснастились за предыдущие два года, но в последнее время все заказанное нами оборудование стояло нераспакованное в ящиках, загромождая весь коридор. И хотя в первое время это был лишь "Цейс", но для нас, не избалованных советским приборостроением, наступили счастливые времена. Сделанные с немецкой аккуратностью и тщательной отделкой, ящики с приборами мы стали сами перевозить в новое здание.

Откуда-то "выделили" деньги на специальную библиотеку, так как библиотека доставшаяся нам от партшколы была гуманитарной, старой, хотя и очень интересной. "Вова" разузнал о продаже личной библиотеки академика Иоффе и послал нас троих — Марка Перельмана, Гию Бегиашвили и меня на переговоры со вдовой "отца советской физики". Мы не посрамили доверие шефа и выполнили почетную миссию.

Я думаю, что у нас появилась одна из лучших "физических" библиотек в стране, так как Иоффе долго работал заграницей, у "самого Рентгена", выписывал и покупал всю жизнь на свои деньги все более или менее значительное из научных публикаций за рубежом. Один только полный комплект "Physical review", по-моему, с 1905 года, чего стоил. Это был наш фундамент справочной литературы по всем областям физики.

По-прежнему, был я в институте единственным дипломированным специалистом в области физической оптики, и мне стали доверять все, что требовало применения оптической аппаратуры в современных исследованиях. Приходилось самому многому учиться на ходу, а потом уже устанавливать технику в смежных лабораториях и учить других азам спектрометрии, методам точных оптических измерений, работе на спектрофотометрах и спектрометрах разного класса, словом всему тому, что было моей основной специальностью, полученной в лабораториях физмата.

Тесные рабочие контакты с сотрудниками других подразделений привели к тому, что у меня появилось много друзей, не обязательно связанных со мной моей специальностью, но близких по духу, по мироощущению.

Я всегда быстро сходился с людьми, а здесь в Грузии это было нормой общения, и расположенность тбилисцев к "чужакам" мне очень импонировала. Если учесть, что в Грузии даже "сын невестки двоюродного брата жены вашего дяди" является ближайшим родственником, с обязательным посещением всех ваших семейных праздников, особенно если у вас водится хорошее вино, то не прошло и года, как я уже был, по-

родственному, связан с одной половиной города через Изу. А прошло еще немного и я обнаружил, что и сам знаком через своих друзей с другой его половиной. Город становился "моим".

Еще мне очень нравилось отсутствие высокомерия и достаточно короткая дистанция, которая была между людьми, занимающими разное общественное положение. Таких отношений я никогда прежде не встречал ни у себя на родине, ни тем более в России, где снобизм, хотя это и не русское изобретение, в смеси с хамством, определяют отношение вышестоящих начальников к "люду", к "винтикам".

До сих пор, несмотря на большие перемены в стране, некую либерализацию российского общества, не могу допустить мысли, чтобы какой-нибудь даже не очень высокого ранга чиновник или "руководитель" российской выделки, может быть "на короткой ноге", например, с сапожником, сидящим в будке около дома и ремонтирующим обувь всем живущим на вашей улице. Как наш уличный Геворг, к которому сходилась вся городская информация из "первых рук". Доброжелательность и открытость тбилисцев, самоуважение представителей всех сословий города и отсутствие снобизма — вот были определяющие черты этого городского миниэтноса, сложившегося за многие века совместного проживания бесчисленных народов на этой благословенной земле.

А какое языковое богатство звучало в темпераментной толпе обывателей на улицах, рынках города, стадионах или серных банях. На Майдане или в Авлабаре, на площади перед "Голубой" баней в чайхане или на "бирже" в Александровском саду, где собирались тбилисские маклеры, продающие городские квартиры, можно было одновременно услышать грузинский язык, русский, армянский и тюркский (азербайджанский), идиш и курдский. В кривых улочках старого города звучал "идишь" и язык горских евреев, не поддающийся классификации лингвистов. А в кварталах левобережного Тбилиси, в районе улицы Плеханова, ныне Давида Ахмашенебели, в тенистых, тихих дворах бывшей Немецкой слободы, можно было услышать и немецкую речь. Но город говорил еще и на своем собственном "арго" — невероятной смеси всех этих языков и диалектов, языке, выработанном тесным общением всех национальностей, много столетий складывающих дружелюбную общину города.

Городской, непрекращающийся говор был непременным вкладом в общую симфонию звуков, продолжающуюся до глубокой ночи, музыкой города, не желающего ложиться спать и с трудом встающего рано утром.

— 1961 — Барбароба -

— Адэки, адэки, халхо! (Вставайте, вставайте, люди! — груз), уже все пошли, а вы все спите… это "баба Саша" — Сашико, мать Изы, поднимает нас рано утром, в воскресенье, стучит, поднявшись на цыпочки, с улицы, по подоконнику нашего единственного окна, зовет на "Барбаробу" (день святой Варвары).

Теплый день декабря, даже не поздняя осень, а прохладное лето, вот благодать…

Я все еще никак не могу поверить, что это тепло в декабре — достаточно обычная для Тбилиси погода, хотя живу скоро четвертый год в этом залитом солнцем краю.

Сашико (Саша груз.) положила на стол, завернутые в тряпочку "лобиани", принесла из кухоньки, где толкались две хозяйки, воды в бутылке, поставила в нее веточки, чтобы распустились к Рождеству. Одели Ию, она уже успела к этому времени навсегда убежать из детского сада, к которому не лежала у нее душа (больше мы ее туда не водили), и мы все пошли по верхним улицам, поднимаясь в гору. В сумке у Саши еще шевелился петух "на заклание" и позвякивали бутылки с вином. Мы двинулись к церкви святой Варвары, что была километрах в трех от нашего дома. Ия мужественно перебирала ногами по каменистой, сначала булыжной дороге, которая сменилась на высеченные в камне тропки — короткий путь к самой церкви. Через час ходьбы, мы как паломники к Иерусалимскому храму господню, слегка натрудив ноги, подошли к невысокой горочке, где и стояла церковь.

Я и не предполагал, что столько народу со всех сторон города движется к этому месту, здесь не прерывался ровный гул толпы, песни, музыканты с гармонями и новыми для меня инструментами (зурна, дудуки) создавали праздничное настроение и столько детей разных возрастов ввинчивалось в это море голов, сновало под ногами. Святая Варвара считалась покровительницей детей, что и объясняло такое их количество здесь. Неподалеку от церкви, со стороны противоположной главному входу, было устроено что-то вроде античного жертвенника из нескольких округлых камней. Только что совершился очередной акт "заклания" барашка, дети стояли вокруг, с интересом наблюдая за отработанными движениями главного в этой церемонии. Вот он же, окропивший жертвенник кровью, с ловкостью фокусника, подвесив тельце за ноги на специальной опоре, в одно мгновение оголил барашка и бросил шкуру на землю. Я вспомнил о "хахаме", к которому обращались

на "Майдане" за помощью, погружаясь в вымысел всего происходящего — кровь и музыка, гортанный говор толпы и повизгивания зурны или гармони. Запахи дыма и аромат поджаренного тут же на шампурах мяса со специями будоражил аппетит.

Я забыл, куда я пришел и зачем я здесь, и откуда я родом, из какой страны, где никогда не видели ни такого солнца, ни такого захватывающего зрелища. Зурначи взвыли, поднимая мелодию прямо к небу, толпа зашумела, хозяева барашка попросили еще и разделать его, и побросали крупными кусками в кипящий котел, подвешенный на рогатине над костром. Стала вариться "буглама", рядом большое семейство, расположившееся на ковриках, расстеленных прямо на камнях, затянули на несколько голосов песню.

Нет, я думал, что где-то уже видел такое, может быть, в своих снах, или видели это мои предки, тоже приносящие жертвы Пяруну (Пярун — бел. яз.), а это память передалась мне по наследству.

Словом, я был здесь как дома, как в том, иногда всплывающем в памяти, доме, которого я никогда не видел, но всегда ощущал в себе. В доме моих предков, родоначальников, патриархов родов, Валахановичей или Прокопчуков, или еще раньше, палешуков или валахов, во времена святого Влаха (Валаха), а может и еще раньше, до христианских времен, когда мои предки поклонялись Пяруну или Велесу.

Жизнь здесь, несомненно, воспринималась, как праздник, и неважно, к какому случаю этот праздник был приурочен. Ортодоксальное христианство так и не смогло в Грузии выветрить тот древний языческий ритуал, жертву Богу, с которого и начинаются все религии мира и во имя которого был зарезан наш петух. А впереди еще предстояли мне новые впечатления — Болнисоба, или Телетоба в монастыре, как будто летящем над городом, еле видном на кромке хребта, и многое, что предвещало будущие радостные впечатления…

Мы присели на какой-то подстилке, расстелили импровизированные салфетки, разлили вино и помянули всех сразу, кого уже не было с нами на этом празднике солнца, обещания вечной жизни, мира и добра. Ие тоже дали обмокнуть пальчик в стакане с вином и попробовать его, приобщиться к нам в этот день, день ее покровительницы, день покровительницы всех детей…

Мне довелось уже побывать на грузинских похоронах трагически погибшего "Диди" (большой — груз.), дяди моей жены, с которым я любил посидеть за бутылкой-другой "саперави" —

мир праху его! И хотя так рано ушел этот крепкий мужчина, оставив столько душ без поддержки, не было трагического восприятия этого события в окружении, среди многочисленной родни. Это было скорее неизбежное покорное подчинение судьбе, року, Богу, кому как удобно. Диди как бы присутствовал здесь на панихидах и последнем прощании. Мне было грустно расставаться с человеком, с которым я только что нашел что-то общее, стал понимать многое из необычности этого народа, его простоту и мудрость, традиции и открытость, готовность к восприятию всего нового.

Спокойный, медленно роняющий слова, он всегда сидел за столом так, что всем вокруг было понятно — вот он — самый главный, хозяин этой жизни, опора всех четырех сестер — Сашико, Катуши, Аны и Даро. Легенды о его молодости, когда у него была конюшня и был он владельцем фаэтонов, я уже не раз слышал в разном исполнении. Но в сарае внизу, в дальнем углу двора, я действительно нашел остатки фаэтонов с обломанными крыльями, прикрывавшими когда-то от разлетающейся с колес авлабарской грязи катящую по своим делам публику. А в далеком детстве, от вокзала в Ташкенте, меня везли в такой же черной, лакированной карете с мягкими, кожаными сидениями и складывающимся гармошкой верхом. Было время…

Я еще в 1957 году, когда впервые приехал с Изой в Тбилиси и провел в нем несколько месяцев, ощутил дух свободы и совершенно иную интерпретацию привычного, "советского уклада жизни", строго регламентированного "руководящей и направляющей" рукой ЦК в нашей республике, в Беларуси, или, как тогда она называлась, Белоруссии. Прожив здесь еще несколько лет, я только укрепился в своих первичных представлениях о жизни в этой стране.

В Грузии властям так и не удалось заставить людей обсуждать на кухнях "хрущевок", свои проблемы, национальные или государственные, "не удалось загнать в стойло", по определению одного моего тбилисского друга. То, что в Беларуси было предметом обсуждений городскими интеллектуалами "в подполье", на кухнях, в Тбилиси дебатировались на заседаниях кафедр, ученых и художественных советов, кое-что попадало и в местную прессу. Открытость высказываний по любому вопросу, после Минского полушепота и "фигур умолчания", бросалась в глаза, и мне была по нраву.

И особенно отличала Грузию большая свобода предпринимательства, относительная, конечно, но бросающаяся в глаза. Советские законы и инструкции работали в этой республике по-иному. Вот взять хоть "Диди" — дядю Изы,

Баркава-старшего, который был начальником смены самого настоящего кооперативного предприятия, выпускавшего какой-то ширпотреб. Ничего подобного в Минске не было, хотя слухи о каких-то подпольных "цехах" иногда ходили по городу.

Не пропал бывший владелец фаэтонов, со своей предпринимательской хваткой и в советское время. Когда я приехал в город, он возглавлял цех горячей формовки изделий из пластмассы. "Цеховики", как их называли в народе, были практически на легальном положении. Как они ладили с советской властью, мне было невдомек. У меня были другие интересы, далеко отстоящие от "частного предпринимательства".

(Цеховики — уникальное явление советской эпохи, явление неоднозначное. Среди цеховиков встречались как подпольные производители, дельцы-махинаторы, так и просто люди с предпринимательской жилкой, не желавшие в обществе официального равенства жить на одну зарплату и научившиеся извлекать прибыль из незаконной — на то время — деятельности. "Википедия").

А вот посидеть с Диди за столом было большим удовольствием, хотя бы потому, что он, кроме врожденного чувства юмора, обладал самым нужным мне в то время знанием ритуалов грузинского стола. Был, так сказать, моим наставником в этом нелегком деле. Нельзя же было мне подводить свою белорусско-польскую семью в традиционных застольях. Не спеша наливая, темно-вишневого цвета, немного пенящееся, молодое "саперави" в старые из толстого стекла, граненые бокалы, он учил меня нюансам грузинского винного праздника за столом, очередности тостов, приобщая меня к древнейшему вековому ритуалу, правильному отношению к божественному напитку, рожденному на этой земле.

Ушел глава всей семьи, опора их довольно трудной жизни: шесть женщин были на его попечении. Кроме четырех сестер, из которых старшая — Ана была его женой, он воспитывал, поддерживал, или как было принято писать раньше в романах, "принимал участие" еще и в воспитании моей жены, и самой младшей его племянницы — Нателы. Среднюю сестру — Даро раньше всех выдали замуж, младшую Катушу (Екатерина) так и не удалось пристроить из-за ее разборчивости, так она и осталась при нем, Саша (мать Изы) вышла замуж, но вскоре супруги разошлись. Вот и приходилось Диди заниматься всем этим "женсоветом" одному до моего приезда. Славный был человек и щедрый…

Я, в принципе, человек не религиозный, здесь в Грузии нашел у этой нации разумную меру отношения к бесконечному поиску

ответов на одни и те же вопросы — "откуда мы все и куда все уходит", о смысле жизни. Что же можно прибавить к этому ответу, что стало залогом для грузинского народа перед Господом, его отношения к Всевышнему, как не Соломонов завет: "…человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем, сколько бы он не трудился в исследовании…

…нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его…" (Екклесиаст, 8, ст. 15, 17).

Дочка еще немного подросла, уже сама выбегала на улицу, по которой не ездили машины, любила сидеть на широком подоконнике зарешеченного, по-тбилисски, окна в старой комнате — изучала мир. Надо было думать о дальнейшей судьбе Изы, которая долго не могла определиться со своим призванием после нескольких неудач с поступлением, то в подготовительный класс Минской консерватории (хоровой дирижер), то в Белорусский театрально-художественный институт, склоняясь все больше и больше к театральному поприщу. Наконец она решилась и, не без сомнений, попробовала сдать экзамены в Тбилисский театральный институт. Неожиданно для меня, она легко прошла предварительные туры и после заключительного экзамена была принята в группу замечательного педагога — Михаила Туманишвили.

В театральном институте, примыкающего к помещениям драматического театра имени Руставели, был в эти годы особенно талантливый состав студентов на всех факультетах, на долгие годы определивший лицо института и после выпуска изменивший всю театральную жизнь города. Достаточно вспомнить, что именно в эти годы из института вышли — выдающийся режиссер Роберт Стуруа, Гоги Кавтарадзе, чуть позже ставший режиссером этого же театра, а в то время, любимый всеми тбилисцами, актер малометражек кино, и целое созвездие актеров — Кахи Кавсадзе и Гуранда Габуния, Дато Схиртладзе и Жанри Лолашвили, Бэла Мирианашвили и Гоги Харабадзе, и, конечно, Иза, — Иза Гигошвили.

Это был фейерверк все новых и новых театральных дарований и удивительных спектаклей театра Руставели. Каждая новая театральная постановка, будь то спектакли Додо Алексидзе или Михаила Туманишвили, становилась сенсацией в городе. Это всегда был праздник, мы ходили на эти спектакли по несколько раз, дегустируя каждый нюанс разворачивающегося действа. А когда стали проявляться концептуальные режиссерские новации молодого Роберта Стуруа в таких пьесах, как "Салемский процесс" или "Кавказский меловой круг", стало ясно, что грузинский, или точнее, тбилисский театр, театр Руставели вышел на мировой уровень не только в режиссуре, но и по уровню исполнительского мастерства.

Мне, к счастью, не надо подробно описывать те бурные годы необыкновенного подъема театральной жизни Тбилиси, иначе пришлось бы включить в перечень не один десяток актеров

и режиссеров тех лет, вспомнить блестящие спектакли и свои восторги от удивительного грузинского театра. Но об Изе и ее "творческих муках", прямо отражающихся на нашей совместной жизни, я должен немного рассказать, так как это стало почти основным содержанием моей жизни этого периода.

Иза в институте училась сценическому мастерству в классе Миши Туманишвили и ее первый успех связан со спектаклем еще на учебной сцене театрального института — это была роль Гедды Габлер в тонкой и сложной для постановки, Ибсеновской пьесе. Ибсена нам пришлось прочесть вместе, тем более, что у нас в домашней библиотеке были только пьесы, изданные в русском переводе, а Изе было трудно одолевать сложные русские тексты. Пришлось и мне потрудиться немного — прочесть, понять, изложить ей свое понимание в простой и доступной форме.

Дипломный спектакль "Гедда Габлер" в каких-то голубых декорациях выпустили в "Малом зале". Не знаю, как его восприняли коллеги Изы по ремеслу, но мне, с детства привыкшему к театру и любящему его, и, как мне казалось, немного разбирающегося в нем, стало ясно — вот я вижу чудо на сцене — абсолютное воздействие актрисы на зрительный зал, то, что называется "связь с залом". Эти ощущения от ее игры были на уровне подсознания, определить их, выразить словом невозможно, так же как трудно объяснить появление "мурашек" на коже в отдельные минуты хорошего спектакля. Хотя сама пьеса была поставлена, видимо, "не ко времени", как мне показалось.

Такое сильное воздействие театра я испытывал всего несколько раз, и только в том случае, если актер действительно творил свое действо вместе со зрительным залом, на одном с ним дыхании, абсолютно перевоплощаясь. Нет, правильнее было бы сказать, проживая жизнь своего трагического героя, как это могли делать, например, потрясшая меня, греческая трагедийная актриса Аспазия Папатанасиу, или Гоголева, или Царев на русской сцене тех лет.

Начались и съемки фильма совместно с французами, где Изе дали какую-то эпизодическую роль. Роль была крохотная, но было интересно пообщаться со "звездами" советского и французского телевидения и кинематографа. Это были с "нашей" стороны — Татьяна Самойлова, прогремевшая на всю страну в фильме "Летят журавли" и любимец советского зрителя, наипопулярнейший Юрий Белов, с французской — набирающий известность, тридцатилетний Жан Рошфор и известный телеведущий и политический обозреватель первого ТВ-нанала Франции — Леон Зитрон, конечно, происхождением из Одессы.

Я не упустил возможности пригласить их к себе домой после

съемок, которые проходили в Алазанской долине, обычно голубой издалека, в дымке, или изумрудной в полдень, но пламенеющей листвой каждую осень. Съездил к ним в Гурджаани, провел вечер в новой обстановке с сухим, поджарым и, как мне тогда показалось, не очень выразительным, Рошфором и с весельчаком Зитроном, свободно говорившем по-русски. Так и не удалось увидеть Самойлову или переговорить с Беловым, который вечно находился вне съемочной площадки "под градусом".

Представляю их рассказы во Франции о посещении нашей квартиры — что-нибудь в духе баек Ива Монтана о нижнем белье советских женщин.

Картину ("Леон Гаррос ищет друга", реж. Марсель Палиеро, 1960) мы тогда так и не увидели, может быть, ее сняли с проката за полный провал. Через сорок с лишним лет я, случайно, увидел этот "шедевр" по телевизору, благодаря моей привычке смотреть по возможности сразу все каналы, безостановочно их переключая. Изы не было там — ее, к счастью для нее и искусствоведов, "вырезали".

Позже, когда Иза окончила институт и была принята в театр имени Руставели, где собралась такая труппа выдающихся актеров, что ее хватило бы на несколько хороших театров Москвы и Ленинграда, я видел, как с каждым спектаклем растет ее мастерство, техника, изящная, только ей присущая пластика в любой роли. Ее успех, запоминающаяся трактовка самой малой роли, по-моему, и стали основной причиной зарождающегося конфликта Изы со "старшим" поколением театра, ревниво относящимся к продвижению молодых актеров. В театре ведь на все главные женские роли в эти годы претендовали Медея Чахава и Саломея Канчели, или приглашенная на несколько спектаклей, но не выдержавшая конкуренции "маститых", Лейла Абашидзе, известная на всю страну исполнительница главной роли в кинокомедии "Стрекоза".

Иза Гигошвили, Народная артистка Грузии

Театр Руставели в 60-е годы был для города, ставшего уже моим домом, знаком, символом свободы и вольнодумства. Унылый социалистический реализм в этом "храме" был преодолен его искрящимся искусством, как преодолевалась серая жизнь всей страны "на холмах Грузии" — добродушным лукавством южан, острословием и, конечно, грузинским вековым застольем…

Мужской состав театра был просто фантастический. В театре тогда еще громыхал на весь зал, в героических ролях, затухающий, как отдаленная гроза, Акакий Хорава, но уже выходили на авансцену самоуглубленный Серго Закариадзе и щедрый на шутку, юмор Эроси Манджгаладзе, великий импровизатор Карло Саканделидзе. А за ними шла новая волна талантливейших актеров театральной школы Гоги Товстоногова, Додо Алексидзе, Миши Туманишвили. Выходили на авансцену — Резо Чхиквадзе, Гурам Сагарадзе, Нодар Чхеидзе, братья Гегечкори, да всех и не надо перечислять.

Театр имени Руставели был "театр театров", "Театр"

с большой буквы. Его фундамент закладывали Ахметели и Марджанов, Васадзе, Додо Алексидзе и Георгий Товстоногов. Мне еще раз хочется отметить, что в наше время он стал таким, или вышел таким из понимания смысла театра и его поэтики Михаилом Туманишвили, его глубинного знания механизмов театрального чуда, привитого своим многочисленным ученикам, среди которых выделялся Роберт Стуруа.

Михаил Туманишвили мне очень нравился и вне театральной, рабочей обстановки — мягкий, интеллигентный, с печальными глубокими глазами, скорее грузинской красавицы, чем современного мужчины, аристократичный в каждом своем жесте, способе выражения мысли, движении.

Он ощущал грань между серьезным и смешным, и обладал даром соединения юмора и печали, сам всегда был серьезен, даже грустен, потому что знал о жизни много такого, о чем говорят только в узком кругу. Его тонкие, длинные пальцы пианиста или художника, в нервном подрагивании, рождали какой-то ускользающий образ человека из другого мира. В его недосказанности и сдержанности часто было больше смысла, чем в широком эмоциональном излиянии, в удручающей иногда болтовне людей от искусства. Это я, по-моему, где-то вычитал или услышал.

Режиссерская школа театра Руставели стала определять театральную жизнь всей Грузии. Ученики Миши Туманишвили разъехались, разошлись кто куда, и сегодня Роберт Стуруа возглавляет Театр имени Руставели, Темури Чхеидзе в Петербурге, в БДТ, Гоги Кавтарадзе в Русском театре Тбилиси. Везде, по всей Грузии, ученики Михаила Туманишвили, его школа дает все новые и новые плоды.

Но, хватит об этом театре, о нем можно говорить бесконечно — театр живет в душе каждого грузина. Чтобы услышать и увидеть подтверждение этому высказыванию достаточно было пойти на любой из тбилисских рынков. Этот театр остался и в моем сердце, но вернемся все же к прозе жизни.

Наверное, становится понятным, что почти всех перечисленных актеров и режиссеров очень скоро я узнал накоротке, встречаясь с ними "по поводу" и без повода. Если мне они понадобятся для развития или украшения сюжетной линии, я призову их в свидетели.

— Тбилиси и "Кибернетика" -

Я все же продолжу другую линию моей тбилисской жизни, более всего связанную с Институтом кибернетики АН ГССР, с другой стороной моей натуры, часто разрывающейся между "лирикой и физикой", приводящей меня в противоречие с самим собой.

Стиль и образ жизни тбилисца, от века, был такой, что ему приходилось, причем не всегда по своей воле, а следуя вековым традициям гостеприимства, встречаться с великим множеством людей. В Тбилиси, в край "голубых гор", любили приезжать из всех городов СССР, зная, что здесь каждого встретят щедро и радушно. Бесконечные симпозиумы и конференции привлекали сюда бесчисленное количество разношерстного люду со всей страны, с которыми иногда приходилось общаться по долгу службы.

Для меня, не отягощенного грузинскими древними традициями, оставалась всегда возможность отсеять "зерна от плевел" без особых церемоний и ближе познакомиться с людьми, интересными лично мне. Так мне повезло встретиться и подружиться с Мишей Вентцелем, а потом в Москве и со всей его семьей, в частности, с его талантливейшей матерью — Еленой Сергеевной Вентцель, автором классического учебника "Теория вероятности", "широко известной в узкой интеллигентной среде", как писательница

И. Грекова. О них надо будет рассказать особо, таких семей с такими традициями, сохранившимися с давних, чуть ли не "петровских времен", в Москве почти не было, и не думаю, что в этом нашем времени они могут существовать.

Появлялись иногда в нашем институте, привлеченные новомодным течением, а иногда и просто словом "кибернетика", и совсем легендарные личности, вроде сына Есенина (Есенин-Вольпин) или Мессинг, человек со сверхъестественными способностями телепата и прорицателя, или чемпион мира по шахматам Таль, или будущий академик Сахаров, "отец водородной бомбы" о котором мы тогда ничего еще не знали, хотя наш "шеф" был с ним знаком еще со времен аспирантуры у Игоря Евгеньевича Тамма в Институте физических проблем.

Можете себе представить еще и ажиотаж, который сопровождал официальные визиты в институт и посещение наших лабораторий такими лицами, как президент Академии Наук Мстислав Келдыш, со своей многочисленной "свитой", спустившейся с научного Олимпа со сворой партийных

чиновников. Или визиты Акселя Ивановича Берга, который молился на свое детище, так как наш институт был создан при его непосредственном участии — он возглавлял созданный им же Научный совет по комплексной проблеме "Кибернетика" при Президиуме АН СССР.

Бывали у нас иногда случайные люди, но через некоторое время начались регулярные визиты генералов с голубыми лампасами и "черных полковников", "каперангов" с золотыми галунами, руководителей оборонной промышленности, присматривающихся к новому направлению. Что касается партийных деятелей, и многих других "функционеров", привлеченных необычностью института, красотами Тбилиси и, дармовыми "для гостей", винными застольями, то мне до сих пор не очень понятно, кто оплачивал встречи с ними и из каких источников это производилось.

Кроме того, стало хорошим тоном в высокообразованной среде "поговорить о кибернетике". А так как у меня была выигрышная тематика, связанная с волоконной оптикой и позволяющая "показать что-либо красивое" при посещении нашего института каким-либо высокопоставленным лицом, то мне приходилось знакомиться и знакомить с нашими работами почти всех "державных" посетителей.

Но должен кратко сказать об одном, несомненно, выдающемся человеке, незабвенном Акселе Ивановиче Берге, так как не думаю, что сегодня о нем помнят даже те, кто ему многим обязан. Лучше меня это сделает официальная страница из Интернета.

"Аксель Иванович Берг родился 10 ноября 1893 г. в Оренбурге в семье русского генерала шведского происхождения. Мать Акселя Ивановича была начальницей женской гимназии в Царском Селе. Первую мировую войну он встретил младшим штурманом линейного корабля "Цесаревич". В конце войны А. И. Берг командовал подводной лодкой Красного Балтийского флота.

В 1937 г. А. И. Берг стал начальником Научно-исследовательского морского института связи и телемеханики. В декабре 1937 г. по обвинению во вредительстве (якобы, неоправданные затраты на НИР и ОКР по созданию новой техники) А. И. Берга арестовали, два с половиной года он провёл в заключении. Там он встречался с очень интересными людьми, которых постигла та же судьба, например с К. К. Рокоссовским (будущим маршалом), А. Н. Туполевым (знаменитым авиационным конструктором), П. И. Лукирским (будущим академиком).

В мае 1940 г. А. И. Берга реабилитировали, его восстановили в воинском звании и он вернулся к преподавательской работе.

В 1941 г. ему было присвоено воинское звание инженер-контр-адмирал.

В 1946 г. А. И. Берга избрали действительным членом АН СССР.

В 1953–1957 гг. А. И. Берг был заместителем министра обороны СССР по радиоэлектронике.

В 1955 г. в составе АН СССР был открыт Институт радиотехники и электроники (ИРЭ). А. И. Берг стал его первым директором.

К этому времени у меня уже появился и "свой ближний круг общения" внутри института, связанный с моими интересами и предпочтениями. Это были два Алика — Алик Гачечиладзе, увлекший меня биологией, с которым я сошелся, что называется навсегда, до его кончины, и Алик Маловичко, заразивший меня сначала туризмом и альпинизмом, а позже — яхтенным спортом.

Близким и надежным товарищем стал мне Мераб Бродзели — мой первый непосредственный начальник, отец моих научных поисков в области измерения наносекундных световых импульсов. Я накоротке сошелся еще с Эриком Керцманом, знатоком тбилисских подвальчиков и ресторанов, познакомившим меня с миром грузинской кухни и научившим меня правильно, по-тбилисски, есть хинкали, и с Вовой Коганом — моим первым дипломником, на котором я стал оттачивать свою доморощенную теорию управления сотрудниками и с которым я потом стал сочинять пародии, шаржи и выпускать юмористическое приложение к институтской газете.

Институт жил полной, интенсивной жизнью классического, академического центра, с широкими научными и культурными интересами, и мягко направлялся дружелюбными покрикиваниями и пухлыми выразительными руками "Вовы", нашего обожаемого всеми директора, лучшего тамады в Академии Наук по всеобщему признанию. (Приложение — "Ученый — тамада"). Сказывалась в общей культуре института "школа Андрониковых", в которой мы тогда все подпали еще и под обаяние старшего брата Элефтера — Ираклия Андронникова (Андроникашвили), были увлечены его первыми публикациями, радиопостановками, видели и слышали его "живьем", в неформальной обстановке. Завидовали одной из наших сотрудниц — Тате Юзбашевой, допущенной лицезреть обоих "Андрониковых" в домашнем окружении.

Мне доставляли радость и мои первые публикации

в "Моамбэ" — "Докладах Академии наук Грузии", и получившие наше всеобщее институтское признание воскресные походы небольшими группами по окрестностям Тбилиси, историческим местам, живописным развалинам, — от Армазского ущелья до монастыря Шиомгвеми, или до Бетаниа, где росло "древо желания", — и я уже перестал удивляться все расширяющемуся кругу моих новых друзей.

А как мне нравилось утром скатиться по моей узенькой улочке Бочоришвили, запрыгнуть на заднюю площадку на повороте трамвая к "Воронцовскому" мосту, или даже, не ожидая трамвая, пройти немного, поглядывая с моста на Куру, все время меняющую свой цвет от темного, коричневого, после дождя, до зелено-голубой, изумрудной в ясную погоду, перейти через "сухой мост", войти в Александровский сад и мимо Кашветской церкви выйти на Руставели, на улицу вечного праздника.

Если я шел на работу пешком эту одну трамвайную остановку, то обычно по пути, перед работой, присаживался на несколько минут к знакомому "айсору" (ассирийцу) и тот за два рубля (20 копеек после 1961 года) приводил мои туфли в "боевую готовность".

Чистка обуви в Тбилиси у знакомого чистильщика, у которого это было, передаваемое в ассирийской диаспоре, по наследству, "дело", в виде будки со шнурками и коробочками разных мазей, была таким же обязательным ритуалом, как стрижка волос или еженедельный визит в "Дом быта" на Руставели для отглаживания и "отпаривания"(кажется так называлась эта процедура) моего тогда единственного костюма.

После этих незамысловатых, но, увы, забытых сегодня горожанами, действий, в только что вычищенном и выглаженном костюме (вся эта процедура в "Доме быта" занимала минут пятнадцать-двадцать), с начищенными ботинками, можно было продефилировать по самой нарядной в то время во всей стране улице.

Политая и подметенная ранними утренними дворниками — курдами главная, парадная улица города — проспект Руставели придирчиво оглядывал тебя, и если все было в порядке, благословлял на труд, на свидания или приглашал просто пройтись под тенью вековых платанов. Мне же надо было торопиться, еще оставалось пересечь наискосок проспект от "Интуриста" к голубым елям Дома Правительства, и можно было уже одолевать подъем по Читадзе к фуникулеру. Вот и мой институт, где к концу лета расстилали под деревьями простыни, — в это время года осыпающиеся тутовые деревья роняли тысячи красно-фиолетовых сладчайших ягод.

Как это раньше строили дома, что даже в самый жаркий день вестибюль нашего заведения сохранял прохладу и звуки улицы глохли в нем? В новом здании Института физики, из которого мы уже совсем переехали, не было такого благолепия, таких мраморных ступеней на лестницах, таких оконных ниш и уж, конечно, не было своих лимонных деревьев, шпалерами стоящих в коридорах. А сад во внутреннем дворе до нашего времени сохранял свое великолепие аллей и пышных цветников, за которыми ухаживал, видимо, с дореволюционного времени, "сололакский Мафусаил", переживший все революции и войны (Сололаки — район в верхней части города).

Да, заведение Святой Нины было когда-то идеальным местом для взращивания талантов у благородных девиц, настраивания их на достойную жизнь — это был по существу, как можно было узнать из архивных источников, грузинский вариант "Смольного института благородных девиц".

Не знаю, как это было связано с такими давно забытыми заведениями, но надо сказать, что одной из самых заметных черт грузинских городских девушек того времени, особенно их внешнего облика, было врожденное благородство, которое сквозило в их походке, умении держаться, особом вкусе в выборе одежды. Впрочем, у мужчин тоже, но у них эта особая изысканность контрастировала с некоей небрежностью, европейским шиком, недаром Маяковский окрестил тбилисцев — "парижаками".

Тбилиси — это прежде всего "город звучащий". В этом городе умели играть, как минимум на гитаре, если в доме не было фортепиано. Девушки обычно хорошо, в несколько голосов, "а капелла", пели при каждом удобном случае, создавая неповторимую атмосферу на всех сборищах молодежи, что резко контрастировало с нашей, минской традицией "танцев под радиолу" на домашних вечеринках. В Тбилиси, надо отметить, тогда пели все — за традиционными мужскими грузинскими столами, где священнодействовал ритуал и строго соблюдалась традиция поглощения неимоверного количества вина, всегда находилось несколько человек, почти профессионально начинающих мелодию, дающих "запев", устанавливающий тональность, и уже после такого вступления мелодия потом подхватывалась всем застольем. Слушать их было наслаждением.

Меня не особенно беспокоило незнание грузинского языка — в моем институте все говорили по-русски, в той, сохранившейся еще, досоветской интеллигентной среде, вообще был принят русский язык. Здесь было почти, как у нас в Минске, где все знали белорусский язык, но употребляли его, в основном, для

подчеркивания смысла или для украшения речи особо красочными, как правило, народными выражениями.

Но грузинским языком в Тбилиси дорожили, он был мне здесь более нужен, чем в Минске белорусский, — я взялся за "Самооучитель" и начал ежедневно пополнять свой скудный словарь словами нового языка. Все-таки основным языком общения в городе между всеми национальностями был чаще всего грузинский язык, потом русский, а потом "арго" — неповторимая смесь грузинского, армянского, русского и еще каких-то, не сразу мною установленных языков.

Что меня особенно удивило, когда я стал ближе знакомится с моим окружением в Тбилиси, — это красота русской речи в старинных, в смысле своей родословной, грузинских семьях и в давно укоренившихся в Грузии русских семьях. Они напоминали мне традиционные семьи Ленинграда, "петербуржцев", где мне так нравился их русский язык, правильность произношения, строй речи, изысканность в построении фразы, особенно в сравнении с грубоватой, отрывистой, режущей мой слух "аканием", речью москвичей.

Может быть, это происходило из-за моей давней практики слушать хорошую литературную речь в театре, или на радио, — не знаю.

Я думаю, что из-за привычки к пению, развитому слуху, в речи тбилисцев много интонационных переходов от понижения к повышению или, особая тональность, наличие обертонов в говоре, что придает неповторимую музыкальную окраску разговорной речи. Мне кажется, что врожденное качество уроженцев этого города — это генетическая предрасположенность к пению, музыкальные способности и яркая, образная речь. Недаром, Ираклия Андроникова (Андроникашвили) или Сурена Кочаряна можно было слушать часами, что бы они ни читали, о чем бы ни говорили, так завораживающе, мелодически звучали их длинные литературные монологи со сцены.

Оба они, — Сурен Кочарян, как и Андроников, — родились и начинали свою жизнь в Тифлисе. Может быть, здесь в воздухе, наполненном голубизной высокого неба, находилось что-то такое, что развивало музыкальный слух, выстраивало неповторимую музыку говора, задавало особый ритм жизни, настраивало на желание, если не петь или играть, то хотя бы писать свои или, в крайнем случае, декламировать чужие стихи.

Тифлис, Грузия, да пожалуй, и весь Кавказ всегда давали начальный толчок, творческий импульс многим российским поэтам и литераторам, музыкантам и художникам.

Весь этот бесконечный ряд можно было бы начать

с Грибоедова, вдохнувшего в Тифлисе воздух любви. Или с Толстого, который на Кавказе обрел себя. Здесь находится начало его литературного пути, здесь он сдавал экзамены на офицера, на мужчину.

Горький напечал свой первый рассказ в Тифлисе. А в Метехской тюрьме услышал, "как сверху через крыши непрерывно вливается глухой шум бешеных волн рыжей Куры, воют торговцы на базаре Авлабара — азиатской части города; пересекая все звуки, ноет зурна, голуби воркуют где-то… Поют странную песню — вся она запутанная, точно моток шерсти, которым долго играла кошка. Тоскливо тянется и дрожит, развиваясь, высокая воющая нота, уходит всё глубже и глубже в пыльное тусклое небо и вдруг взвизгнув, порвется, спрячется куда-то, тихонько рыча, как зверь, побежденный страхом. Потом снова вьется змеею, выползая из-за решетки на жаркую свободу. Внимая этой песне, отдаленно знакомой мне, — звуками своими она говорит что-то понятное сердцу, больно трогающее его…" ("Женщина", А.Горький, 1913, под названием "По Руси (Из впечатлений "проходящего"), напечатано в журнале "Вестник Европы", 1913).

Даже тюрьма в этом городе давала пищу творческому началу.

Или Шаляпин, который так сказал о Тбилиси: "Я рожден дважды: для жизни — в Казани, для музыки — в Тифлисе". Оперный театр имени Палиашвили, где впервые зазвучал голос великого Шаляпина, гордится тем, что здесь он получил первые уроки вокала, когда его учителем был преподаватель тбилисского музыкального училища Усатов.

Так что, этому городу и этому театру обязаны мы и уникальным голосом Шаляпина, его божественным талантом.

Впрочем, Тифлис дал миру не только музыкантов и художников — выдающийся государственный деятель, единственный в истории успешный реформатор всей финансовой системы России, Сергей Юльевич Витте, тоже родился в Тифлисе.

Лучше всего о своих тифлисских (и тбилисских) земляках, известных всему миру, написал журналист-международник Владимир Головин в книжечке "Головинский проспект" (Тбилиси, 2005).

Этот список можно продолжать, и продолжать. Древний Тифлис, в мое время уже Тбилиси, как и вся Грузия, видно, всегда обладал особой аурой, воздухом, настоянным на звуках, красками, которые просились на холсты, светом, просветляющим сознание или вином, поднимающим на философскую высоту обычную застольную беседу.

И еще — Грузия, грузинский народ с его многоголосьем, с варевом разных национальностей и народов и врожденной

веротерпимостью была хранительницей и пристанищем гонимых: поэтов, религиозных деятелей и целых общин (например, молокане), а то и просто обездоленных, нищих людей и "несогласных", уже в современном понимании этого слова. Это помнили все лучшие умы России, а русские поэты нашли в Грузии благодарных слушателей и почитателей.

Вот так оценил грузинское извечное гостеприимство и участие в нелегкой судьбе русских поэтов всех времен Евтушенко:

"О, Грузия! Нам слезы вытирая,
Ты русской музы колыбель вторая,
О Грузии забыв неосторожно,
В России быть поэтом невозможно".

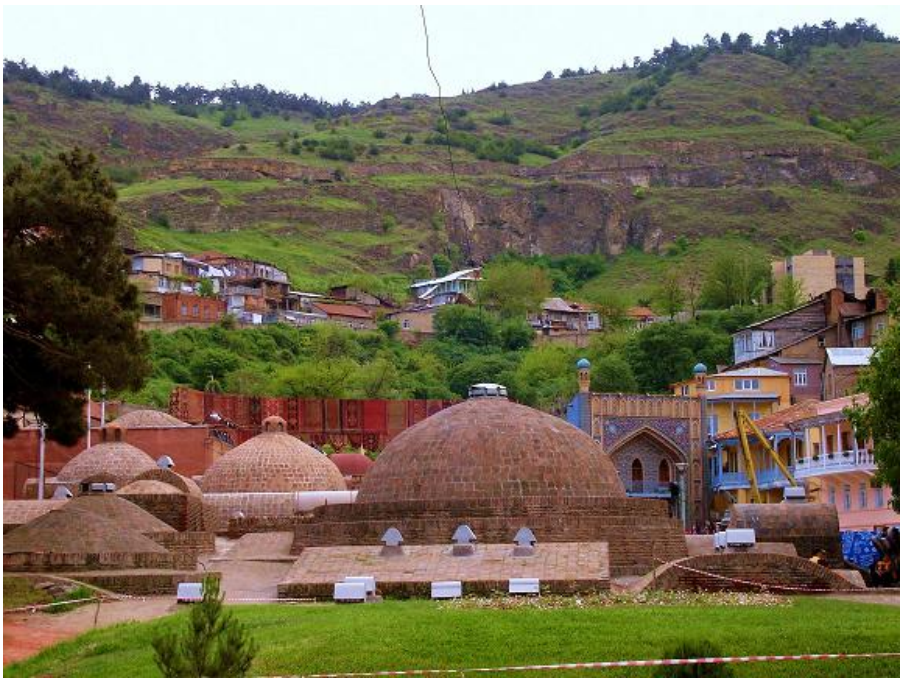
Тбилиси — пульсирующее неистребимой жизнью сердце Грузии, этот согревающий душу общий дом, вырос на сползающих к Куре крутых склонах, обнимающих город, охраняющих его, как створки раковины хранят драгоценную жемчужину. В этом городе хотелось жить вечно. Надо было бы рассказать и о моем первом знакомстве с серными банями, но я ограничусь коротким наброском, ведь тбилисским серным баням уделено столько самых высоких похвал от Пушкина и Александра Дюма, или от Толстого Льва Николаевича и Толстого Алексея Николаевича, до Евтушенко и Юрия Лужкова, что не стоят внимания мои первые, тогда еще робкие, впечатления об этих незабываемых минутах полного растворения в блаженстве.

Кстати сказать, наиболее поэтическое впечатление от этих бань, как ни странно, я обнаружил в высказываниях московского градоначальника Юрия Лужкова. Надо отдать ему должное (см. стр.92, Приложение, Ю.Лужков, "О любви").

Жил я тогда неподалеку от открытой недавно бане на "Киевской", и все соседи говорили, что там такая же серная вода, как и в банях на "Майдане" (перс. "майдан" — базар, — самое древнее, историческое место города). В этой бане я любил поплавать в ее самом большом в городе бассейне или поспать после ночного кутежа на теплых мраморных скамейках, подогреваемых снизу. А "старые бани", — "Голубая" (Орбелиановская) или "баня № 1" (ближе к набережной Куры в старом городе), — регулярно посещались хотя бы раз в неделю, особенно если образовывалась хорошая мужская компания.

Сегодня, приезжая в Тбилиси, живу я в доме дочери, расположенном чуть выше, в районе Харпухи, что в конце улицы Гришашвили, которая видна с балкона четвертого этажа нашего

дома и начинается от Майдана. В самом начале этой улицы, внизу на спуске, и расположены древние, многократно перестроенные, знаменитые серные бани. Хожу один или со своими внуками в эти бани почти каждый день, всунув ноги в "коши" (тбилисские шлепанцы на деревянной подошве) и перебросив через шею полотенце. Спускаюсь по крутой улочке старого города, постукивая деревяшками по булыжной мостовой, выбираю через несколько минут ходьбы баню, в зависимости от настроения — верхнюю или нижнюю, а если не лень пройти еще несколько шагов, немного дальше, то обновленную "Голубую".



Это часть нашей жизни, а не дань экзотике, это обычная жизнь коренных горожан, к которой я приобщился в свое время и не хочу отвыкать от этих сладостных привычек тбилисского старожила, обязательно включающего в свой распорядок, кроме бесед с друзьями, посещения "хинкальных" и "дегустирования" молодого вина, еще и такое удовольствие, как серные бани.

— 1961, Алик Гачечиладзе -

Я благодарен стечению обстоятельств, судьбе или еще там чему-то, не знаю, что свело меня с Аликом Гачечиладзе на такое долгое время, в самую лучшую пору нашей институтской, насыщенной такими неординарными событиями жизни. Он увлек меня и научной одержимостью, и своей искренностью, и оптимизмом, и чуть было не заставил меня сменить мое научное направление. Биология была его страстью, передававшейся всем его окружающим, а когда мы стали заниматься проблемами памяти, тут его буйная фантазия не находила ограничений и часто выходила за границы разумного. А тормозов нам, видимо, нехватало, — мы слишком уж тогда разбрасывались, казалось, что все нам доступно, еще немного и мы все поймем, воспроизведем, найдем ключ к вековому вопросу — где память, какова ее структура, что лежит в ее основе? Мы мало знали, что и спасало нас от угрызений научной совести.

Я, помучившись несколько месяцев, списался с гистохимиками из Шведской академии наук, занимающихся электрофорезом белков в толстослойных пленках из агар-агара, разработал новый способ их получения, и создал устройство оптической, количественной оценки "ДНК" и "РНК" на основе люминесценции белков. Шведская школа исследователей во главе с Хиденом исповедовала биохимическую теорию передачи генетической информации, химическую природу памяти, связанную с ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) и значительно опережала нас в этом направлении.

Нам, нашим институтским биологам и биофизикам, работающим вместе с нейрофизиологами из института Бериташвили (Институт физиологии АН ГССР), представлялось тогда, что именно эти сложные белки, их синтез, ответственны за механизмы мышления, что запоминание информации в живых существах происходит в виде записи на молекулах ДНК. Нас прельстила эта кажущаяся простота объяснения механизмов памяти, и мы взялись за работу.

Сколько от руки Алика Гачечиладзе полегло в длительных исследованиях сначала крыс и белых мышей, потом цыплят, и уже значительно позднее кроликов, невозможно себе представить. Но в нашем дружном научном коллективе ничего не пропадало даром, так что последним, заключительным этапом любого эксперимента с животными была пышущая жаром муфельная печь. Нет, крыс или белых мышей, если кто-нибудь подумал

нехорошее, мы не ели. А вот цыплят и кроликов, украшенных зеленью с "Дезертирского базара", расположенного напротив лаборатории Алика, в отдельном старом здании, при обильном возлиянии, не всегда хватало, столько людей собиралось на наши "посиделки". Это были наши вечерние "обсуждения полученных результатов".

Однако наши поиски носителя памяти, как и работы других групп исследователей во многих странах, в те далекие 60-е годы, не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов, несмотря на появляющиеся в научной литературе, время от времени, очередные "сенсационные" сообщения. Например о том, как "умнеют" планарии (крошечные примитивные черви) или крысы, получившие в свой рацион белки предварительно обученных особей.

И все-таки мир был прекрасен, энергии у нас было с большим избытком — мы не огорчались из-за неудач, понимая, что все "пойдет в общенаучную копилку знаний". Алик, между тем, подготовил диссертацию и мы все были приглашены на ее защиту. Надо сказать, что это была первая диссертация в нашем достаточно узком кибернетическом окружении, и хотя она не имела прямого отношения к основным задачам института, мы искренно радовались успеху Алика и "отмечали" потом результат его работы не одноразовым кутежом, а целой "сессией", с привлечением все новых и новых поклонников нового научного направления.

Алика Гачечиладзе в институте обожали, а "Вова" — Владимир Валерианович Чавчанидзе, просто души в нем не чаял, чем Алик (и не только он), зная мягкий и отходчивый характер нашего часто вспыхивавшего по разным поводам директора, его почти детскую доверчивость, пользовался, традиционно разыгрывая его в дни первого апреля. Ему было "позволено", Алик мог, например, со штатным острословом института Марком Перельманом, на бланке Нью-Йоркского издательства, сделать и подкинуть "шефу", минуя канцелярию, письмо с просьбой прислать краткую биографию для всемирного справочника "Who is Who". Ему все сходило с рук, но и "шеф", обладающий превосходным чувством юмора, не всегда "покупался" на подобные розыгрыши.

"Остепенившись" и получив в заведование отдел института, Алик стал набирать солидность, округляться, "заматерел". Его тесть, Георгий Барамидзе, директор одного из первых в стране заводов синтетического волокна в городе-спутнике Рустави, по соседству с Тбилиси, привез из Италии джинсы и совершенно тогда невиданный в "совдепии" плащ "болонья". Алик не смог

влезть даже в предварительно намоченные (технология "стиляг" того времени) джинсы и, огорченный несправедливостью судьбы, сделал мне умопомрачительный подарок. Джинсы тогда можно было купить только в мужском туалете на улице Горького в Москве, и стоили они непомерно дорого. Я, от нахлынувших на меня чувств, дал ему "в аренду" на год поносить золотые часы, подаренные мне моим дедом, с четырьмя крышками, золотой цепочкой и ключиком для завода. Это было в то время самое дорогое и, пожалуй, единственное мое достояние. Но голубые джинсы оставались для меня "голубой мечтой" и обмен, по моим представлениям, был достойный.

Часы я все равно не носил, своего жилья у меня еще не было, хотя именно в этот 1962 год произошли большие перемены и с этой стороны моей жизни в Тбилиси.

— 1962 год, Дигоми — мой дом -

Институту кибернетики, "для укрепления кадрового состава", Совет министров республики выделил 20 квартир. Какие это квартиры, что за дома — не совсем было понятно, — домов еще не было, или они строились в разных районах города, но ажиотаж по этому поводу стал нарастать с каждым днем. К этому времени у нас уже работало около двухсот сотрудников — можно было и затеряться в массе желающих получить "дармовую" квартиру. "Вова" вызвал меня к себе и направил к Мише Чхеидзе, новому сотруднику, тонкому знатоку взаимоотношений в городских, советских и партийных органах, женатого на дочери кого-то из реальных тбилисских функционеров. Миша составлял списки "очередников" на жилье, проводил это через профсоюзные инстанции, вызывал кого-то, с кем-то согласовывал что-то, словом "встал у руля" этого сложного и длительного мероприятия, позавидовать которому не рискнул бы ни один человек. Здесь надо было проявлять искусство дипломатии, сдерживая напор массы желающих обзавестись "площадью", входить в контакты с непробиваемой городской бюрократией и лавировать между многими инстанциями, о существовании которых мы и не подозревали.

Тем не менее, через какой-то небольшой срок, Миша предложил мне на выбор поглядеть на два района моего возможного будущего проживания. Первым — был новый, строящийся несколько лет, городской район Сабуртало, вторым, — только что освоенная территория для строительства Дигомского массива за пределами города, около последней станции метро, которое еще только начинали строить, но горожане живо интересовались этапами его прокладки.

Вопрос был серьезный, не каждый год появляется возможность стать обладателем квартиры — я съездил в оба места, что заняло два дня, так как организованного городского транспорта в эти районы не было.

Выйдя из какого-то автобуса, ближе всего подъехавшего к началу Сабурталинской новостройки, я прошел по новой пыльной улице, с неоконченными пятиэтажными домами, конец длиннющей улицы уходил в светло-серую бесконечность, безжизненную и пустынную. Подул встречный ветер, в этой аэродинамической трубе завертелись высохшие листья, газетные обрывки, сухая пыль стала образовывать небольшие вихри и попадать в глаза и ноздри, я повернулся к этому безрадостному пейзажу спиной и пошел назад, в город.

В следующее, ближайшее воскресенье я поехал на "смотрины" в другой район — Дигомский массив, план которого тоже смог достать "универсальный" Миша. Приехал туда на машине, остановленной на Советской площади, у бензоколонки, по принятому в Тбилиси особому сигналу — "Пст" — среднему между свистом и чмоканьем губами.

Я вышел около излучины зеленовато-коричневой Куры, на дальнем плане голубели мягкие очертания Зедазени, было начало лета или конец весны, от редко стоящих тополей еще не летел первый пух, но было уже жарко. В этом месте расстилалась пустошь, заросшая кустиками цветущего дрока. По соседству в другом квартале доканчивали строить несколько таких же, как и в Сабуртало, пятиэтажных домов. Но вот подул легкий западный ветерок, повеяло легкой прохладой от Куры, это дуновение принесло мне еще неведомый, сложный, сладкий аромат с букетом из цветущих роз с полынной горечью. Сомнения исчезли, стало понятно, что это место предназначено для того, чтобы здесь жить.

Здесь было хорошо, и, самое главное, хорошо дышалось. Рядом шумела зеленоватая Кура, а по песчаным отмелям ее бегали полуголые мальчишки — это дополнительное обстоятельство решило мой выбор в пользу Дигоми. Я потоптался на месте, обозначенному в плане, как "квартал 1У", сорвал зеленую веточку и с нею, как с символом обретенной земли, пошел пешком к Дигомскому мосту, около которого был небольшой базар и где можно было сесть на трамвай с номером 23. Этот вагон шел почти к самому моему дому в "Сванетском убане".

Окончательный выбор был сделан, и все потом так быстро и удачно сложилось, что уже к зиме 1962/63 года я переехал в новый дом, где на пятом этаже пятиэтажной "хрущевки" стал устраивать свою новую жизнь, в собственной двухкомнатной квартире — первой, в моей не очень длинной биографии.

Стоит отметить, что массовое строительство, затеянное Хрущевым, позволило в течение нескольких лет переселиться миллионам людей из коммунальных квартир, где иногда проживало с десяток семей, в свои собственные, пусть и не шикарные, но отдельные квартиры со всеми удобствами — отдельной кухней, туалетом, ванной. Общий проект этих новых домов, разработанный для всего Советского Союза, немного видоизменялся, подгонялся к климатическим условиям, поэтому в Тбилиси в таких квартирах были еще и "лоджии" — внутренние балконы до 10–12 квадратных метров площади. Лоджии самостоятельно стеклились, получалась дополнительная

комнатка в качестве "бонуса". Я почти три четверти года мог спать в такой комнатке после нескольких собственных строительных усилий, это была моя дача и одновременно мастерская, где я занимался чеканкой или мастерил что-либо по дому.

Трудно найти слова для выражения эмоций, обуреваемых мной после подключения через полгода горячей воды, а обладание своим отдельным туалетом, передать можно только стихами. Но, к сожалению, это уже сделал до меня Маяковский почти восемьдесят лет тому назад.

Да, не шибко мы все продвинулись по пути увеличения благосостояния нашего общества за тот век "строительства коммунизма". Надо будет как-нибудь сравнить уровень нашей жизни в шестидесятые годы XX-го столетия с тем, чего же мы "добьемся" еще через полстолетия в XXI-м веке.

— Тушетия и Хевсуретия -

Мне очень хотелось приобщить Алика Гачечиладзе к миру спорта, "порастрясти" его немного, помочь с грозившей ему полнотой, и я уговорил его присоединиться к летнему походу в горы верхней Тушетии и Хевсуретии, который затевали мы вместе с Аликом Маловичко.

Мама, когда я был в очередной командировке с заездом в Минск, зная мое последнее увлечение горным туризмом, подарила мне трехместную, польскую палатку. Это было маленькое чудо — оранжевого цвета, быстро раскладывающийся из рюкзака домик со своим полом, легкий, непромокаемый, с дюралевой арматурой, — основа моих предполагаемых походов по горам Грузии.

Алик Маловичко обеспечивал поход топографическими картами, специальной амуницией и глубоким знанием предмета. Алик Гачечиладзе обещал добыть "хороших консервов" и был обладателем оружия — револьвером "чешска збройовка", калибром 7,3 мм, что в тех горных районах не казалось нам лишним.

Одним жарким летним утром мы отправились в тбилисский аэропорт, там же купили стоимостью по три рубля авиабилеты, сели в очередной самолет на Телави, и через полчаса были в этой, уже немного знакомой мне "по жареным хинкали", кахетинской столице.

Здесь мы стали выбирать разные варианты дальнейшего путешествия до районного центра верхней Тушетии — поселка Омало, из которого мы наметили выйти в восьмидневный маршрут по Тушетии. Можно было воспользоваться сельским автобусом, пройти пешком, но была еще возможность добраться до Омало "голубым вертолетом". И уже из Омало спуститься в долину Пирикитской Алазани, пройти водораздельный перевал — естественную границу двух горных районов, сделать двух или трех-дневный маршрут по Хевсуретии до Шатиля и Борисахо, а далее по обстоятельствам. Нагружены мы были, как горные мулы, в рюкзаках на предполагаемые восемь дней было примерно по 28 килограммов поклажи в каждом — так показали, по крайней мере, аэропортовские весы до посадки в самолет.

В этот день нам вдвойне повезло — и в смысле раннего прилета в Телави по расписанию и еще потому, что в Омало летел через пару часов вертолет, на который мы тут же и напросились. Так что изрядно сэкономив во времени, мы примерно к трем часам дня уже выпрыгивали из МИ-8 на поляну, на высоте около

трех километров, где и был расположен этот маленький поселок.

Вот это "выпрыгивание" стало роковой ошибкой в нашем предприятии. Нагруженный рюкзаком Алик, неудачно приземлился, подвернул ногу и стал хромать, поэтому надо было принимать решение, от которого зависела судьба нашей экспедиции. Идти с ним в таком состоянии было нельзя, а мы ведь столько готовились к этому маршруту — почти целый месяц доставали карты (Алик Маловичко), потом изучали эти старые, потрепанные "пятиверстовки" Генерального штаба Российской империи, 1903 года выпуска, готовили амуницию. Ну, лишние продукты — это было просто — их можно было, во-первых, съесть, а во-вторых, реализовать в Омало, где тогда не было ни одного магазина. Может быть, после съемок фильма "Мимино", что-нибудь изменилось. Может быть, после "Мимино", где герой фильма — вертолетчик,(его играл Кикабидзе,"Буба", как его все ласково называли в Тбилиси), который как раз и летал на маршруте "Телави-Омало", может быть, магазинчик появился какой-никакой. Но тогда в 1963 году это было глухое, вымершее место, а вертолет был, как правило, заполнен баранами, которых куда-то транспортировали, перевозили с места на место, кажется, к ветеринарам.

Мы, насколько я знаю, были, чуть ли не первыми тбилисцами начала 60-х годов, рискнувшими пройти от Омало до Борисахо таким труднодоступным маршрутом, нехожеными тропами, через две высокогорные провинции с разными народностями — тушинами и хевсурами. Мы разработали схему похода через Чешо, Ардот и Шатили, по которой нам надо было одолеть за 6–7 дней около 120 километров. Один день в этом раскладе мы оставляли для "непредвиденных обстоятельств" и этот день уже был на исходе. С этим расчетом мы и продуктами запаслись, чтобы их хватило до Барисахо, а от Барисахо до Тбилиси можно было уже добираться "на попутках", да и еду по этой оживленной трассе можно было найти. До нас такие походы по горам Грузии ограничивались Сванетией, куда можно было при желании добраться автобусом.

Наша экспедиция, так интересно задуманная и так удачно начавшаяся, грозила, из-за подвернутой ноги, закончится в Омало. Алик Гачечиладзе, как истинный рыцарь, сразу предложил его "бросить" в Омало и отправиться без него. Мы со вторым Аликом, Маловичко, заколебались и приняли решение сначала переночевать, а на следующий день сделать обследование злополучной ноги. А вдруг назавтра боль пройдет, и мы потихоньку двинемся в поход. "Крыша", моя польская палатка, у нас была с собой, заодно проверили, как быстро она

раскладывается, и особенно не выбирая места, расположились неподалеку от обычной затоптанной и заплеванной площадки — стоянки рейсового вертолета.

Нет, и на следующий день ноге лучше не стало — сустав стал у Алика распухать, надо было его отправлять обратно в Тбилиси. Одного или с нами вместе? Мы теряли время, отведенное на маршрут. Алик Гачечиладзе, чертыхаясь, вытолкал нас в путь, и остался ждать вертолета, еды мы ему оставили, на всякий случай, на несколько дней. Да, еще надо отметить, что в Омало в то лето жило несколько семей в своих домах-крепостях. Остальные дома — все каменные, неприступные, двух и трехэтажные дома-крепости и башни пустовали, так как "согласно пятилетнему плану" несколько последних лет власти переселяли население из горной Тушетии "вниз, в долину".

Наше путешествие начиналось совсем не так, как мы рассчитывали, нас не оставляло ощущение предательства — мы бросили товарища.

Вот с этим неприятным чувством ступили мы на тропу, и пошли вниз по склону, мимо пустующих домов тушинцев, спускаясь с плато вниз, в ущелье, все ниже и ниже, — Омало было расположено на высоте около трех километров, — сгибаясь под тяжестью рюкзаков и свинцового груза пробуждающейся совести. Это был уже второй экспедиционный день. Поскольку мы вышли за полдень, то решили идти до темна, без лишних остановок, так как на карте ничего, на что надо было бы обратить внимание, мы не обнаружили.

Надо сказать, что наши "четырех-верстовые" карты Генштаба Российской империи 1903 года отличалась большой подробностью и точностью ориентиров. На ней были отмечены даже крупные валуны — идти по карте было легко.

Чтобы сократить путь, мы решили идти все время по правому, высокому берегу ущелья, прорезанного рекой, стараясь "не терять" набранной высоты от 1500 до 2000 метров, до водораздела, отделяющего верхнюю Тушетию от Хевсуретии.

Через два часа мы сделали привал у продолговатой, сильно наклоненной к ручью поляны, ограниченной небольшим голубеющим можжевеловым лесочком. Разделись, сбросили обувь, чтобы босиком походить по высокой, густой траве. С первым же моим шагом я чуть не растянулся во весь рост, поскользнувшись и сев "на пятую точку". Ступня была в крови, но пореза я не чувствовал. Я потрогал пальцами ногу — все было в порядке, поднес выпачканную руку поближе к глазам — "кровь" была густой и сладко пахла — это была земляника, мы наткнулись на классическую земляничную поляну. Можно было

не ходить и не нагибаться, столько там было ягод — надо было только лежа раскидывать руки во все стороны и, глядя в высокое голубое прозрачное небо, собирать горстями продолговатые, крупные ягоды в рот.

Есть все еще не хотелось — мы устроили перед отходом из Омало "прощальный обед" из грибов, которых никто из местных жителей не собирал. Земляники по пути было вдоволь, она и насыщала и утоляла жажду одновременно. Жизнь снова заискрилась, засверкала своими неожиданными, красками.

От Омало до Чешо идти, примерно, четыре часа хода, но мы вышли уже после полудня, а в горах быстро темнеет, так что наевшись земляники и пройдя половину пути, мы раскинули в первом же удобном месте палатку и заночевали.

Мы положили себе за правило проходить в день около 20-ти километров, а прошли в предыдущий не более десяти, поэтому встали с рассветом, чтобы выполнить "норму", подогнать амуницию и уже, как следует, "втянуться" в режим ходьбы с поклажей почти в два пуда. Этот день был для нас еще и ориентиром для всего путешествия — как он пойдет, так и весь поход сложится, а начало было не очень удачное.

Утро этого второго (а на самом деле — третьего) дня было великолепное и мы, сложив палатку и спальные мешки, наскоро выпили чаю, подогретого на спиртовке, и быстрым шагом "альпийских стрелков" вышли навстречу приключениям, еще не подозревая, какие нам предстоят неожиданности. Шли по "козьей", судя по свежим отметинам, тропе, по склону, спускающемуся к речке, стараясь не терять высоту, не упуская из вида серебристую змейку реки под нами. Час ходьбы — пять минут передышки, еще час и еще пять минут — мы выдерживали темп и старались идти ровно, без рывков, но и не ослабевая взятого темпа. Легкий спуск сменился километровым, пологим "тягуном" (подъем), потом опять спуск и опять подъем — идти решили до "упора", чтобы наверстать потерянный в Омало день. Полуденный обед заменили легким "перекусом", решили, что как следует поужинаем ближе к вечеру, а пока надо идти дальше и дальше.

Ходьба сама задавала ритм, ноги, мне иногда казалось, отрывались от земли, несмотря на тяжесть рюкзака, мы шли, автоматически отмечая неровности тропы, почти не оглядываясь на первозданную красоту этого безлюдного края. Прошли мимо срезанного, видимо, зимней, снежной лавиной, леса, от которого остались лишь пеньки, да немногие поваленные деревья, выскочили на плато, потом опять прижались к склону и вдруг из-за очередного поворота показались черные китайские пагоды. Это

были невысокие башни, сложенные из серого камня, с плоскими крышами из черных сланцевых плит, зависающими над прямыми стенами без окон. Мы постояли несколько минут, любуясь этим зрелищем. Подошли ближе — к некоторым башням примыкали такие же хижины, крыши одних переходили ступеньками в крыши других, один тушинец задумчиво и спокойно стоял у входа в свой дом и смотрел мимо нас. Алик, как знаток языка, подошел к нему, переговорил с ним и выяснил, что название этого села Чешо. Мы сверились с картой — совпадало — и двинулись дальше, не теряя темпа.

Идти стало немного труднее, начинался очередной, довольно крутой и длинный подъем по узкой тропе и дорога резко повернула на юг, солнце стало слепить глаза. Через час ходьбы дорога опять развернула нас в западном направлении — мы успокоились и пошли своим, уже привычным шагом.

Еще через час нашего движения по подъему мы вдруг обнаружили перед собой на фоне темно-голубого неба, метрах в ста от нас, заснеженную в нескольких местах седловину. "Козья" тропа разделялась на две и, как назло, в этом месте на карте был излом, черточки рисунка были стерты, надо было решать, по какой из троп идти дальше. Бросили жребий, выбрали поворот налево и через часа полтора вышли на террасу, венчающую "седло", а глянув с нее, увидели обрывающийся круто вниз, метров на сто, склон из сланцевой осыпи, а под ним цирк, внутри которого темнело небольшое плато.

Долгий подъем сюда, а тем более возвращение к развилку, не вызывали у нас особой радости, но и спуск по ту сторону водораздельного хребта уже не казался нам легким. Это была граница двух высокогорных районов, как нам представилось при разглядывании старой карты, и нам надо было войти в новый ареал сегодня. До темноты оставалось пару часов. Алик достал из рюкзака два мотка веревок метров по двадцать и, поучая меня, как его страховать, сделал пробный спуск на всю длину веревки. Снизу было легче определить наилучший путь для спуска. Поднявшись снова ко мне, он выбрал место, где можно было надежно закрепить трос, и начал опускать рюкзаки, потом меня, а потом и сам спустился на первый, довольно широкий карниз.

Чтобы не задерживаться на описании всего зрелища, скажу только, что когда мы спустились на эти злосчастные сто метров, прошло больше часа, голубизна неба сменилась темной синевой. Стало быстро темнеть, и в этих потемках палатку мы поставили на какой-то косо наклоненной, но гладкой плите, размером с автобус, возвышающейся над плато, сложенном из плит темно-серого, почти черного сланца. Это было несколько необычное, но

показавшееся нам безопасным, место для раскладывания палатки и ночевки.

Бог не дал нам пропасть, мы еле успели развернуть палатку, как разразился очередной ливень с грозой, и по пузырящимся под натиском ветра стенкам, со всех сторон, время от времени барабанили мелкие камни, а удары грома, как литавры, прерывали все мелкие шумы. Во всю ширину плато, со всех отвесных стен цирка хлынула вода, она образовала мощный поток, который сносил, увлекал за собой камни, валуны, стремнина потока набирала силу, а звук низвергающейся по расселинам хребта воды стал напоминать рев реактивных двигателей ТУ-104, с которым мы познакомились на недавно открывшихся рейсах Тбилиси-Москва.

Оставалось плотней закрыться и попытаться заснуть, но это нам плохо удавалось — мы понимали, что если вода еще немного поднимется, нас смоет вместе с палаткой. Высовываться наружу для осмотра происходящего не имело смысла. К рассвету все стихло, мы задремали, а придя в себя, откинув дверцу палатки, глянули на обновленный после ночной грозы мир и "возрадовались". Да, эта косая плита, смытая или сброшенная когда-то снежной лавиной на середину нашего цирка, окружающего небольшое плато, была единственным местом, куда даже тот ночной поток не смог бы добраться.

Мы оглянулись на седловину, с которой вчера спустились — она за одну ночь украсилась снегом и сверкала в утренних лучах, как корона, венчающая перевал. С места нашей ночевки, с промытого грозой, блестящего в косых лучах солнца, плато, видна была покрытая ледниками Тебулос-мта (груз."мта" — гора) — высшая точка Восточного Кавказа, отмеченная на карте, как вершина с высотой в 4490 метров. Обрывистые стены цирка из множества сланцевых гребней близко подступали к самому плато, напоминали острые спинные плавники сотен игуан и враждебно топорщились вокруг нас. Надо было уходить из этой мрачной красоты черно-коричневых, выросших из преисподней скал.

Это был географический центр Хевсуретии, отсюда уже было рукой подать до Шатили, по нашей карте пути оставалось всего километров в двадцать, мимо еще одного селения — Ардот. Мы двинулись дальше, пройдя за один час все скалистое плато, вошли в глубокое ущелье и снова ступили на тропу, прижимающуюся к склону этого глубокого каньона. Весь спуск от перевала до ущелья, по пологой травянистой морене, занял около двух часов часов непрерывной ходьбы.

На тропе, теснящейся почти все время к скалам, примерно,

еще через два часа хода, вдруг, за огромным валуном над стометровым обрывом к реке, оказалась площадка с "дольменом". Я не видел ранее ничего подобного, знал об этих доисторических сооружениях только по фотографиям. Хотя может быть, это надо было бы назвать каменным саркофагом, или склепом, сработанным в более позднюю эпоху. Верхняя, накрывающая эту гробницу, плита из черного сланца, была размером, примерно, три метра с половиной на полтора. В переднее отверстие его я легко пролез и, когда глаза после яркого солнца, привыкли к сумеркам, увидел по бокам этого саркофага две длинные каменные скамейки, на которых лежали в истлевших одеждах старцы. Я позвал Алика показать ему удивительную находку, но вдруг, быстро и неожиданно, солнце исчезло в тумане, спустившемся в одночасье из лощины и накрывшем нас, как мокрой простыней, — "мрак опустился на землю" и разразился такой ливень с градом, который может быть только в горах. Не было еще двух часов пополудни, но как будто окончился день, и упала на нас ночь. А мы ведь еще и не потревожили их, в этих гробницах, спящих вечным сном уже несколько столетий!

Раскладывать палатку уже не было времени — я юркнул в дольмен-саркофаг, уговорил Алика лезть за мной, и мы стали пережидать налетевшую бурю. Я прилег на свободное каменное ложе, через узкий проход, на другом, покоился прах чьих-то прародителей. Алик присел на каменный пол, Главное — было сухо и меня не пугала гроза, которая неистовствовала где-то поблизости, словно искала нас и хотела, очевидно, покарать нечестивцев. В этом душноватом мраке, заполненном громыханием неба, голубыми и фиолетовыми вспышками молний и присутствием вечности, что покоилась в истлевших одеждах и застывших мумиях, я неожиданно заснул. Сказалась усталость от насыщенного тяжелой физической и психологической нагрузкой предыдущего дня, почти бессонная предыдущая ночь в грозу, излишнее обилие стрессовых моментов за эти сутки.

Я проснулся от вдруг наступившей тишины, выскочил, как черт из табакерки, через овальное отверстие наружу — Алик уже вылез из палатки, в которой он, оказывается, провел все время, пока я спал, не желая делить ложе с "мощами", разжег костер с помощью "сухого спирта" и собирался открывать консервы. Надо было присоединяться, мы так и не поели за целый предыдущий день как следует, — все на ходу, — под ложечкой посасывало.

Яркий свет солнца, готовившегося завернуть за гребень, осветил панораму другого ущелья уходящего на север, с речкой, глубоко прятавшейся не его дне. Сверху с тропы было отлично видно место впадения, не обозначенной на нашей карте, реки

в Аргун, по ущелью которого мы, как было отмечено на карте, шли весь этот день. Мы остановились на мысу, как потом оказалось, в двух шагах от "города мертвых", в месте слияния реки Аргун и Хевсуретской Арагви, но спуститься по серпантину к самому Цой-Педе мы не догадались, так как ничего тогда не знали об этом святилище, и не знали о серпантине, ведущем к нему. Только потом, анализируя свои впечатления от этого похода, и сверяя свои данные с другими материалами, я позже узнал об этом месте, мимо которого мы прошли. Было ли оно обозначено на наших картах, я не помню.

("Склеповый город мертвых Цой-Педе. Вход в святыню охраняют два столпообразных святилища, за ними разбросаны каменные усыпальницы в виде домиков-склепов. Все 42 склепа покрыты двускатной сланцевой крышей. Склепы Цой-Педе построены в XVI–XVII веках, когда горцы хоронили умерших в родовых усыпальницах", из Интернета).

Где-то здесь столетиями сходились две разные культуры — это была граница христианского мира на Кавказе, окруженная исламом, другими обычаями, "адатом", похищением заложников. Там — на севере и северо-востоке, жили "леки" (груз. яз. — лезгины), авары, чеченцы и многие другие. Здесь же, за три дня пути из Омало, мы встретили пока только одного тушинца в Чешо. Весь горный край как-будто вымер.

Надо было идти дальше и мы пошли по узенькой тропе, прижимаясь иногда к скальным выступам, цепляясь за них рюкзаками, стараясь не смотреть глубоко вниз, где текли мутноватые воды Аргуна. Шли долго и все время по каменной, узкой тропе, по карнизу над ущельем. Правда, идти было легче, чем в предыдущие дни — это была теневая сторона трассы, да и подъели мы уже не один килограмм продуктов, сильно облегчив рюкзаки. Привал сделали неожиданно для себя в труднодоступном месте, почти на тропе за поворотом, расширившемся немного в этом месте до ширины метров в семь, в хижине странного человека, "кривого Михо", о котором Алику рассказал еще в Чешо старый тушинец.

Это была прилепившаяся к скале, устроенная на расширяющемся карнизе, почти над ущельем, "сакля", сложенная из неправильных камней, с узеньким оконцем без стекла. В ней жил круглый год, как потом выяснилось в разговоре, одноглазый хевсур Михо со своим сыном лет двенадцати. Как и зачем они здесь жили, чем питались, почему не спускались на зиму в долину — не было ясно. Сказать что-либо о них, об их одежде или жилище — невозможно. Это были две тени, два тихих

существа, как-будто вышедших из подземелья, в болтающихся на них остатках какого-то одеяния цвета скал. Выпив вместе с ними чаю, вскипевшему на мангале, оставив мальчишке банку сгущенного молока, мы продолжили маршрут.

Далее тропа в ущелье, проложенная по правому берегу, шла долго по одной высоте и вывела нас на голубеющее из-за мелких цветочков незабудок плато, где стояли "бины" пастухов ("бина" — хижина груз.).

На другой, безлесной стороне ущелья, выше по склону, видны были руины древнего аула. Склон ущелья, по которому мы шли, был покрыт смешанным лесом, кое-где были участки камнепадов. Через пару километров долина реки расширилась, стали встречаться многочисленные покосы, потом еще несколько пастушьих хижин, крытых соломой. За хижинами виднелись узкие возделанные поля, запахло жильем. Прошли, не останавливаясь, мимо Муцо, и через два часа, резко по ущелью повернув почти в противоположную сторону, вышли к Шатили — селению, прижавшемуся к крутому склону хребта, в его кулуаре.

Шатили — жемчужина Хевсуретии, как принято говорит "высоким стилем" туристских путеводителей. Это, действительно, красивый и необычайный город — крепость, составленный, как из кубиков, из множества (более сотни) каменных домов, сложенных из черных сланцевых плит. Высокие дома-башни, лестницей расположенные друг над другом, стены с узкими окнами-бойницами, были в лихую годину неприступны для врагов. Печей и труб в этих домах не было, дым из очага выходил через узенькие щели окон. Войдя в одну из башен по закрытым переходам между ними, можно было обойти весь город-крепость, все дома, не выходя наружу. Еще до конца Х1Х века Шатили со всех сторон сохранял крепостную стену, в которой имелся один вход у реки и выход прямо в ущелье, но в ХХ веке стену разобрали на хозяйственные постройки для укрепления социалистической экономики Советской Хевсуретии.

От Шатили, дальше, в сторону Барисахо, шла уже вполне приличная "грунтовка", пользующаяся известностью у множества туристов, посещающих Хевсуретию, можно было присоединиться к такой группе, но мы пошли, не дожидаясь, что нас "подкинет" до "Военно-грузинской" дороги какая-либо организованная команда со своей машиной. Пошли по дороге, ведущей через перевал Датвис-джвари ("Медвежий крест"), минуя рощицы плодовых деревьев, серпантином поднимаясь все выше и выше.

Тропа шла на юго-запад и мы с каждым километром приближались к своему дому, так что настроение было приподнятое. Самые тяжелые участки трассы были позади, мы шли на большой высоте от реки, прорезавшей живописный каньон. Склоны были очень крутые, поросшие густым лиственным лесом. Все набирая и набирая высоту, вышли на альпийскую зону предгорья, с высоты был виден сверкающий изгиб реки. Еще выше и мы снова поднялись к альпийским лугам и пастушьим "бинам", где нас немного задержали, заставив выпить по рогу, литра на полтора, кисловатого пива собственного изготовления. Пастухи поминали упавшего недавно в расселину и погибшего товарища, так что отказываться было не гоже. Одолев по рогу пива, несколько отяжелев, мы пошли дальше, на прощание нам с собой в дорогу дали по куску почти черного, вяленого мяса тура.

Следующую остановку мы сделали, пройдя перевал, чтобы перекусить и освежиться горной водой около устья речки Горшаглис-цкали.

Еще несколько часов усилий и мы вышли к Барисахо, где все-таки сели на попутный грузовичок, так как из всех продуктов, кроме двух кусочков турьего мяса, которое можно было долго

и безрезультатно жевать, осталась у нас только одна банка "сгущенки". К ночи, часа через два тряски в кузове, миновали Мцхета и были уже у самого города.

Я на подъезде к городу постучал по кабине отчаянно спешащего домой шофера и спрыгнул раньше, так как мой дом стоял в Дигоми, почти у самого начала "Военно-грузинской дороги", по которой мы возвращались, Алик поехал дальше, на свою Советскую улицу.

Если раньше я только прикоснулся к великолепию Кавказа, то в этом походе я заболел окончательно "болезнью голубых гор" и, проснувшись на балконе своей квартиры, к вечеру следующего дня, проспав почти восемнадцать часов без пробуждения, понял — единственное в жизни стоящее времяпровождение — это путешествия в горах. Значит надо готовиться к следующим маршрутам.

Мой дом, вернее, моя квартира в Дигомском массиве города Тбилиси, начинала обрастать всякими нужными, и не очень, предметами. Легче всего, неожиданно для меня, оказалось решить самый трудный вопрос того времени — мебель, которую в Тбилиси достать было практически невозможно. Мама (опять мама, чтобы я без нее делал!) сделала мне очередной подарок, когда я заехал к ней в Минск, воспользовавшись командировкой в Москву, — дала мне денег "на обзаведение".

Мы уже привыкли летать на ТУ-104, первом реактивном пассажирском самолете, переделанном из стратегического бомбардировщика ТУ-16, который за два часа полетного времени переносил нас из Закавказья в столичную Москву. И все другие маршруты наших командировок обязательно проходили через Москву. Терять двое суток из-за дороги было к тому же не выгодно — авиационный билет до Москвы стоил 31 рубль, бухгалтерия дорогу оплачивала, а "суточные" были такие мизерные, что приходилось самому доплачивать, чтобы нормально питаться, особенно в Москве.

Совершенно случайно, в этот мой приезд в столицу, я обнаружил в Сокольниках выставку-продажу импортной мебели. Хотя ни у кого из нас тогда еще не было такой практики, я, что называется, рискнул и купил на этой выставке полный мебельный гарнитур чешского производства для своей двухкомнатной квартиры. Мне понравились современные формы и цвет "спальни" и "столовой", я там же в выставочном зале оплатил его доставку по железной дороге, что было совершенно внове для нас, и улетел домой в Тбилиси ожидать результатов моей "авантюры". Чтобы никого особенно не волновать — никому в этом долго не признавался.

Надо отдать должное всем службам того времени — через месяц с небольшим я получил "Уведомление" о прибытии контейнера с моей мебелью на станцию "Тбилиси-товарный".

Я это описал подробно только для того, чтобы стало понятно, что если что-нибудь сегодня изменилось в лучшую сторону, то не отправление багажа в другой город. Например, воспользовавшись своим личным опытом, я отправил багаж по России через пятнадцать лет после первой удачи на железной дороге, но багаж потерялся, что стало "нормой" в 70-е годы. Мне пришлось объявлять розыск, багаж все-таки нашли через полгода, но несколько месяцев я входил в контакты с различными железнодорожными инстанциями, ездил на товарные станции "на

опознание" и т. д. А еще через пятнадцать лет один мой приятель и вовсе так и не дождался своего багажа, сколько он ни ходил, что-то доказывая различным службам, подавал на них в суд, но так ничего и не добился.

Финальным аккордом в описании таких железнодорожных перевозок могут послужить двухмесячные мытарства моего тбилисского приятеля, переехавшего из Тбилиси в Москву. Поскольку Грузия "в блокаде" была уже почти год и были прерваны все виды связи, закрыты транспортные коммуникации, то отправить свою мебель по новому адресу ему помогли старые школьные друзья с армейским эшелоном, которым увозили из Тбилиси через Баку имущество военных баз и офицерского контингента, служившего в Грузии и возвращающегося из голубых долин западной Грузии к себе домой.

Появилась мебель, появились гости — можно было приглашать к себе, не роняя достоинства. Тбилисская среда, традиционный тбилисский дом очень щепетильно относились ко всем внешним атрибутам проживания, обстановке, содержанию дома на должном уровне, узаконенному для каждого отдельного случая составу блюд на столе, в соответствии с целью, назначением визита, неформального статуса гостя. Многие детали жизни в старых грузинских семьях меня просто умиляли, как непременные две небольших войлочных подстилки у порога, на которые гость, войдя в дом, становился и ходил, шаркая ими, вместе с хозяином, участвуя в бесконечном натирании паркетного поля, в который можно было глядеться. Выбор "мастики" для натирания полов был предметом живого обсуждения у женщин старшего возраста, сравнимый разве что с выбором на рынке индейки для сациви к праздничному столу.

Я любил ходить в гости, в Тбилиси это обязательная часть жизни, зовут искренне, обижаясь на тебя за долгое отсутствие, чем бы оно не было вызвано. Но сколько можно отвечать на приглашения, не устраивая самому застолий!

Я до получения квартиры чувствовал себя иногда не очень комфортно. Мне негде было усадить гостей в старой, небольшой комнате, старого дореволюционного дома, с балконом, опоясывающим весь наш этаж, с резными деревянными балясинами. Балкон, на который выходили двери всех проживающих на этаже жильцов, спасал в критические минуты, когда кто-нибудь мог все-таки нагрянуть без предупреждения к тебе в гости, что тоже было в духе привычного общения горожан друг с другом. На балкон тогда выносились столы, а стулья, которых всегда нехватало, приходилось одалживать у соседей.

В старом доме, вся жизнь протекала на виду, в единении с

соседями, с участием в их ссорах и радостных событиях. Мы обменивались впечатлениями, перебрасываясь через двор репликами, рецептами приготовления разных блюд, готовившихся тут же, на столике перед входной дверью, обсуждали достоинства разнообразной, тбилисской, многонациональной кухни. Непременная дегустация чего-нибудь, только что приготовленного с каким-либо особым соусом, не могла миновать никого, кто появлялся в это время в поле зрения хозяйки примуса или керосинки со сковородой, на которой что-то скворчало, шипело, обдавало жаром и услаждало ароматом специй самых взыскательных посетителей балконного сообщества. Я прошел на этом балконе серьезную, трехлетнюю "школу повышения кулинарного мастерства" под пристальным и строгим взглядом моего соседа, осетина Датико — Давида, бывшего повара ресторана, никогда никому в своем доме не уступавшего места у раскалённой керосинки.

Круг моих друзей и знакомых расширился к этому времени до невозможного, вышел за пределы Тбилиси, — волна дружелюбия, излучаемая в пространство тбилисским сообществом, распространялась все дальше, вызывала ответ, и в отраженном виде, возвращалась обратно, вместе с новыми очередными гостями, приезжавшими приобщиться к теплу этого города. Я не мог не участвовать в этом бесконечном празднике жизни и стал его верноподданным адептом. Кроме того, у меня была, наконец, собственная кухня с газовой плитой. Белоснежная газовая плита и голубой ватерклозет — это уже были новые вершины, новые достижения в моей биографии. В 26 лет я, наконец, приобщился к атрибутам "западной культуры", вошел равноправным членом в мировое сообщество, в современную цивилизацию. Минским туалетам послевоенного времени можно было бы посвятить целую главу.

Иза закончила институт и уже была в труппе театра Руставели, куда влились многие из этого выпуска. К нам и раньше, несмотря на тесноту, приходили друзья, а теперь это стало правилом, ведь у нас была своя квартира. Время от времени в нашем доме появлялся кто-нибудь из "приблудившихся", не имеющий своего крова, как всегда "на пару деньков". Часто такой гость оставался на несколько недель, подыскивая себе то ли работу, то ли жилье. Молодые актрисы, мамы-одиночки, оставляли иногда переночевать своих внезапно появившихся деток на время интенсивных, часто глубоко заходящих за полночь, репетиций, "прогонов" или других не менее важных этапов подготовки очередного спектакля. Иза время от времени подбирала где-то на улице, каких-то несчастных и приводила их

отогреться и подкормить. Нам с Ией было веселее.

Складывалось новое "дигомское товарищество с ограниченной ответственностью", но с неограниченной выдумкой на розыгрыши и фантазии, сопутствующие нашим веселым сборищам. Перебрался через некоторое время к нам по соседству и новый мой знакомый — Нугзар Амашукекли, открывший мне грузинский киномир, У меня появились свои центры притяжения, как правило, связанные с очередным новым интересным знакомством. Не хватало только, как обычно, времени, всюду было столько нового и интересного, всего хотелось увидеть, жизнь набирала ход, ускорялась.

Я, кроме моего постоянного увлечения фотографией, загорелся киносъемкой, стал много по вечерам заниматься кинематографией, обложившись книгами. Начало для любительской съемки было положено уже давно — у меня была "цейсовская" кинокамера 2х8 мм, и я сам, на станках наших институтских мастерских, выточил из органического стекла специальные бачки для проявления пленки. Собственная ванная комната стала моей фотолабораторией. Еще немного и я организовал клуб любителей кино при Доме офицеров города Тбилиси. О нем, и о том, что с ним связано — позже.

Дочку тем временем мы отдали в русскую школу, в первый класс, в городе считалось, что там уровень преподавания выше, а хорошее знание русского языка могло понадобиться в будущем. Надо было и для нее находить помимо школы другие занятия — понять возможные интересы ее будущего развития. Так в самом начале школьных лет появилось сначала фигурное катание — совершенно немыслимый для Тбилиси вид спорта, который стал развиваться на искусственном льду, под громадным опытным куполом для строящегося нового Дворца спорта.

А через некоторое время я отвел дочь во Дворец пионеров, размещенный в прекрасном здании бывшего дворца светлейшего князя, генерал — фельдмаршала Воронцова — наместника царя на Кавказе, главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом во второй половине XIX столетия. Мне приходилось возить Ию через весь город на автобусе, но к этому времени появился и прямой маршрут с остановками у нашего дома и около дворца.

Мое время было заполнено так плотно, что свободных минут не оставалось — школа, работа, мои и школьные домашние занятия Ии, фотография у меня, лепка в Дворце пионеров у Ии. У Изы, вообще, со дня поступления в Театральный институт не оставалось времени для нас, а через некоторое время она попала "в обойму". Театр Руставели стал ее домом: утром — репетиции,

вечером — спектакль, или наоборот, что не меняло общей суммы часов, проведенных в театре.

Роберт Стуруа готовился осуществить на сцене театра Руставели одну из первых постановок в нашей стране "Салемского процесса", нашумевшей пьесы американского драматурга Артура Миллера. Изе не досталась роль, на которую она рассчитывала. Она медленно прорывалась к ролям, сквозь невидимые барьеры круговой поруки талантливой "старой гвардии", ревниво относящейся ко всем новым членам труппы.

Этот спектакль, поставленный на сцене театра Руставели Робиком Стуруа, после нескольких лет работы над ним, ошеломил нас. Робик Стуруа, тогда еще никому не известный режиссер, показал другой театр, хотя в спектакле играли все хорошо нам знакомые руставелевские артисты. В этом спектакле мы увидели и свое прошлое, и настоящее, и возможное будущее. Было немного страшно, словно мы все заглянули в волшебное зеркало или даже в зазеркалье.

Попасть в такой спектакль для актера могло стать его судьбой. В этот раз Изу миновало это предназначение, она получила роль третьего плана, и ей пришлось ожидать настоящей встречи с Робертом, как с режиссером, до постановки им "Кавказского мелового круга" Бертольда Брехта.

В новом здании института, в бывшей "партшколе", всего было так много, что мы не сразу обнаружили настоящий кинозал, с оставленной впопыхах предыдущими владельцами киноаппаратурой. Кинотехника была моим хобби еще со школьных времен — это был целый отрезок моей жизни с шестого до девятого класса, когда я увлекся ею, оставив художественную студию, сдавал права на киномеханика, и регулярно с Шуркой Евдокимчиком ходил на просмотры новых фильмов в "Дом кино", где он подрабатывал киномехаником с четырнадцати лет.

Я когда-то, ещё в школе, в 7-ом классе, даже сподобился "всесоюзной известности" на этом поприще, когда мой портрет и очерк обо мне, и о моем брате Томасе, напечатали в газете "Пионерская правда". Почти все в этом очерке было выдумкой журналиста, но дело было сделано, и почти два года я получал письма со всех концов света, многие из них приносили в школу раскрытыми, с замазанным текстом — советская цензура не дремала.

И еще у меня была цейсовская камера 2х8 мм с двумя отсвечивающими голубизной просветленной оптики объективами на вращающейся турели, подарок моей мамы. Что-то по мелочам я уже снимал, но не было "материальной базы". Просмотровый кинозал уже что-нибудь да значил, осталось достать

профессиональную 35-ти миллиметровую камеру, что и было сделано по институтской заявке. Словом все свободное время стало у меня уходить на кинолюбительство, которое привело меня в "Дом офицеров" Тбилисского военного округа. Здесь я с несколькими энтузиастами организовал клуб кинолюбителей, и мы стали снимать хроникальные и небольшие игровые фильмы. Это было интересно, но, как очень скоро выяснилось, требовало немалых денежных затрат. Собственных денег для приобретения профессиональной кинопленки и материалов для ее обработки у меня хватило только на короткую хронику о "Всесоюзной конференции по кибернетике", которую проводил наш институт. Может быть, я бы и не вспомнил об этом увлечении, если бы судьба не свела меня тогда со своим вторым другом "на всю жизнь".

Чтобы "войти в материал" мне пришлось серьезно заниматься специальной литературой по теории киносъемки, азам кинорежиссуры, технологии обработки киноматериалов. Помогло моё "начальное" архитектурное образование в минском БПИ. Подготовившись в библиотеке или дома, если я мог достать нужные книги, я потом докладывал в своем клубе Дома офицеров "переваренные" мной материалы, так сказать, давал "уроки мастерства" группе любителей, помешанной на кино, весьма разношерстной публике — от зрелых мужей или тоскующих жён офицеров тбилисского гарнизона до "молодняка" разного возраста. Одним словом "вел кружок", как было обозначено в программе работ этого заведения.

На одном из вечерних занятий моей группы я обратил внимание на широкое, почти всегда улыбающееся, лицо парня лет двадцати, искренне пытавшегося понять ту белиберду, что я нес этой аудитории. Я как раз дошел в том уроке (или лекции) до знаменитой "раскадровки" и "сценарного монтажа" Эйзенштейна (раскадровка — это набор квадратиков, представляющих собой различные кадры кинофильма, в которых находится грубый набросок того, что должен увидеть зритель). Единственное осмысленное выражение среди довольно откровенно тоскующей аудитории было только на лице у этого широкоплечего детины. Это меня так воодушевило, что я продлил лекцию еще на полчаса. А после лекции мы вышли вместе с ним на проспект Руставели из красивого подъезда старинного здания, в котором и был Дом офицеров. После духоты подвального помещения нашего клуба нас мучила жажда — мы зашли в угловое заведение к "Лагидзе".

На этом углу проспекта Руставели к консерваторскому подъему всегда толпился народ, но именно здесь была самая вкусная в Тбилиси, прохладная, газированная вода

с необычайным многообразием вкусно пахнущих и цветных, от голубого и зеленого до красного и вишневого, сиропов — "сливочный с мятой", "тархун", "кахури" или "шоколадный" — я помню их вкус до сих пор, куда же это все исчезло?

Здесь же мы с моим новым знакомым подкрепились слоеными хачапури, только что выпеченными, обжигавшими пальцы, и выпили "на брудершафт" по два стакана "лагидзевской" воды.

С этого дня нас двоих уже не смогла разлучить ни судьба, ни даже расстояние, между городами, в которые мы попали через несколько лет — Жорка в Питер и в Москву, а я — через Москву во Владивосток.

Об этом своем самом близком друге, "друге номер два" — Георгии Селезневе, или просто Жорке, я должен рассказать отдельно.

— "Жора" — (Георгий Васильевич Селезнев)

Почему Жорку, драчуна и хулигана, известного по всей улице Бесики, мать отдала в Тбилисскую музыкальную школу, трудно понять. А ведь угадала, только в Тбилиси бывший шеф-повар столовой может разбираться в пении, именно, с ее легкой руки он запел, потом стал выдающимся певцом, а потом и профессором Петербургской консерватории, которую он заканчивал в советское время, то есть, как Ленинградскую государственную консерваторию имени Н. А. Римского-Корсакова. "Легкая рука" мамы была единственной во всем "убане", которая могла справиться с Жоркой. Мать была основательной женщиной, и Жора с детства ее побаивался, что не мешало ему вести за пределами дома достаточно свободный образ жизни.

Окончив музыкальную школу, Жора Селезнев поступил в Тбилисскую консерваторию, в класс Тамары Георгиевны Савиной. Мягкий, "шаляпинский" бас, со светлыми баритональными верхами, обратил сразу же на себя внимание, и в курсовом спектакле "Евгений Онегин", где мне его довелось услышать, уже не Жора, а Георгий Селезнев делал заявку на серьезного певца.

Здесь в Тбилиси, ни при каких раскладах, сделать карьеру оперного певца было для него невозможно — слишком высок был уровень труппы Тбилисского оперного театра, основанного в 1851 году, во времена великой империи и имперской роскоши, и имеющего высокие музыкальные традиции (Сам Чайковский посещал оперу Тифлиса пять раз в период с 1860 по1890 год, а оркестр оперы давал симфонические концерты еще с 1860 года, с тбилисской оперой связаны имена таких гениев музыки, как Шаляпин, Рубинштейн, Рахманинов). Так что, к моему громадному сожалению, через несколько лет я расстался с Жорой, уехавшему в Ленинград для продолжения карьеры оперного певца. В Ленинграде он стал "дорабатывать" голос в классе знаменитого в далеком прошлом, конкурента Шаляпина по оперной сцене и одного из самых лучших отечественных вокальных педагогов — Василия Михайловича Луканина. Достаточно добавить, что из его класса вышел и выдающийся советский бас — Евгений Нестеренко.

Но это будет потом, а в тот год мы проводили свободные вечера в киноклубе, уходили в жаркие летние дни купаться, прыгать по волнам на бурлящих изгибах Куры около моего дома

в Дигоми, или загорать там, зарывшись в шоколадного цвета лёссовых отложениях на береговых наносах.

Часто днем, выскочив с работы, в обеденный перерыв, я перебегал через улицу, проходил двором к старому одноэтажному дому, уцелевшему со времен Ноя, и мы в полутемной, завешенной шторами комнате наслаждались беседой, черным кофе и музыкой, иногда прикладываясь к коньяку, который его мать берегла к празднику.

Я и раньше любил оперное пение, но Жора оказался не только певцом, разбирающимся в вокале, но и знающим много из того, что выходило за пределы собственно голоса. Он много читал, давал мне книги по истории итальянской оперы, демонстрировал особенности вокальной техники и так увлек меня своим темпераментным и восторженным отношением к музыке, что я неожиданно для себя запел. И еще он любил джаз, что для меня было окончательным аргументом в его пользу. Он обожал Гершвина, знал наизусть его "Порги и Бесс", а я наслаждался "Голубой рапсодией" в исполнении Бени Гудмана. Много позже Жора станет одним из первых в Советском Союзе исполнителей партии Порги в этой джазовой опере.

Грузия готовилась принимать в Тбилиси "X-ый международный конгресс виноградарей и виноделов", и к этому событию было выстроено новое здание Института виноградарства и виноделия в Дигоми (пригород Тбилиси) и отпущены немалые средства для развития научно-технической базы института. А я жил в Дигомском массиве и проезжал мимо этого нового института каждый день. Кто-то нашел "единственного специалиста" в области оптических исследований в нашем институте, кто я не знаю. Но через небольшое время я уже подписал какие-то бумаги с кем-то из винодельческого руководства, и началась моя вторая, "подпольная жизнь", в которой появились и деньги, и дармовые вина и коньяки. Словом началась новая страница моей биографии. Добавлю к этому — совместительство (работа на двух и более работах) в СССР тогда преследовалось по закону. В СССР, но не в Грузии, даже это здесь было по другому.

Мне было удобно после работы, по дороге домой в Дигоми, просить шофера автобуса ("здесь остановки нет, а мне, пожалуйста…") притормозить напротив входа в Институт виноделия, небрежно, по-тбилисски, выпрыгнуть из него, подняться к розарию перед главным входом и погрузиться в мир новых, закупленных за валюту, ожидающих меня приборов, прибывающих в исследовательскую лабораторию отдела коньяков. Я устанавливал, налаживал, юстировал инфракрасные спектрометры, спектрофотометры, хроматографические установки и многое другое, уже всего не упомню. Переводил на русский язык, который тогда был необходимым атрибутом всех научных сотрудников, технические описания, разрабатывал методики измерения, обучал виноделов работе на оптических приборах и часто брал "работу на дом", пробы старых коньяков из библиотеки вин института… Не все еще из заказанного нового оборудования пришло в институт виноградарства, а в моем Институте кибернетики, в отделе у химиков, мы давно отладили исследования электронных спектров сложных молекул, анализировали ароматические углеводороды из предполагаемого Норийского нефтяного месторождения, так что "сам Бог велел" нам потом, после записи спектров поглощения сложных спиртов или дубильных веществ, дегустировать "материал" длительной выдержки для изготовления марочных коньяков.

В "винной библиотеке" Института виноградарства хранились коньяки со дня основания коньячного производства на

территории Российской империи.

К слову, не русский купец и предприниматель Шустов, а Георгий Болквадзе, известный промышленник и меценат, начал промышленное производство коньяков в Российской имерии, в 1865 году (коньяк Шустова появился в России в 1899 году), когда открыл в Кутаиси завод, единственный в то время в Закавказье, а значит и в России. Большое количество аборигенных сортов винограда позволили Георгию Болквадзе создавать уникальные образцы коньяков. Высочайшее качество продукции Болквадзе было удостоено огромного количества международных наград, а грузинские коньяки оценили самые взыскательные пользователи этого напитка во всем мире.

В 1881 году открывает коньячный завод в Тбилиси Давид Сараджишвили, с маркой которого тбилисский коньяк производится и продается до сих пор.

С грузинским коньяком связана интересная история. В 1945 году во время Ялтинской конференции руководителей трех держав — Великобритании, СССР и США, — на дегустации спиртных напитков, организованной Сталиным, наибольшей похвалы удостоился грузинский коньяк "Энисели", который по своему отменному качеству превосходил многие знаменитые французские коньяки. За этот успех создатель коньяка "Энисели" Вахтанг Цицишвили в 1946 г. был удостоен Сталинской премии. А Уинстон Черчилль в 1949 году, в связи со своим 75-летием, получил от Сталина в подарок 75 бутылок коньяка "Энисели".

В ответном письме с благодарностью за коньяк, сэр Уинстон Черчилль ответил Сталину: — "Жаль, что мне не сто лет!"

Благородство и изысканность вкуса грузинских коньяков зависит от особых почвенных и климатических условий, присущих винодельческим регионам, а также от автохтонных сортов винограда, таких как Ркацители, Цоликаури, Цицка, Чинури, Мцване.

Интересно, что в извечном споре двух соседних народов, — "у кого впервые" или "у кого лучше", — армянские коньяки Шустова имеют свою версию взаимоотношений с "высшей властью". Якобы Черчилль, который всем напиткам предпочитал армянский коньяк, любил подразнить советскую власть, упорно заказывая себе "знаменитый коньяк Шустова". И что ежегодно Черчиллю отправляли 400 бутылок, которые числились в сопроводительных документах, как "бывший шустовский". Остается только вспомнить старый грузинский анекдот с таким ответом на этот исторический спор двух соседних наций: — "Оба лучше".Ведь одно и то же небо над ними, над нами…

Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.
И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам…

Стихи Николоза Бараташвили в переводе Бориса Пастернака — любимые стихи любимого всеми тбилисцами Георгия Товстоногова, у которого были грузинские, армянские и русские корни.

Это отвлечение нужно было для того, чтобы стало ясно, как я смог заниматься вокалом для поступления в консерваторию. Именно, коньяк решил финансовую сторону моего обучения пению, и я бегал к Тамаре Георгиевне через дорогу, в старый особняк с голубоватой, обвалившейся штукатуркой, прямо из своей лаборатории, немного спустившись вниз по Читадзе, три раза в неделю "на уроки". Деньги она брала за каждый проведенный урок — видимо у нее была своя точка зрения на этот предмет.

Прошел год, у меня оказался приличный драматический тенор с устойчивым, в две октавы, диапазоном до "соль-бемоль" наверху. Еще немного надо было сдвинуть голос наверх, но, как говорила Тамара Георгиевна, — "распоётесь".

Жорка был невероятно рад моим успехам, но уже думал о своем будущем, иронично называл меня своим первым учеником, размышлял о карьере профессионального педагога вокала. У него было врождённое чутье на голоса, что и стало основой его будущей карьеры в "Питере", в качестве "профессора вокала". У меня в репертуаре появилось около десятка романсов для прослушивания уже в консерватории. В мой "демонстрационный набор" были включены Глинковские замечательные романсы: "В крови горит огонь желаний", "Не пой красавица при мне…", "Баркаролла" — вершины русской музыкальной поэзии…

Со одним из этих романсов меня познакомил Жорка, он вычитал где-то об истории его создания, о том, что он положен на грузинскую мелодию. В этом романсе сошлись три гения русской культуры — Грибоедов, записавший эту старинную грузинскую песню, Глинка, которому показал ее Грибоедов, и Пушкин,

написавший русский текст на мелодию. В первоначальном варианте у Пушкина, правда, было — "не пой волшебница при мне…"

Грузинская народная музыка, существующая более тысячи лет, поразила и меня сочетанием восточных и западных влияний, особой голосовой техникой многоголосья и использованием близких друг к другу тонов. Типичная грузинская песня исполняется на три голоса и поют ее обычно мужчины. Я вставил в свой "репертуар" несколько грузинских песен "для комиссии", для поступления.

А пока, с легкой руки Жоры, я осваивал вокал, отплачивая его внимание и поддержку отборным коньяком из "винной библиотеки" Института виноградарства.

Жорка считал, что ему, как басу, в небольших количествах, коньяк даже помогает — "для октавы", для связок. Не знаю, вернее, не думаю, что так, но со мной, кроме твердой ставки, виноделы рассчитывались за мои труды "натуральным продуктом". Иногда приходилось иногда даже приглашать "на дегустацию" товарищей по работе, чтобы осилить "дары грузинской земли". Зато в моей лаборатории появились тонкие знатоки коньячных букетов. Что касается вина, то в Грузии отличить хорошее вино от плохого могут даже дети.

Мои новые коллеги, которым я еще к тому же помог сделать несколько диссертаций с помощью своих приборов и анализа сложных спектров дубильных веществ и спиртов, не скупились.

Великий Гете высказал такую мысль: "Искусство — прихлебатель жизни", в таком переводе, я нашел это выражение. В вине, и в коньяке особенно, эта мысль сконцентрирована наиболее полно. Только прихлебывая хорошее вино, живешь полной жизнью, а искусство не должно мешать этому божественному процессу, но помогать извлечению из него уроков. Я научился ценить работу виноделов, а они были мне взаимно признательны, и часто уходил поздно вечером из института виноградарства не только с бутылочкой "коллекционного", но и с охапкой роз из большого институтского розария, для Изы. А однажды, уважавший меня за поздние часы работы, садовник одарил меня даже "голубой розой", таких я больше нигде не видел.

Как известно — ничто не случается в этом мире без "руки Божьей", и многим позже я опять вернулся в Дигоми, в сад моей дочери, к винограднику, разбитому в отдалённой части сада, к розам, и вместе с Отаром, моим зятем, стал восстанавливать древнюю грузинскую культуру производства вина к удовольствию всех наших родных и знакомых.

С Жорой предстояло скоро расстаться, и я уже думал о своей дальнейшей певческой судьбе с большим скептицизмом. Мне нужна была поддержка, а кроме него, никому мое пение было не нужно…Но Жора уезжал в Питер, к Луканину, с письмом от Тамары Георгиевны. Я снова оставался один на перепутье, в начале нового пути — к новому направлению…

Если бы не было моего Института, то его надо было бы выдумать. Мне трудно представить себе рутинную работу научного сотрудника в сложившемся, традиционного направления, академическом институте. Мне всегда нехватало новизны в ощущениях, в том числе и в моей научной деятельности. Здесь в Институте кибернетики было всегда интересно, каждый день запечатлевался новым событием, новыми людьми. На семинары в наш институт приезжали изо всех городов страны, тем более, что появились плодотворно работающие специалисты в других республиках. Были образованы и стали набирать силу центры развития кибернетики и информатики в Эстонии, потом в составе Академии Наук Украинской ССР, под руководством Глушкова, стали работать Институты технической кибернетики в Минске, в Баку и Ташкенте. Размышления о месте кибернетики в системе наук и развитии знания об окружающем мире уступили новому пониманию кибернетики, как науки об информации, о связи искусственных систем и биологических структур, о границах применимости кибернетических моделей, о возможности создания искусственного интеллекта. К середине 60-х годов среди ведущих специалистов в области кибернетики расхождения в оценке роли кибернетики, в ее месте в круге знаний, с которыми эта наука имеет дело, усилились. Весьма широкое истолкование этой науки было характерно для А. И. Берга и ученых, группировавшихся вокруг него. В этом научном сообществе кибернетика понималась скорее не как наука, а как особая всеобъемлющая научная парадигма.

В одной из публикаций я нашел более точные определения и высказывания о развитии этого направления в те далекие 60-е годы:

"Кибернетика возникла как чрезвычайно широкое научное и техническое направление. С одной стороны, ее рождение было связано с конструированием и применением сложных автоматов, с автоматизацией производства, с электроникой и универсальными вычислительными машинами. С другой стороны, к кибернетике вели науки, издавна изучавшие процессы управления и переработки информации в конкретных областях, например, наука о жизни. Применение кибернетики во все

большем круге наук и областей практической деятельности человека — знамение нашего времени. Идеи и методы кибернетики постепенно меняют лицо многих научных дисциплин. Это касается даже самой "самостоятельной" из наук — математики" (Д. А. Поспелов, Становление информатики в России).

Наш институт сыграл важную роль в шестидесятые годы в становлении кибернетики и информатики в СССР, роль катализатора в процессе ее развития. Мы все принимали участие в организации Всесоюзных симпозиумов по кибернетике, которые проводились с 1961 года, каждые два года. На них обсуждалась практически вся тематика кибернетических исследований, широкого спектра направлений ее развития.

" Из-за разногласий по поводу содержания того, что кроется за названием новой науки — кибернетики, вопрос о создании института кибернетики в Москве бесконечно откладывался. Академические "генералы" боялись поставить под удар начинание, которое ранее было встречено в штыки частью философов и даже математиков и физиков, которым кибернетика казалась пристанищем специалистов, занимающихся добыванием научного авторитета на основе "легковесных" результатов, аналогичная ситуация повторилась и в начале становления работ в области искусственного интеллекта" (там же).

Жора Селезнев уехал, а мне надо было самому решить, что делать дальше. С большим трудом я принял окончательное решение перед самым вступительным конкурсом в консерваторию — не идти на это зыбкое и проблематичное поприще. Были и объективные причины для такого решения — росла дочь, Иза все более погружалась в театральный мир, содержать меня во время обучения в тбилисской консерватории было некому. Моей "голубой мечте", я понял, не суждено было осуществиться.

Здесь же, в Институте кибернетики, к этому времени, мое положение укрепилось настолько, что я стал формировать новое подразделение для решения специальных задач в области волоконно-оптических преобразователей, в интересах авиационного и космического приборостроения. Как всегда, "царь-случай" круто изменил направление моих работ, моих научных интересов. Позже я понял, что это было компенсацией "от Бога" за мои страдания по поводу вынужденного ухода из музыкальной сферы, из облаков на землю.

Могу только признаться, что мне еще долго не давала покоя музыка, музыкальная среда, будоражащая славой отдельных кумиров, запахом театральных кулис, мелодиями любимых

произведений. Но судьба распорядилась иначе. Жизнь оказалась выше идеи.

В жизни человека, как и в любой развивающейся, открытой, динамической системе, наступают моменты, когда все может полететь к черту, или к Богу, в зависимости от какого-то, не всегда объяснимого фактора. Мой личный опыт показал, что решающим моментом в таком случае, а это явная точка бифуркации (критическое состояние системы), когда жизнь выходит из состояния равновесия и появляется выбор и невозможно предсказать дальнейшее развитие событий, так вот, решающим моментом оказывается человек. Лучше мужчина. Потому что любая женщина может вывести из состояния равновесия любого мужчину. Таким человеком — фактором расщепления пути в точке бифуркации для меня оказался приехавший в институт Олег Александрович Чембровский, тогда молодцеватый полковник, с безукоризненными формулировками задач по навигации, управлению летательными аппаратами. Образованный и в высшей степени интеллигентный человек. Слово космос не произносилось, хотя было ясно о чем идет речь, голубые канты Чембровского выдавали его принадлежность к этой сфере.

Поначалу, в первых встречах с ним, все шло по накатанной академической колее — семинары, обсуждение задач, протокол и "включение в план работ института" новой проблематики. Однако задача, поставленная "ОАЧ", была настолько необычной для меня и так привлекала своей благородной целью, технической красотой и изяществом, что я забыл о разочаровании с поступлением в консерваторию.

Ближе познакомившись с Олегом Александровичем, я подпал под обаяние этого нестандартного человека, заразился его идеями, как оказалось надолго. Это был заразительный мир космических исследований. Навигация по звездам открывала новый мир, будила неясные мысли о космических полётах, была составной частью того ажиотажа, который был поднят прессой после первых полетов человека в космос. Я честно погрузился в разработку новых принципов приборостроения, точнее, в создание нового класса приборов на основе волоконной оптики, которой увлёкся с самого начала работ. В этом направлении было сконцентрировано все, чем дышал институт: и технология изготовления волоконных изделий, — в институтском отделе Ханзерифы Гаприндашвили, в муфельных печах тянулись волоконные световоды, — и методы обработки оптического изображения и кодировки в теоретическом отделе, и передача оптической информации по оптоэлектронным каналам

в лаборатории Авика Аязяна, и многие другие аспекты создания оптической вычислительной машины. Словом, в институте была сформирована хорошая научная и техническая основа для разработки прототипов новой техники, что финансово поддерживалось военно-промышленным комплексом страны.

Мы стали ездить к Олегу Александровичу в Калинин (сегодня Тверь), в НИИ-2 Министерства обороны, сначала "на смотрины", а потом как равноправные участники эскизного проекта "ЛК" ("Лунник"). Работать было интересно, вместе с Борей Стольбергом я подготовил большой обзорный раздел оптико-электронных средств навигации и контроля применительно к космическим аппаратам для аванпроекта. Немногим позже я, в частности, вместе с ним разработал и запатентовал для этого проекта астронавигационное устройство на основе волоконно-оптического преобразователя для "Лунного модуля". Олег Александрович Чембровский создавал для нас необыкновенный творческий климат.

(Приложение 6, "У истоков космической обороны России", Б.Ершов).

Проработал я в Твери с Борисом Стольбергом несколько лет в отделе НИИ-2 у Чембровского, правой рукой которого был Георгий Самойлович. Мы трудились в институте, продолжали дома у Бориса, а в хорошую погоду брали лодку и уходили по Волге, вверх по течению до знаменитой березовой рощи, где нам в голову приходили особенно плодотворные мысли.

Мои командировки в Калинин стали непременной частью работы и жизни. В этом городе хорошо чувствовалась атмосфера старого русского уклада, здесь еще пока "дышало прошлое", история была рядом, а величавая Волга уходила из-под высоких мостов в татаро-монгольскую даль. Прямо напротив Главного корпуса НИИ-2 можно было спуститься по ступенькам к месту, откуда отплывал когда-то Афанасий Никитин в свои "Индии", казавшиеся ему голубыми видениями.

Сегодня, с расстояния многих лет, все мелкие детали и подробности растаяли, исчезли из памяти, сметены потоком жизни, как мусор, и только значительные события и люди остаются по-прежнему в воспоминаниях, занимая в них незыблемое, проверенное временем место. Олег Александрович Чембровский — один из немногих, оставивший благородный след в моей благодарной памяти о таких людях. Но и он появился у нас только потому, что нашел себе достойного партнера для совместных работ и человека "своего уровня" — нашего директора — Владимира Валерьяновича Чавчанидзе, которого до

сих пор мы, несмотря на его предупреждение, зовём между собой "Вовой".

— " Вова " — (Владимир Валерьянович Чавчанидзе)

Живой и подвижный, несмотря на свою тучность, с вечно искрящимися радостью глазами, напоминающими маслины, которые он обожал, "Вова" был, как персонаж "Золотого теленка" Ильфа и Петрова, который или "только что был здесь", или "только что вышел".

Я считаю, что только благодаря ему, Владимиру Валерьяновичу Чавчанидзе, наш институт стал местом "паломничества" многих незаурядных личностей. Он привлекал к себе людей своей выразительной, темпераментной речью, добротой и расположенностью к собеседнику, искренностью и прямотой суждений, полным отсутствием "задних мыслей" и широкой эрудицией. Он никогда не ввязывался в околонаучные интриги, мне кажется, что "Вова" принадлежал к тем, кому всегда "фортуна благосклонна", а к таким людям часто прибивается и всякая шушера, в расчете, что и им "перепадет с барского стола". Я знаю, многие его сотрудники, его соратники и просто знакомые до сих пор вспоминают Вову с большой теплотой. (Приложение 7, "Ученый тамада").

Всем его многогранным талантам не хватало обычной канцелярской усидчивости и бюрократической организованности. Впрочем, тогда бы он и не был "Вовой", которого сотрудники ценили еще за его демократизм и даже вольности, которые он нам позволял. Он знал это за собой и для администрирования, управления службами нашел отличного "распорядителя кредитами" — Букреева Игоря Николаевича. Тот прошел хорошую армейскую выучку, был дисциплинирован сам и подавал другим пример, что было необходимо в нашей "казацкой вольнице". Так что гармония в управлении распухающим от избытка идей институтом была найдена.

В прошлом, 2005 году, я прилетел (еще было можно), как обычно, в Тбилиси, к дочери и внукам. Владимиру Валерьяновичу должно было вскоре исполниться 80 лет и мне очень захотелось увидеть его. Я созвонился с ним и поехал к нему домой на Сабуртало. Он жил один с приходящей дальней родственницей, которая помогала ему по дому. Я не виделся с ним, примерно, пятнадцать лет и был поражен его прежней "кипучести", грандиозным планам, жизнерадостности и оптимизму. Мы обнялись и, по-грузински, приложились щека к щеке.

Я многим ему обязан и всегда помнил об этом, но не думал,

что и он так тепло, как будто не прошло столько времени, помнит все мои "завихрения" до мелочей. А потом, после чая, Вова попытался меня втянуть в какой-то очередной "проект века". Вова остался большим ребенком с неуемной фантазией и детской доверчивостью к людям. В этом смысле, он уже выпадал из нашего нового времени с его железным прагматизмом и расчетливостью людей, даже самых близких. Он снова затронул во мне самые добрые чувства, пробудил воспоминания о том далеком, "золотом" времени становления Института кибернетики в Грузии, в Тбилиси…

Слушать Владимира Валерьяновича было истинным удовольствием, особенно на наших институтских семинарах, иногда, правда, его, что называется, "заносило". Но это скорее придавало его выступлениям окраску сказания, увлекало своей поэтичностью, где правда легко смешивалась с вымыслом. Слушателя, непривычного к такой манере изложения самого серьезного вопроса, могло и покоробить отсутствие академической сухости, точности определений, но не мог оставить равнодушным брызжущий фонтан острот, красноречие нашего "шефа". Замечу, что "Вова" всегда знал истинную меру интеллектуального уровня своей аудитории и не попадал впросак. И только очень узкой аудитории проверенных сотрудников, которые ему все прощали, он мог рассказывать, что своими успехами на поприще разработки водородной бомбы СССР обязан лично ему. Или, например, что расшифровку кода ДНК он сделал задолго до Крика и Уотсона, еще будучи аспирантом у Игоря Евгеньевича Тамма. Мы терпели его провокационные выдумки, в которых часто сквозила полуправда.

Нам всем, близко его знавшим, доставляло особое удовольствие присутствовать на театрализованном представлении, которое он устраивал при посещении института каким-либо высокопоставленным лицом, особенно, если это были люди "оттуда", с самого верха, не очень отягощенные научными представлениями.

"Вова" впереди группы посетителей вихрем проносился по коридору, увлекая почти бегом их за собой, влетал в двери ближайшей лаборатории, выхватывал из рук попавшегося первым, растерявшегося, младшего научного сотрудника какой-либо прибор, например, фотоумножитель или простую электронную лампу, и с торжеством поднимая его над головами визитеров, как факел над статуей Свободы, возвещал: — "Здесь мы уже достигли десяти в двенадцатой степени…".

Спросить "чего достигли", в группе обычно стеснялись, чтобы не показать свою научную неосведомлённость

и профессиональную несостоятельность, "двенадцатая" впечатляла всех, а "Вова" летел дальше.

Как-то мы устанавливали электронный микроскоп, и надо было для того, чтобы "вписать" его габариты, разрушить часть перегородки между комнатами. Дыру заделать до прихода "важняка" мы не успели, как не успели предупредить об этом и нашего директора "Вову". В группе посетителей, кроме офицеров с голубыми погонами, оказался маршал Баграмян, "при полном параде", сверкающий золотом галунов и нашивок, мы все от конфуза застыли на месте и ждали завершения этой сцены. Владимир Валерьянович, "ничтоже сумняшеся", просто и доходчиво объяснил маршалу, что "это произошло от неосторожного обращения неопытного лаборанта с мощным лазером".

При всей своей легкости характера и кажущейся "всеядности" или даже неразборчивости в знакомых, как нам казалось, а мы очень ревниво относились к своему "шефу", "Вова" свои истинные привязанности сохранял надолго, любил встречать и встречаться, и даже суховатого и немного унылого Сахарова, с которым они вместе "тянули лямку" в аспирантуре у Тамма, он мог вытащить на встречу в ресторан и посидеть с ним, абсолютным трезвенником, в неформальной обстановке, попросту, за бутылкой хорошего вина (Там же, раздел — "Воспоминания Сахарова о встрече с Булатом Окуджава").

— 1965, Тифлис — Тбилиси — встреча с минчанами -

Работал у нас в лаборатории электрохимии Боря Холодницкий. Мы все в институте были дружны, встречались на общих семинарах, направления работ часто пересекались в своей тематике, что давало, как правило, дополнительный эффект, называющийся сегодня очень модным словом "синергетика". Боря приехал из Ленинграда, был на пару-другую лет меня старше, пережил мальцом блокаду города, где ему пришлось, стоя на ящике у станка (иначе не мог достать до суппорта, за что поплатился пальцами на одной руке), вытачивать даже какие-то втулки, принимал, так сказать, непосредственное участие в обороне северной столицы. Я бывал у него дома в Питере, когда приходилось по нашим общим делам посещать военных моряков, открывшим нам финансирование некоторых тем. Естественно, что в Тбилиси многие из нас, приехавшие из разных городов, старались держаться вместе, особенно в первое время, время вживания в новую среду, что было вызвано еще и незнанием грузинского языка. Знакомства завязывались быстро, от приглашений я никогда не отказывался, и в один из дней, мы закончив работу пошли к Боре выпить кофе — его дом находился на соседней улице Чонкадзе. Поднялись до конца нашей улицы, почти упиравшейся в Мтацминда, свернули на улицу, где Боря проживал у своей супруги Веки Гегечкори и подошли к дому.

Мне всегда нравился в архитектуре стиль "модерн" начала века, и не являясь поклонником Брюсова, окрестившего модерн "бесстыдным", или Цветаевой, печалящейся по старине с покосившимися флигельками, я восхищался работами выдающегося московского архитектора Шехтеля, родоначальника русского модерна. Сказывалось мое "архитектурное прошлое", я ведь когда-то поступил на архитектурный факультет БПИ в Минске. Прекрасный театральный художник Шехтель сумел внести в архитектуру поэзию линий и любовь к строительному материалу, с которым он работал, как скульптор.

Дом, где жил Боря, сразу же вызвал у меня ассоциации с "шехтелевскими" особняками Москвы, особенно с домом, который он построил "миллионщику" Рябушинскому, и в котором потом оканчивал свою жизнь Горький. Боря в двух словах рассказал мне историю дома, о котором старожилы знали, что это "дом на бриллиантах" или "дом Бозарджянца" — табачного миллионера в старом Тифлисе.

Я стоял перед главным входом, окруженным аркой, сложенной из крупного светло-серого камня, над которым нависал балкон с каменной резной балюстрадой и мне представилось далекое прошлое жильцов этого дома. Но надо было знакомиться с настоящими, сегодняшними жильцами и мы зашли внутрь, с трудом открыв тяжелую дверь, за которой находился необъятных размеров холл. Из холла наверх вела двухпролетная лестница из белого мрамора, чуть пожелтевшего от времени. Лестница была такой ширины, что могли бы на ней разминуться "муши" (рабочие — груз.), спускающие вниз пианино, в то время когда наверх в апартаменты поднимали бы новый рояль. Мрамор полов холла, широкие ступени лестницы, ее мраморный парапет с цветочными барельефами — все это производило впечатление декораций на большой театральной сцене.

Мы поднялись на второй этаж, где и жили теперь Гегечкори и еще какие-то семьи, и зашли в большой зал, где обитал брат Веки — Алико Гегечкори. У камина из белого мрамора стоял велосипед. Облокотившись на мраморную доску камина, стоял хозяин этих хоромов. В дальнем углу залы — раскладушка с перевесившимся через нее спальным мешком. Больше в этом зале ничего не было. Алико подошел к нам, хотя мог бы подъехать и на велосипеде.

В зале были громадные окна, как в минском костеле рядом с моим домом, в витражах верхней части окон просвечивались цветные силуэты. Это была самая большая комната в квартире Гегечкори, которых неоднократно "уплотняли". Боря и Века жили "на другой половине" этой квартиры в сравнительно небольшой комнате. В остальные апартаменты этого этажа пройти было невозможно, дверь в коридоре была заколочена, за ней шла другая жизнь, других людей. Любопытство не оставляло меня, так как здесь, я знал, до отъезда в Москву, жил Берия, тот самый, находившийся в близких родственных отношениях с Гегечкори.

На этой великолепной сцене, в особняке табачника-миллионера с мраморными лестницами и каминами, разыгрывалась когда-то одна из обычных трагедий советского времени. Братья Гегечкори с самого начала революции встали по разную сторону баррикад, но угадать, какую сторону выбрать, удалось только старшему из них, эмигрировавшему во Францию. Судьба младшего — обычная для партийного функционера высокого ранга в Советской России тех лет — револьверный выстрел в висок. Ни об одном из них, в этой в высшей степени интеллигентной семье, говорить было не принято.

Однако, вернемся к началу моей эпопеи и ее связи с Алико

Гегечкори. Мы сразу же сблизились с ним на почве моего интереса к истории Тбилиси, так как он был заместителем директора "Музея истории города", расположенного в красивейшем месте, высоко на Комсомольской аллее, отроге хребта, разделяющего Ботанический сад и "сололакский" район города. Я все еще продолжал заниматься фотографией, особенно мне нравились ночные, пейзажные и городские съемки, показывал их своим друзьям. Алико знал об этом моем увлечении, и он мне предложил сделать для архива музея фотографии всех достопримечательных мест города, все, что я только смогу за очень короткий срок сделать. Видимо, и до них дошла животворящая финансовая благодать откуда-то, скорее всего, из Министерства культуры, но деньги "горели".

Деньги всегда нужны джентльмену. Я взялся за это дело, не задумываясь, широкоформатные камеры у меня были, а сдавать в фонды музея надо было обязательно негативы 4х6 см, не менее, и работа пошла. Работа была, конечно, "левая" по всем моим представлениям того времени, тем более, что мы не подписывали никаких соглашений, доверяя друг другу на слово, было только сказано, что "не обидим". Был месяц май, предстоял через некоторое время отпуск, и все "заверте…".

Я и без этой работы часто выходил в свободное время "пощелкать камерой" то, что привлекало мое внимание, а сейчас мои прогулки с фотоаппаратом приобретали другой смысл, и я начал со старого города, с кварталов Майдана, кривых переулков

Харпухи, садов Ортачала и исчезающих Песков, церквей Авлабара и тенистых улиц Сололаки.

В старых кварталах города нельзя ходить равнодушно, здесь в тифлисских двориках заблудилось время, здесь осталось необъяснимое очарование давно прошедшей жизни. Ажурная вязь деревянных балконов, нависших над Курой, резные двери домов на улицах Майдана, выглядывающие из-за красных черепичных крыш, цветные грани, синие, голубые, остроконечных, как воинские шлемы, куполов церквей, чугунная вязь оград, и сады, скверики — просились, чтобы их увековечили. Прошлое здесь задержалось, чтобы продолжить праздник продолжающийся со времен основания города. Я увидел тот Тифлис, о котором один из его верных почитателей, родившийся здесь и ставший здесь писателем написал: "Старый Тифлис… похож на веселое свадебное застолье, где все жители как будто собрались на веселый пир" (О.Туманян).

С высоты Сололакского хребта, прямо со смотровой площадки у Музея, я и начал снимать Тифлис, именно Тифлис, тот дореволюционный, поэтичный и красочный, которым

восхищались и рисовали его Лермонтов и Айвазовский, описывали Дюма и Пушкин, остались в нем навсегда, в названиях его улиц и площадей, Грибоедов и Саят-Нова. Я не хочу приводить бесконечный список прославленных и прославляющих этот город деятелей грузинской культуры, так что ограничусь этим скромным перечнем.

Новый город, уже обязательно с именем Тбилиси, вырастал в нижней, центральной его части, в современных кварталах и новостройках Сабуртало, Грма-Геле или Ваке.

Конечно, я заранее ознакомился с фотоматериалами старейшего российского фотографа Дмитрия Ермакова, всю жизнь посвятившего созданию архивных фотодокументов для Кавказского музея в Тифлисе. Этот фотохудожник, ставший в конце Х1Х века "почетным гражданином города Тифлиса", полвека создавал свою уникальную коллекцию, в которой более 25 000 негативов, сохранивших для нас во многом утраченные памятники старого города, исчезнувшей Грузии. Сейчас его "дело" продолжает наш общий, семейный друг Гия Герсамия.

С южной стороны Сололакского хребта, в глубоком ущельи Цавкисис хеви, по его склонам, раскинулся, наверное, самый старый на территории бывшего СССР Тбилисский ботанический сад, в котором был построен один из первых железобетонных арочных мостов в России, соединивший дорогу с Таборского к Сололакскому хребту. Вот с него началась "моя коллекция" работ.

Сад упоминается впервые в 1636 году, как "дворцовый сад", который в середине Х1Х века преобразовали в "Ботанический сад", с него я начал свой фотомарафон, медленно спускаясь по крутым спускам в сторону верхних улиц "сололакского убана". "Лавры" Ермакова меня не смущали, его полвека трудов и мои два месяца были несоизмеримы, задача была скромнее — сдать в срок максимально возможное количество негативов тбилисских достопримечательностей. Оплата была "поштучной", я сделал все возможное, сделал, как было договорено. Это "путешествие дилетанта" с фотоаппаратом оказалось настолько увлекательным, что и позже, уже получив причитающиеся мне "тысячи" и прогуляв эти деньги, я несколько лет продолжал свои прогулки по городу, который становился мне все понятнее, ближе и дороже.

Я "увековечил" удивительные дома в Сололаках, в одном из которых проживал дядя моей жены Арчил Гигошвили, в то время возглавлявший МИД ГССР. Его дом никак нельзя было увидеть за каменной крепостной стеной высотой в три этажа, этот дом стоял в глубине тенистого сада, попадая в который возникало

ощущение другой страны.

Снимал фасады дома Манташевых, в котором родился и вырос великий российский реформатор граф Витте и где жила его двоюродная сестра Блаватская, дом Мирзоевых на улице Мачабели (бывшей Сергиевской), где прошло детство и юность Гумилева и, конечно, "дом на бриллиантах", дом моих друзей на Чонкадзе, где жил Берия. Я "сработал" перспективы улиц и площадей старой части города, связанные с Пушкиным и Лермонтовым. Любовно во всех ракурсах, сделал фотографии площади царя Ираклия 11-го и прицерковные памятники на могилах с захоронениями выдающихся жителей Тифлиса — от великого поэта средневековья Саят-Новы и "железного диктатора России" Лорис-Меликова во дворе армянского храма на Эчмиадзинской, — до Пантеона с серым базальтовым валуном на могиле Важа Пшавела и простым монументом Николоза Бараташвили у церкви "Давида" на Мтацминда. Скорбный черный мрамор могилы Грибоедова и серая скала святого Або, охра керамической кровли Анчисхатской церкви, и лазурные грани купола "Лурджи Монастери", мрачный и таинственный "дом над Курой" у метехского моста, где я первый раз в духане попробовал жареный сулугуни (дом взорван во время постройки нового моста). Домики на "Песках", с балконов которых в половодье ловили рыбу, уже тогда подмытые частыми разливами Куры. Выбор тем был огромен, вечерами я вырабатывал маршруты, позволявшие с минимальными затратами времени (я ведь и на работу ходил каждый день), заснять в урывках рабочего дня сотни видов исчезающего с каждым годом на моих глазах старого Тифлиса.

Сверяясь в архиве со старыми материалами Ермакова, я с удивлением обнаруживал непостоянство названий улиц и площадей города, связанное с историческими переменами, что часто очень затрудняло точную привязку места съемок. А названия некоторых популярных мест города требовали специального исследования, как название главной площади с мэрией (Горисполкомом). Никто толком так и не смог объяснить мне, почему старожилы упорно зовут ее "Эриванской".

Прошло много лет и оказалось, что дворцовый парк в Гомеле, поразивший меня в школьные годы, и площадь в Тбилиси обязаны своим именем одному и тому же генералу Паскевичу-Эриванскому (так раньше назывался Ереван). Полным именем этого российского военноначальника белорусского или украинского происхождения, было — князь Иван Фёдорович Варшавский, граф Паскевич-Эриванский, что свидетельствовало об его победах при этих городах. Однако Тбилиси из

первоначального названия площади "Паскевича-Эриванского" сохранил лишь последнюю довеску к звучной фамилии графа. "Знатоки" еще утверждали, что к чугунной чашке фонтанчика на этой площади, из которого поднималась вверх тоненькая струйка питьевой холодной воды, подведен водопровод из Еревана. Надо же было найти какое-нибудь объяснение названию "Эриванская площадь", которая только в советское время успела побывать "площадью Закфедерации", Берия, Ленина, а сегодня, может быть и надолго, зовется площадью Свободы.

А улица Ингороква с ее прежними названиями — Лабораторной, Петра Великого, и, кажется, Троцкого и Дзержинского. Или улица славного советского генерала Леселидзе, название, доживающее свой срок, с чехардой ее исторических переименований — "Шуабазари" (средний базар — груз.) в средневековье, Армянский базар в X1X веке, Дворянская в царское время, Потребкооперации во времена НЭПа, и улицей Берия до его "разоблачения" и расстрела.

В мой фотоархив попал и "Сиони" — главный кафедральный собор, и Петхаинская церковь Пресвятой Богородицы, "Сурб-Нишан" на Серебряной и церковь Святого Геворга на Красильной, Дидубийский пантеон и "Кашвети". И были покосившиеся лестницы внутренних дворов, узкие, чугунные, винтовые, вкручивающиеся в небо, и лестницы пошире, деревянные с резными балясинами, для спокойного шествия по ним дам в длинных платьях.

"Сухой мост" и Мухранский с Воронцовским мосты, мост "Челюскинцев" и Марджанишвили, почти все позже переименованные, к сожалению.

С исчезновением старых названий стала исчезать историческая память горожан, и начались бесплодные дискуссии о вымышленных приоритетах.

Через месяц с небольшим, я уже смог сдать в архив музея около ста роликов пленок, проявленных в моей ванной, на пятом этаже дигомской "хрущеви". Еще через неделю изрядная по тем временам сумма, полученная мной в банке, — несколько пачек почему-то мелкими купюрами, — топорщила оба кармана моих брюк, вызывая чувство справедливой гордости за мои труды.

Тогда же я познакомился с необходимостью "отката" своим работодателям, который стал известен в "новое время" только в 90-е годы.

Нет денег — плохо, есть деньги — еще хуже. Надо что-то с ними придумать, что-то делать. А не "махнуть ли нам на…". Фантазия была ограничена суровой социалистической действительностью. Пример Остапа Бендера всегда был для нас,

если не моделью поведения, то предостережением об опасности игр с советской власть. Я решил упростить ситуацию и заказал два билета на рейс "Батуми — Одесса" теплохода "Победа", в каюту класса "люкс". Стоимость этих билетов сразу же облегчала дальнейшие соображения на тему о правильной трате заработанных денег. Так что отпуск у меня в том году отличался от других морским путешествием на превосходном теплоходе, напомнившем мне мое первое "плавание" с Мишей Мишениным на громадном лайнере "Россия" из Ялты в Сочи с палубным билетом.

В тот раз, еще школьником, я ночь провел под тентом спасательной шлюпки, а в этом путешествии была поскрипывавшая красным деревом каюта-люкс со всеми удобствами. Можно было поплескаться в бассейне на верхней палубе или позагорать на прогулочной в шезлонге, или спуститься к обеду в один из ресторанов в чреве этого плавучего дворца.

Даже без Одессы и ее красочной толкучки, без Гурзуфа и Ялты, где мы остановились на обратном пути из Одессы, это было бы превосходным путешествием. Но, видимо, такой уж был для меня этот год — год удачи, денег, свалившихся неожиданно на меня, морского путешествия в первоклассном лайнере, и еще год встречи со школьными друзьями, минчанами, новыми и очень яркими впечатлениями.

Одесса меня очаровала, а визит в одесскую баню дал начало не очень приличному, но обошедшему всю страну анекдоту о "фосфоре" и рыбе, родившемуся прямо на моих глазах под душевым соском в мужском отделении, где собрались одесские острословы. Надо признаться, что я тогда так и не успел как следует вымыться — я проржал эти два часа до колик в животе, сохранив навсегда уверенность, что все анекдоты "делаются" в Одессе.

Обойдя со всех сторон известный одесситам "платан, который посадил еще Пушкин", тем же теплоходом мы вернулись в Ялту, где и предполагали остаться до конца отпуска. Вернее не в самой Ялте, а в Гурзуфе, который мне всегда очень нравился, со времен моего первого путешествии по крымскому побережью, когда в составе сборной й республики по водному поло мы готовились к Спартакиаде народов СССР 1956 года. Мы тогда все лето проводили в Севастополе и совершали для отдыха и небольшой передышки однодневные вояжи, прерывающие тренировочный цикл.

С тех пор крымское побережье не вызывало у меня особых симпатий из-за тяжелой дороги "707", скверных пляжей,

скученности, плохого питания и убогой растительности, все это было в разительном контрасте с буйной и красочной природой Кавказа. А особенно с его километровыми песчаными пляжами в Бабушерах, Кобулети или за Зеленым мысом у Батуми. Крымские горы, вроде Ай-Петри. казались мне какими-то обглоданными что ли, пустынными и считать их за горы, после моих походов по Кавказу, мне было неловко.

Но Гурзуф с Суук-Су, а еще и недоступная нам с царских времен, закрытая для посторонних глаз, Ливадия со своими дворцами, были овеяны литературным романтизмом, рассказами родителей о "том времени" и прочей чепухней, сильно влияющей на наше юношеское восприятие действительности. Мне когда-то в детстве, на Урале, когда я почти год пролежал в разных туберкулезных отделениях больниц и детских санаториев, подарили старинные открытки с цветными фотографиями берега Крыма. Надо было еще раз проверить свои ощущения от того времени, о той красивой, яркой, "открыточной" жизни на берегу моря.

Итак, мы с Изой перебрались из Ялты в Гурзуф и осели там, сняв за три рубля в день (и ночь) какую-то хату, расположенную в верхней части этого городка.

В один из обычных дней черноморского отдыха, отстояв в очереди за блинами (популярная еда того времени), мы прошлись вдоль каменистого гурзуфского пляжа и вдруг услыхали пение под гитару. Знакомая мелодия и слова заставили подойти поближе к группе, расположившейся на топчанах под навесом. "Мы похоронены где-то под Нарвой, под Нарвой, под Нарвой…", — мне очень нравилась эта вещь, и еще: — "Уходят, уходят, уходят друзья…".

В Москве у Миши Вентцеля я уже слышал, записанные им дома, в авторском исполнении, эти строфы. Галич и мать Миши, Елена Сергеевна Вентцель (И.Грекова) работали над каким-то сценарием, и Миша воспользовался этим случаем. Он все, что было им записано, добавив еще и становившиеся невероятно популярными песни Окуджавы, переписал на одну бобину, привез в свою очередную командировку к нам в институт и подарил мне. Я, в свою очередь, переписывал эти песни, сразу же понравившиеся мне своей искренностью, верным тоном и упрощенным гитарным аккомпанементом, для своих многочисленных приятелей.

Галич и Окуджава заставляли по новому смотреть на мир, а Галич еще своими текстами песен стоял в открытой конфронтацией к власти, что особенно импонировало моему тбилисскому окружению. Кроме того, в Тбилиси, как нигде,

любили гитару, играли на ней, тогда не было, наверное, ни одного дома, ни одной городской семьи без гитары. Медленно, но верно эти новые песни завоевывали тбилисскую аудиторию.

Я стоял, прислонясь к нагретому солнцем столбу навеса, слушал, а ребята все пели и пели одну песню за другой. И вдруг я разглядел между голыми спинами, окруживших играющего на гитаре, моего первого (и последнего) пионервожатого из минского лагеря в Астрашицком городке — Леву Томильчика. Кроме того, его мама, как и моя, тоже рентгенолог, безуспешно лечила когда-то рентгеном мои гланды, изъеденные ангиной. Присмотревшись и подойдя поближе, я узнал и Славу Степина из нашей школы и еще несколько минчан. Оставалось примкнуть к ним, познакомится с несколькими их приятелями, узнать, где они остановились и договориться о встрече на следующий день.

Слава Степин вызывал у меня со школьных, университетских лет необъяснимое… Даже не могу подобрать подходящее слово — почтение, — нет, как-то тогда было еще ему и мне не по возрасту, скорее восхищение — тоже не подходит, не прима-балерина, может быть, точнее было бы — поклонение ему и признание его необычности, глубины знания и точности определений, фантастической эрудицией и живым непосредственным изложением самых запутанных и сложных тем. Я помню ходил за ним часами по пляжу рижского взморья и старался не пропустить ни одного его слова, хотя не могу вспомнить, о чем он своим обычным, спокойным тоном рассказывал, объяснял тогда, но впечатление было такое, словно я оказался на берегах античной Греции и мне кто-то из тех, "великих классиков", рассказывает об устройстве мира. Осталось от этих встреч неизгладимое на всю жизнь впечатление о человеке другого уровня понимания вещей. Видимо, такими были те, гениальные, античные философы далекого прошлого. (Академик Вячеслав Семёнович Стёпин много лет возглавлял Институт Философии РАН, сегодня он Академик-секретарь отделения РАН).

А вот в преферанс с ним, запасшись трехлитровыми банками пива, мы могли играть все ночи напролет в компании с Мишей Мишениным, моим самым близким другом, его одноклассником, рано нас покинувшим. Здесь не было места для серьезных разговоров, но Слава был кладезем анекдотов, так что когда он "сидел на прикупе", то не давал нам скучать.

Мои интуитивные представления о нем оказались пророческими — сегодня наш Слава, Вячеслав Семенович Степин, академик Степин — один из ведущих философов мирового масштаба. Академик Вячеслав Семёнович Стёпин много лет возглавлял Институт Философии РАН, он Академик-секретарь

отделения РАН. Один из его сподвижников даже высказал предположение, что современная философия вступила в "эпоху Вячеслава Семеновича Степина". Что это такое, знают только они-философы, эпоха не проста, что делать в ней нам, как жить в этой эпохе, никто толком не знает. Как говорит один телевизионный затейник — "такие вот настали времена"…

Расположились мои старые, минские друзья во Фрунзенском, где я еще не был, но собирался взглянуть и снять на память увековеченные литературой скалы "Дива" и "Монах". Так мы стали ежедневно встречаться, загорать вместе, купаться и распевать для пляжной публики мало кому еще знакомые песни Галича и Окуджавы. Я был рад снова погрузиться в мир моей юности, услышать мягкий говор сородичей, узнать последние новости родного города. А тут еще и совпало время нашего пребывания с финальными матчами на кубок СССР по футболу, в котором должна была играть наша команда — минское "Динамо". Остаться в стороне от такого события, которое болельщики ждут годами, было бы преступлением. Ребята достали телевизор и вечером 14 июля (сверился по календарю игр "Динамо") мы все отключились от внешнего мира, от юга, от моря, от жен и девушек, от песен и разговоров о прекрасном. Начинался футбол.

Такой страстной игры я не ожидал, особенно от нашей минской команды — она должна была выиграть. Но за 90 минут игрового времени и еще 30 минут добавленного не было забито ни одного гола. Мое разочарование было настолько велико, что я не пошел на следующий день смотреть повторную игру согласно регламенту финала. К тому же, мне стало ясно, что всеми правдами и неправдами "Спартаку" в Лужниках поднесут победу, что потом и оправдалось. "Спартаку" в восьмой раз дали выиграть Кубок СССР, а этот финал попал в историю как самый длительный, так как продолжался два дня и занял времени 240 минут.

Футбол дает столько же радости, сколько и огорчений, что укладывается в общую формулу жизни. В радость встречи со старыми друзьями, "в бочку меда", конечно, не со зла, а скорее для порядка, Господь швырнул пресловутую "ложку дегтя"-разочарование от упущенной возможности выиграть в первый раз кубок СССР.

Расставались мы все после летних встреч, как потом выяснилось, на очень большой срок.

Если футбол не доставляет удовольствие настоящему болельщику, надо переходить на что-нибудь другое, например, начать собирать самовары, или заняться чеканкой, что тоже не

прошло мимо меня из-за повального увлечения этим "надомным творчеством" почти всех моих друзей. А мы с Аликом Гачечиладзе даже приноровились получать дополнительный заработок, наладив вечерами каждый у себя дома чеканку простых изделий на листовой меди или латуни. Лучше всего шли наши "кашпо", которые Алик пристраивал в каком-то комиссионном магазине. Но через пару месяцев включения в это ремесло, не подозревая о железных законах рынка, о связи спроса и предложения, мы завалили узкий сегмент тбилисского рынка нашими элитарными изделиями, денежный ручеек иссяк, оставалось только работать для себя, для удовольствия, "для вечности"…

Сделав как-то ко дню рождения Серго Закариадзе его портрет, — чеканка на алюминии двухмиллиметровой толщины, — получив признание в узком семейном кругу (Иза вручила ему эту мою работу и он, по ее словам, был очень доволен), я не возомнил себя вторым Очиаури, самым известным тогда в городе чеканщиком. Да и делать это смыслом моей дальнейшей жизни не собирался.

Продолжилось все то же, никогда не оставляющее меня, постоянное ощущение, что мне все доступно — опасное, расслабляющее чувство, оно часто не давало мне возможности остановиться, засесть за какое-то крупное дело. Мне все продолжалось казаться, что это "Дело", дело с большой буквы, еще впереди, надо еще немного прожить продлить минуты удовлетворения в своих пристрастиях, наслаждения в увлечениях, испытать еще и еще, на что я способен. Я радовался жизни, как в восемь лет, со времени, когда снова встал на ноги и снова научился ходить после туберкулеза, гипса, сумрачных дней и вечеров Урала. Огорчения, которые бывали, быстро проходили, я давно научился воспринимать их как неполадки в погоде. Погода всегда налаживается, тем более в Тбилиси. Солнце светит — это главное чудо жизни. Минское "Динамо" выпустило из рук кубок — будет еще у него следующий шанс. И вперед…

А к футболу еще раз пришлось вернуться, почти на целый год.

— 1966 год, не только о футболе -

Если я скажу, что в Тбилиси болельщиков футбола много — это будет ложью, если добавлю, что очень много, невероятное количество, то и это будет неправдой — в Тбилиси футболом болеют все — дети, женщины, военнослужащие, врачи скорой помощи, разносчики овощей, жители города всех возрастов и специальностей. Глухие и немые, увечные и просто больные, которые в минуты футбольного матча, выздоравливают, встают на ноги, может быть, даже прозревают. Я тоже заразился высшей формой этой неизлечимой болезни именно в Тбилиси. И стал "болеть", — не надо особенно напрягаться, чтобы понять, за кого, — конечно, за тбилисское "Динамо", а динамовская форма — белая с голубым до сих пор является для меня эталоном красоты в спортивной одежде. Справедливости ради надо сказать, что за эту команду я начал болеть еще в Минске, — тбилисское "Динамо" и ЦСКА (до ЦСКА — ВВС) — вот мои кумиры тех лет. Я тогда еще не подозревал о таком повороте судьбы, но "детская болезнь" приняла тогда легкую форму, не сопровождающуюся повышением температуры или давления. Видимо, уже тогда судьба начала меня готовить к будущей перемене места жительства именно с этой стороны, так что футбольная мания не обрушилась на меня внезапно, не подорвала мои силы, приняла хроническую форму и в таком виде сохранилась до времен "перестройки".

Ну, а в нашем институте футбольные дни рушили весь распорядок дня, который подчинялся этому моровому поветрию. Если научный сотрудник не мог в коллективном обсуждении предыдущего матча вспомнить, например, с какой ноги Месхи сделал пас на угол "штрафной" в середине второго тайма, он считался неполноценным. В институте не было принято курить на лестничных площадках, курили очень мало, единицы, чаще в саду внутреннего дворика или на улице, так что обсуждение футбола было главным моментом общего сбора, вместо обычных академических "перекуров". Футбольные теоретики на лестничных площадках вещали о новинках построения команды в ведущих футбольных странах, среди которых законодателями мод слыли бразильцы, блестяще применившие на чемпионате мира в Швеции новую тактическую систему "4 + 2 + 4", вытеснившую примитивный "дубль вэ" и получившую название "бразильской". Среди наших знатоков считалось, что победителем станет команда, успешно применяющая систему "катеначчо", изобретение известного итальянского тренера Эленио Эрреры,

под руководством которого миланский "Интер" стал 6-ти кратным чемпионом страны и обладателем Кубка европейских чемпионов в 1964 году.

Так что мы основательно готовились к началу чемпионата мира по футболу 1966 года в Англии, к самым главным баталиям на футбольных полях, которых болельщики всего мира ожидают каждые четыре года.

Хотя в этом году в Тбилиси открывался метрополитен и город готовился отметить осенью совершенно исключительную для Грузии дату — "Празднование 800-летия со дня рождения Шота Руставели", чемпионат мира по футболу был превыше всего. Мне надо было еще обеспечить просмотр всех предстоящих матчей, то есть достать телевизор. Конечно, я мог бы посмотреть это праздничное зрелище у знакомых, что я в конечном итоге и сделал, почти переселившись на время чемпионата к Алику Гачечиладзе, но престиж болельщика-профессионала требовал индивидуального просмотра на личном ТВ-приемнике. Тратить деньги, которых было не так уж и много, на покупку "ящика" мне даже не пришло в голову. Да и дорогие они были по тем нашим представлениям, что-то около 250 рублей. Я уже был руководителем группы, получал 160 "ре" в месяц, на ставке старшего инженера, спущенной в институт из фондов "Средмаша" (Министерство среднего машиностроения), что казалось "пределом мечтаний" и было моим "потолком" до защиты диссертации, но потратить такую сумму из семейного бюджета мне казалось преступлением. (Средняя зарплата рабочих и служащих в СССР, по сведениям Госкомстата, только к 1970 г. составила 122 руб.).

Можно сопоставить с моим окладом, для справки, цены того времени, которые практически не менялись с 1961 года, когда денежная реформа и введение новых денежных знаков, в соотношении 1 к 10-ти, поколебали мою уверенность в скором достижении "светлого будущего". Я хорошо помню, как пошел после этой реформы на "Колхозный" базар и был искренне удивлен стабильности цен на фрукты, которые и за день до реформы и после нее стоили тот же "эрты манэты" (один рубль — груз.)

В государственной торговле мясо с 1961 года неизменно стоило 2 рубля за килограмм, сливочное масло — 3,5–3,6 рублей за кг, вареная колбаса —2,2–2,9 руб, буханка черного хлеба — 18–20 копеек, батон белого хлеба (300–400 г) — от 13 до 25 копеек, литр молока — 30 копеек, сахар-рафинад — 1,04 руб за кг, яйца — 9 коп за штуку. Кур, как правило, не было в свободной магазинной продаже, а если они и появлялись, то почему-то

всегда были тощие, голубоватые с фиолетовыми печатями на боках. Но в большинстве районов страны, а в Тбилиси почти все годы, мясо, масло, рыбу, овощи, фрукты и многое другое можно было приобрести лишь на колхозных рынках, где цены превышали государственные в два раза и более.

Но меня интересовали тогда не продукты питания, а телевизор.

Как посмотреть весь этот чемпионат, я решил самым простым образом.

В институт поступили телевизионные трубки для экспериментальных установок разного назначения. Получив необходимые консультации у институтских радиоинженеров, взяв "напрокат" в институтском складе трубку с экраном приличного размера (кажется, что-то около 30 см по диагонали), я за пару недель, в "свободное время" на работе, собрал и настроил хороший во всех смыслах телевизионный приемник. Даже облек его в черную эбонитовую коробку, что стало ТВ-модой ведущих мировых фирм через тридцать лет.

Я основательно подготовился к этому пиршеству, празднику жизни и с другой стороны: дочку, которая необычайно радовалась телевизору, я отправил заблаговременно к бабушке в Минск, откуда они уехали в "летнюю столицу" Литвы — Друскеники (сегодня Друскининкай). Иза уехала с театром на летние гастроли. Ничто не могло помешать предстоящему празднику. Лето было очень жаркое, в отдельные дни температура поднималась до 40 в тени, но мы с Аликом Гачечиладзе заваривали на двоих чайник кофе, мороженое можно было купить без ограничения в соседнем ларьке около подъезда его нового дома, точнее дома его жены Додо, жизнь была прекрасна. Поздно вечером я уезжал к себе домой в Дигоми досматривать ночные трансляции, часто засыпая у включенного телевизора от изнеможения.

Не помню больше ни одного такого "футбольного" года, когда так удачно сложилась бы пестрая и разношерстная во многих компонентах, как цыганское одеяло, команда сборной СССР. Мы так разгорчились в предварительных играх, что стали даже надеяться на чудо — попадание в финал чемпионата. Но сначала нас охладила "железная" сборная Германии, которая еще раз показала, что "порядок бьет класс, и преградила нам дорогу. Была и последняя надежда на "бронзу", исчезнувшая, как только мы на наших "голубых экранах" увидели летящую над полем Уэмбли "черную пантеру" — Эйсебио.

И все же воспоминания о блистательных играх того чемпионата не меркнут до сих пор, а футбольные успехи наших

команд, по-моему, тускнеют год от года. Болельщику со стажем либо остается смотреть хорошо поставленные спектакли английской "премьер-лиги", либо изнурительную борьбу за выживание в итальянском "кальчио". Радует, впрочем, игра многих испанских команд. А что до игр виртуозов футбола в Южной Америке, то они, к сожалению, трудны для просмотра, идут в неудобное время, да и протекают тамошние чемпионаты как-то вне поля интересов европейского футбольного болельщика.

Яркий, комбинационный, грузинский футбол вообще исчез, только отдельные его представители нет-нет и появляются в цветах европейских клубов. А жаль…

Футбольные страсти, разгоревшиеся в тот год, затушевали даже "брожение умов", связанное с процессом по "делу писателей Синявского и Даниеля", который был постоянной темой в коридорах нашего института. "Стукачи" если и были среди сотрудников, то их "труд" не был заметен, а в Тбилиси подвергался справедливому клеймению. Наш институт даже в свободомыслящем тбилисском окружении выделялся своим непреклонным стремлением к справедливому решению многих внутриполитических вопросов. Многие темы, которые в Москве обсуждались "на кухнях", здесь подвергались достаточно объективной критике на открытых семинарах. Нашими гостями часто бывали многие из политических оппонентов закостеневшей советской власти, среди которых выделялся участник теоретических семинаров, достаточно известный математик, Александр Сергеевич Вольпин-Есенин. Прикоснуться к сыну "самого Есенина", это было что-то вродн причащения. Он был организатором исторического "Митинга гласности" в Москве 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади, требующего справедливого и открытого суда над писателями, Даниелем и Терцем. В хрониках диссидентского движения в СССР эта акция в Москве считается первой за время существования советской власти демонстрацией под правозащитными лозунгами.

Интересен тот факт, что митингующие держали плакаты с призывом "Уважайте Советскую Конституцию!" более всего раздражавшие власть. На митинге раздавали листовку, составленную Есениным-Вольпиным — "Гражданское обращение", где впервые были сформулированы принципы возможности и необходимости защищать права человека путем строгого следования советским законам. Это правило стало одной из основополагающих концепций правозащитного движения, но по опыту прошедших лет стало ясно, что результат выполнения этого принципа оказался "нулевой".

Материалы этого процесса, напечатанные с помощью пишущей машинки на папиросной бумаге, ходили из рук в руки по всем этажам нашего института целый год.

Прошло сорок лет с того 1966 года, и ничего в оставшейся от СССР стране не изменилось, кроме фамилий, протестующих против произвола властей — те же лозунги, те же формы, все более сужающееся пространство справедливости, отсутствие нормального судопроизводства и вранье, бесконечное вранье во всех средствах массовой информации, притупляющее ясность мышления в обществе, служащее только одному — сохранению статус-кво действующего режима.

А ведь тогда, после "переворота" в Политбюро и смещения Хрущева, вроде бы начались какие-то реформы, так называемые "косыгинские". И первые годы правления нового политбюро и обновленного ЦК партии оказались временем стихийно развивавшегося свободомыслия в гораздо больших масштабах, чем при Хрущеве, после XX сезда (Приложение), и всех тех "разоблачений".

Страной долго правил "триумвират" из Брежнева, Косыгина и Подгорного, каждый из которых размышлял, как ему свернуть шею остальным двум. (Иза, познакомившаяся где-то с дочерью Брежнева, как-то рассказала мне о разговоре между ними и как та радостно сообщила, что "мы наконец его сбросили", имея в виду отстранение Подгорного. Обыкновенные пауки в банке).

— 1967–1968 г.г., "Успехи советской власти в Грузии" -

Прошло еще немного времени и оказалось, что мы вступили в год очередного празднования Советской власти — 50-летний юбилей — очень серьезная по тем временам дата. Официально к этому дню, в соответствии с устоявшимися канонами, специальным "Указом" был даже учрежден орден Октябрьской Революции. На "кремлевском канцелярите" это было сформулировано следующим образом — "в ознаменование 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждается орден Октябрьской Революции". Официальная партийная наука в тиши кабинетов "Марксизма-Ленинизма" изобрела еще один "фирман" на историческую память и выдавала его, несмотря на уже многие обнаруженные, невзначай или по недосмотру бдительных "товарищей", документы. Мы уже тогда знали многое, по крайней мере, уже не вызывали удивления материалы о "Великой", не совпадающие с официальной установкой, уже знали, что не было "Октябрьской", что не было и не будет "социализма" и что было это не революцией, а примитивным "военным переворотом".

Власть награждала этим новым орденом самое себя за то, что столько продержалась. Первыми получили орден города Ленинград и Москва, потом РСФСР, а потом Украина. В следующий раз орден достался крейсеру "Аврора". Ну а потом награждение приняло вид массового мероприятия, награждались маршалы и генералы за все свои достижения по случаю какой-либо даты, где присутствовало число "пятьдесят".

Как это всеобщее, всесоюзное "50 — летие" можно было соотнести с датой образования, например, Грузинской Демократической республики в 1918 году, в соответствии с провозглашенными Лениным в 1917 году принципами "советской демократии", сказать трудно. Впрочем, "великий вождь мирового пролетариата" (в те далекие годы таковым был объявлен В. И. Ленин, позже — Сталин) никогда особенно не считался со своими собственными заверениями или принципами. Можно привести несколько документированных сведений об этом времени, целях и задачах Советской власти на Кавказе, крайней неразборчивости этой власти в средствах для достижения главной тогда ее цели — Бакинской нефти.

20 января Кавказский краевой комитет РКП(б) обратился к "трудящимся Грузии, Азербайджана и Армении" с призывом к

вооруженному восстанию. Поводом для такого призыва послужило признание 12 января 1920 года странами Антанты Грузии и Азербайджана де-факто.

15 марта 1920 года Кавказский краевой комитет РКП(б) "от имени всех коммунистических организаций Кавказа и трудящихся масс" обратился к советской России с просьбой помочь им в их борьбе за победу советской власти. А 23 марта на заседании того же комитета РКП(б) было принято решение о провозглашении "Советской власти в Южной Осетии и организации Юго-Осетинского Ревкома". По этому же решению в распоряжение ревкома было передано 100 тысяч рублей. ("Борьба за победу Советской власти в Грузии", Тбилиси, 1958, с. 552).

6 мая 1920 года незаконно провозглашенный Юго-Осетинский ревком принял решение — "объявить советскую власть пока в Рокском районе, закрыть ущелья, обороняясь от врагов трудового народа (т. е. от грузинских правительственных войск, которые должны были укрепить подступы к перевалам, так как с юга наступала Турция)… присоединиться к РСФСР… о чем известить Москву и демократическую Грузию" (Там же, с. 562).

Еще в телеграмме от 17 марта Ленин говорил о необходимости взять Баку и Тифлис. Но к началу мая внешнеполитическое положение Советов осложнилось в результате выступления Польши, в апреле 1920 года польские войска развили своё наступление и вскоре заняли Житомир и Киев. В мае поляки с успехом преодолевали наступательные действия Красной Армии, угрожая Одессе, Минску и Гомелю.

В этих условиях Советской России пришлось пойти на уступки Грузии, и 7 мая 1920 года в Москве особо уполномоченный правительства Грузии Г. И. Уратадзе и заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан подписали договор между Грузией и Россией. По этому договору РСФСР, исходя из права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входили, безоговорочно признавала и добровольно отказывалась "от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к грузинскому народу", обязуясь не вмешиваться во внутренние дела Грузии. Договор имел важное значение для укрепления международного статуса Грузии.

Сразу же после установления шаткого равновесия на Кавказском направлении, сосредоточив свои силы на Западе, Красная Армии добивается успехов на антипольском фронте. В течение июня месяца, освобождены Киев и Житомир, к середине июля войсками Западного фронта освобождена большая часть

"Западного края", современной Белоруссии.

Опьяненные успехами в этих военных операциях, Троцкий, как сторонник идеи о "мировой революции", ставит на голосование вопрос о том, чтобы "через Польшу распахнуть дверь коммунистической революции в Европе". Командующий фронтом Тухачевский издает свой знаменитый приказ: "Вперёд, на Запад! На Варшаву! На Берлин!", в этом же приказе была известная сегодня строка, где говорилось: "На штыках мы принесём трудящемуся человечеству счастье и мир".

Полный провал этой авантюры, окружение Красной армии польскими войсками, взятие в плен около 60 000 солдат и офицеров (половина состава армии), охладили пыл красных вождей. Развивая новое наступление, польская армия перешла границы, оккупировала западную часть Белоруссии и Украины с 15-миллионным населением и Республика Советов была вынуждена подписать мирный договор с Польшей. По этому договору, подписанному в Риге 21 марта 1921 года, Советам пришлось отодвинуть границы до Минска в Беларуси и включить Галицию в состав Польской республики. Пришлось еще и выплатить Польше контрибуцию в размере 30 миллионов золотых рублей.

Но как только положение на западном фронте установилось, воспользовавшись восстанием в осетинском селе, Советская власть вернулась к собственному решению "кавказского вопроса". В 1921 году была направлена директива Ленина командующему войсками 11-ой армии Кавказского фронта Геккеру Анатолию Ильичу "оказать вооруженную помощь грузинским повстанцам, не останавливаясь перед взятием Тифлиса" (Приложение 7, Геккер Анатолий Ильич).

11 армия выполнила указания центра и в течение нескольких месяцев оккупировала почти всю территорию Грузии, вышла к нефтяному Баку и после кровопролитного штурма 1 мая взяла его.

К середине мая 1920 года 11-ая армия установила свой контроль почти над всей территорией Азербайджанской Республики. В результате появилась, по определению Гумилева, "химера". Было сразу же забыто, что закавказские республики образовали и уже несколько лет являлись независимыми суверенными государствами, и что были подписаны Советской Россией соответствующие документы. Новой властью, которая очень торопилась, не были образованы, хотя бы для видимости, советские социалистические республики Грузия, или Азербайджан, а было создано объединение советских республик Азербайджана, Армении и Грузии. С 12 марта 1922 года этот

"тянитолкай" назывался Федеративным Союзом Социалистических Советских Республик (ФСССР), а 30 декабря 1922 года Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой (ЗСФСР) в составе СССР.

Так о каком же праздновании 50-летия Советской власти в Грузии в 1967 году могла идти речь? Такие нестыковки с датами, наверное, омрачали ясность партийного взгляда на историю некоторых "красных профессоров", деятелей Грузинского филиала Института Марксизма-Ленинизма, толкователей "Краткого курса истории партии", пищущих "новейшую историю" в светлых кабинетах монументального здания, похожего на мавзолей и выстроенного тем же архитектором.

Но милые мои, не датой единой…Была бы определена дата "вышестоящими инстанциями", а подходящий "юбилей" всегда найдется. "Пятьдесят, так пятьдесят — "им виднее".

В этот "юбилейный" год выделялись деньги всем республикам для разного рода мероприятий по поводу этого события. Что-то "спускалось" республикам, потом перепадало городам — на благоустройство, озеленение, для приведения в порядок улиц, далее городским структурами, театрам, музеям, разного рода учреждениям для пополнения фондов. Появились в городе "уши Андропова" — нелепое сооружение в качестве трибуны для высших руководителей, внимательно из-под шляп и фуражек присматривающих за парадами трудящихся.

Наш районный ЖЭК привез и сбросил под окнами сосновые саженцы, которые мы все — жильцы нашего дома, с радостью посадили вокруг здания. Все, что росло и зеленело до начала строительства Дигомского массива, было вырублено, заезжено бульдозерами и вытоптано потом рабочими, как на всех стройках Советского Союза. Хорошо, что здесь в Грузии такая земля и климат, что все легко приживалось, росло, пышно зеленело. Через десяток лет маленькие сосенки достигли кронами третьего этажа. Еще через десять лет сосновый лес окружил наши дома, а ветви тех сосен стали касаться окон моей квартиры в Дигомском массиве. А потом эти сосны вырубили при реконструкции дома ("плакала Саша, как лес вырубали…") Думаю, что наши дети если и не плакали, видя эту казнь живых деревьв, то долго помнили эту обиду…

В этот год, как и к предыдущим ленинским датам, присваивались щедрые Ленинские премии за разные "выдающиеся достижения" в области науки, техники и гуманитарной части культуры. В Грузии такого подарка удостоилась группа специалистов, "создавшая и внедрившая в производство первую в мире чаеуборочную машину". Любители круглых дат и еще

более круглых чисел в ЦК КПСС решили, что Грузия должна собирать в ближайшие годы 1 миллион тонн чая. Миллион им, видимо. очень нравился своими нулями, так как для Азербайджана был тоже установлен! миллион тонн, но по сбору винограда. Плакали все чаеводы республики. Качество чая сразу же резко снизилась, а через несколько лет чай, убранный не заботливыми пальчиками грузинских женщин, а этими механическими роботами, стал напоминать цветом и запахом банные веники. Мы стали покупать чай только у "частников", чай домашнего производства.

Я по-прежнему основные работы проводил с коллегами из НИИ-2 в Калинине, набирая постепенно материал для диссертации, часто ездил туда, а еще в Куйбышев на "Прогресс", поставивший на поток изготовление спутников-шпионов серии "Космос", в Казань на оптико-механический, познакомился с работой Абастуманской обсерватории. Мне все было интересно, тематика наших работ заставляла много ездить, объекты моего интереса были разбросаны по многим городам, мне довелось встретиться со многими незаурядными людьми. Вызывало иногда удивительное смирение не только основной "массы трудящихся", но и многих ярких личностей перед обстоятельствами, некое уничижение себя, нежелание оглянуться и увидеть смысл в тех грандиозных трудах, которые они совершали. Для многих из них работа была подвигом их жизни на грани фанатизма. В принципе, не являясь человеком религиозным, но слушая бесконечные разговоры о "духовности русского народа", я усмотрел в этом генетическую потребность "гомо советикуса" в заполнении религиозной пустоты, которую советская власть насадила в своих подданных.

Делал свое дело я добросовестно, тщательно, но думаю не мог бы, как некоторые, проведя годы в застенках Лубянки, в зонах вечной мерзлоты на Колыме, как тетя Нюра, или в Норильске, как дядя Митя, или в медных копях Джезказгана и обжигающих песках Байконура, как Макс, "всю свою жизнь отдать делу служения…". Видимо, у меня не было "большевистской закалки".

Громадная часть генералитета ракетно-космического сектора промышленности претерпела такие муки за тридцатые или сороковые годы, столько лет "повкалывала", в лучшем случае, в "шарашках", а кому-то досталась судьба и похуже, что я так и не смог понять их энтузиазм и бесконечное оправдывание целей своей работы "высшей" государственной необходимостью. Скорее всего, разработанная и отточенная с годами политика властей, управлявших массой по известной технологии "кнута и пряника", да и обычного примитивного страха за свою жизнь или жизнь

своих детей, заставляла эти армии специалистов "ковать щит" родины во имя все той же закостенелой идеи о "победе коммунизма во всем мире".

В 60-е годы уже никому в голову не приходила даже отдаленная мысль о практическом отсутствии у страны "внешнего врага". Все те же люди, все то же Политбюро и ЦК, партийная бюрократия настраивали "трудящиеся массы" на "дальнейшую борьбу" за права народов во всем мире, защиту прав трудящихся, будь то в Африке или Азии, создавая за пределами страны новые режимы, лопающиеся, как мыльные пузыри, при любой несвоевременной оплате их трудов "братской партией".

Мне, слава Богу, здесь в Грузии, не приходилось лукавить с самим собой. Я как бы наблюдал жизнь этой обреченной страны Советов со стороны. Россия была где-то там, "за горами", здесь все было несравненно правильнее, чем "там". Я бы сказал, что здесь сложилась стихийная форма демократии, когда никто никому не мешал реализовывать себя по своему личному усмотрению. Ну, а те эпизодические поездки по России, связанные с командировками, которые бывали достаточно часто, только приводили меня опять к той же мысли — "как мне повезло, что я уехал из Беларуси, все более превращающейся в российскую провинцию". Хотя болело сердце за мой трудолюбивый и незлопамятный народ и никак не доставляло радости все углубляющаяся советизация всех сфер его жизни. Особенно было обидно видеть очевидные результаты усилий Москвы по уничтожению белорусского языка, а значит и нации.

Отдельные эпизоды моих поездок по России можно было бы сделать иллюстрациями к нашей жизни в том времени, но не хочется. Мне жаль было всегда этого послушного и все чего-то ожидающего народа, поэтому говорить правду, рассказывать о том, что я видел, тяжело, а врать и без меня хватает профессиональных кликуш.

Я бы не окрестил страну и тогда "империей зла", и теперь, хотя уже и колеблюсь в очередной раз. Зла в народе не так уж и много, а вот "империей лжи" назвать наше государство можно. Это было всегда основой политики со времен Гоголя и во все последующие времена. Трудно даже понять, отчего так все в этой стране пронизано ложью. Даже без какой-либо необходимости все врут друг другу, себе самим, врут на страницах газет и журналов, по радио и с экранов телевизора. Привычка что ли? Телевизионное вранье вообще превысило все допустимые правила приличия, но никого, по-видимому, это особенно не удивляет.

Для внешнего мира в открытую печать, в эти годы поставлялись такие сведения, что мы уже "догоняли", если не

перегоняли кого-то по уровню производства чего-то…

Как-то мне попали в руки материалы ЦСУ, там можно было найти много интересного — например, что мы действительно обогнали чуть ли не все страны мира по производству цемента, галош и еще какие-то позиции, не помню точно. А жизнь обычного советского человека, среднестатистической единицы, оставалась все такой же убогой, как и в тридцатые годы.

-

Трудности жизни, привычная нищета — все списывалось на военные потери, на "титаническое напряжение всех сил для восстановления народного хозяйства", но за это же время две самые разоренные войнами страны, Германия и Япония, не только встали на ноги, но и стремительно выходили на высочайший уровень по своим достижениям в науке, технике, сельском хозяйстве, производству продуктов питания и ширпотреба.

А я все носил китайские штаны — "х/б", по 12 рублей за штуку. Правда, летом, в августовскую жару, это было спасением в Тбилиси. Но ведь "не штанами едиными…", надо было, мы и джинсы доставали на толкучках в Гродно или Одессы. Или тбилисские "цеховики" выручали ширпотребом, как армянские цеха уже стали заваливать красивой обувью все остальные республики.

Вот еда в Тбилиси была, как и всегда, на высоте, "кусались" только базарные цены. Эта сторона жизни была неизменной веками. Даже при самой разорительной власти, какую насмотрелась Грузия за столетия, "накрыть стол" для гостя было обязанностью каждого хозяина.

Тбилисский базар, вечный базар, не сокрушенный Тамерланом и шахом Аббасом, неистребимый, несмотря на все запреты частного предпринимательства и изъятии земли у крестьян и более крупных владельцев. А ведь Грузии так же, как и России или Беларуси пришлось пережить тяжелейшие времена "раскулачивания" (стр. 116, Приложение, "Раскулачивание"). Но в самом бедном сельском доме на столе всегда были "пури да хвели" — хлеб и сыр, — грузинский вариант русского "хлеб-соль", хотя и слышна разница, — и непременное вино домашней выделки. Я не буду говорить о том, как и чем на столе обычно встречают в Грузии гостей.

Грузинское крестьянство, трудолюбивое и выносливое, работало на город, привозило и выкладывало на прилавки базаров результат своего труда. Благодатная грузинская земля, политая потом и кровью поколений, не оскудевала, а базар был местом, где все вековые усилия землеробов сходились в этом центре вращения городской коммуны. В этом месте, как на витрине, были выставлены напоказ, манили своей доступностью, опустошая кошельки горожанина, плоды земли и солнца, труда и терпения крестьянина.

Тбилисский базар — это симфония, ежедневный праздник,

благоухание специй и ароматы цветов, волны зелени и горы фруктов, пир для глаз, музыка для слуха и наслаждение для обоняния.

Нет, это была другая страна, а не та, что лежала за Главным кавказским хребтом. Та вызывала во мне противоречивые чувства — смесь сострадания и жалости, возмущение приниженностью и высокомерием, простотою на грани нищенства, сквозившем во всех слоях общества, и неприхотливостью обывателя, духовной нищетой люмпена.

И бедность и полуголодная жизнь всей страны за пределами столиц. Чего только стоила, однажды увиденная мной из окна начальства, на заводе "Прогресс" в Куйбышеве, очередь во дворе, длиной в несколько километров около какого-то фургона (по территории завода ездили на машинах). Как мне объяснил кто-то из КБ завода: "это тушенку завезли, в перерыве дают". Я почему-то вспомнил детские впечатления от длинных и унылых очередей перед тюрьмой МГБ, куда мама носила передачи тете Нюре. А завод "Прогресс" был чуть ли не самым главным промышленным предприятием, работающим на космическую оборону страны, со своими, неведомыми другим советским людям, привилегиями, распределителями, профсоюзными подачками и прочими атрибутами советской власти. Но расходы на оборонную и космическую промышленность уже не позволяли повысить уровень жизни этих людей.

Шестидесятые годы заметно отличались ростом самосознания интеллигенции, появлением стихийного демократического движения, которое загоняли в подполье, "на кухни" акциями устрашения, вроде расстрела в Новочеркасске мирной демонстрации рабочих, возмутившихся резким повышением цен на мясо и молоко и лживыми газетными версиями о необходимости этой акции, как ответа на "просьбы трудящихся". Да еще подогрели тогда недовольство рабочих холуи из дирекции Новочеркасского завода, и как все партийные функционеры среднего звена, всегда точно реагирующие на настроения в высших партийных сферах, они срезали своим рабочим почти на треть трудовые расценки. И хотя все, что происходило не по схемам партократии, тщательно замалчивалось, такие инциденты скрыть было очень трудно

Мы охотно в институте встречали разномастных диссидентов из Москвы или Питера, приезжавших к нам "отогреться": "подлинных марксистов-ленинцев", "христианских демократов", либералов разного толка, горячо споривших, в основном друг с другом, о демократических принципах управления страной, об общественной и государственной собственности, о формах

социального устройства. Спорили и мы с ними, но более для поддержания уровня спора, как бы со стороны наблюдая за этим движением, сочувствуя, но не делая широко идущих выводов. Хотя претензии этих людей, особенно трактовка некоторыми из них особой роли, даже "миссии", нищей, обездоленной и обескровленной России в будущем развитии мира, выглядела более чем наивно.

А тут еще наступил 1968 год, и трагические чехословацкие события этого года заслонили своей черной пеленой все надежды на смягчение режима. Сошлюсь только на отфильтрованную для широкого круга читателей почти правду об этих событиях.

Советская власть уже в четвертый раз за двадцать с небольшим послевоенных лет "бряцала оружием" — вводила войска, танки, завозила ракеты "союзникам" вроде Фиделя Кастро, отправляла самолеты и танки, то на борьбу с Израилем, то в Африку, тайно, в ночи, готовила военные операции "в связи с просьбами трудящихся…" или "в ответ на наглые происки…" (далее, как у Ильфа и Петрва).

Восстание в Берлине 1953 года, ввод войск в Венгрию в 1958 году, Карибские события 1962 года — результаты политики руководства страной. Эти многочисленные внешние и долго созревающие внутренние конфликты ничему не учили бронзовеющих на трибуне мавзолея Ленина старцев из Политбюро. Извилин у руководства страной не прибавлялось, за "железным занавесом" ничего не было видно, несколько сотен "глушилок", не позволяющих слушать зарубежное радио, были установлены во всех более или менее крупных городах страны, — на этот, так называемый "джаз НКВД", тратились сотни миллионов долларов.

Генетический страх, впрыснутый "большим террором" тридцатых годов в кровь населения, и гибель цвета нации, приводил скорее к апатии, чем к подъему активности народной массы в России. Окраины, вроде среднеазиатскаих республик, вообще перешли на "байский социализм", где власть передавалась и сберегалась каждым дорвавшимся к управлению семейным кланом, рядившимся в ретивых сторонников советского образа жизни, и заменявших демократические принципы управления абсолютной диктатурой.

Весной 1968 года пришла в политическое движение Чехословакия, студенты Пражского университета вышли на улицы, требуя демократических свобод, к студентам примкнули рабочие, поддерживающие новое руководство партией, только что избранного первым секретарем партии Александра Дубчека. Дубчек выдвинул тезис о создании "социализма с человеческим

лицом".

Чтобы не быть обвиненным в пристрастии, я позволю себе далее процитировать с небольшими купюрами отдельные события того времени из публикации некоего анонимного советолога на страницах самого, по-моему мнению, махрового, шовинистического портала в Интернете — "Русская цивилизация":

"Весной 1968 года в благополучной с виду Чехословакии разразился острейший политический кризис. В Праге, Братиславе, других городах Чехословакии начались беспорядки, погромы, нападения на полицию. В ту весну бурлил Пражский университет, студенты вышли на улицы с антисоветскими лозунгами"…

В мае на Старомястской площади в Праге состоялся митинг, в котором приняло участие несколько сот тысяч пражан. Главным лозунгом митинга было "изъять из Конституции ЧССР положение о руководящей роли Коммунистической партии".

" В западных военных округах войска спешно приводились в состояние повышенной боевой готовности. Получив директиву Генштаба о проведении операции "Дунай", солдаты, офицеры и сверхсрочники, отмобилизованные в военные городки, стали готовиться к маршу в районы сосредоточения на территории ГДР и Чехословакии. В короткий срок в западных военных округах СССР было отмобилизовано и поставлено под ружье около 3 миллионов человек. В боевую готовность были приведены и войска стран Варшавского Договора"…

"Накануне ввода войск в Прагу и Брно приехали офицеры ВДВ и военно-транспортной авиации, переодетые в форму гражданских летчиков СССР. Они в короткие сроки провели разведку объектов и благополучно вернулись"…

"12 мая передовые части армии генерала А. М. Майорова вышли в район государственной границы ЧССР, а рано утром 18 июля ее перешла оперативная группа полевого управления армии Прикарпатского ВО.

В ночь на 23 июня советские войска сосредоточились в учебном центре Либава, в 400 км от госграницы с СССР, Вызванный сюда командующий армией генерал А. М. Майоров получил задание на командно-штабное учение (кодовое название "Шумава"), которые продолжались почти до конца июля".

Несмотря на протест чехословацкого руководства учения были все же завершены, однако отвод союзных войск, и прежде всего советских, из района их проведения задержали до 24 июля.

11 августа начались новые крупные учения войск ПВО под кодовым названием "Небесный щит" и учения войск связи на территории Западной Украины, Польши и ГДР.

" В целом учения войск стран Варшавского Договора были

использованы в качестве политического и психологического воздействия на руководителей ЧССР. Кроме того, они позволили скрыть признаки готовившегося вступления на территорию Чехословакии. Окончательное решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС 16 августа и одобрено на совещании руководителей стран Варшавского Договора в Москве 18 августа. Одним из решающих факторов выбора времени вторжения стала назначенная на 9 сентября 1968 г. дата проведения съезда КПЧ, где, по прогнозам, в чехословацком руководстве должны были победить "реформаторы".

" К 20 августа была готова группировка войск, первый эшелон которой насчитывал до 250 тысяч, а общее количество — до 500 тысяч человек, около 5 тысяч танков и бронетранспортеров. Советские войска были представлены в них соединениями и частями 1-й гвардейской танковой, 20-й гвардейской общевойсковой, 16-й воздушной армиями (ГСВГ), 11 — и гвардейской общевойсковой армией (БВО), 13-й и 38-й общевойсковыми армиями (ПрикВО) и 14-й воздушной армией (ОдВО)".

"Утром 20 августа 1968 г. офицерам был зачитан секретный приказ о формировании главного командования "Дунай". Главкомом был назначен генерал армии И. Г. Павловский, чья ставка была развернута в южной части Польши. Ему подчинялись

оба фронта (Центральный и Прикарпатский) и оперативная группа "Балатон", а также две гвардейские воздушно-десантные дивизии.

В ночь на 21 августа войска СССР, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии с четырех направлений в двадцати пунктах от Цвикова до Немецка в режиме радиомолчания пересекли чехословацкую границу.

Одновременно с вводом сухопутных войск на аэродромы Чехии и Словакии с территории СССР были переброшены контингенты ВДВ"…

"Среди населения, главным образом в Праге, Братиславе и других крупных городах, проявлялось недовольство происходящим. Протест общественности выражался в сооружении баррикад на пути продвижения танковых колонн, действиях подпольных радиостанций, распространении листовок и обращений к чехословацкому населению и военнослужащим стран-союзниц. В отдельных случаях имели место вооруженные нападения на военнослужащих введенного в ЧССР контингента войск, забрасывание танков и прочей бронетехники бутылками

с горючей смесью, попытки вывести из строя средства связи и транспорт, уничтожение памятников советским воинам в городах и селах Чехословакии"….

"21 августа группа стран (США, Англия, Франция, Канада, Дания и Парагвай) выступила в Совете Безопасности ООН с требованием вынести "чехословацкий вопрос" на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, добиваясь решения о немедленном выводе войск стран Варшавского Договора. Представители Венгрии и СССР проголосовали против. С осуждением военного вмешательства пяти государств выступили правительства стран социалистической ориентации — Югославии, Албании, Румынии, Китая.

В феврале 1990 г. было подписано соглашение о полном выводе из Чехословакии советских войск, который завершился в конце июня 1991 года".(полный текст в Приложении 7, " Ввод советских войск и войск стран ОВД в Чехословакию").

Цинизм, с которым было совершено злодеяние против маленького народа, до сих пор при чтении этих строк вызывает только брезгливость.

Можно было бы не поминать эти события давнего времени, но у меня до сих пор в памяти стоят те дни, та подавленность и уныние в нашем институте, почти могильная тишина в коридорах и взрывы бессильного протеста в "закрытых" лабораториях.

Разгром Советским Союзом "Пражской весны" сопровождался торжеством властей по поводу окончательного "замораживания оттепели". И в Тбилиси и в Минске отношение к этим событиям среди интеллигенции, исчезающей даже на периферии, среди моих знакомых, сверстников, людей "моего круга", было идентичным. Только "истовые ленинцы", в основном, те кто делали себе карьеру и продвигались или думали, что продвигаются наверх, после выражения полной лояльности партийным верхам, только "примкнувшие" и плотной толпой окружившие пъедестал руководства, допущенные к "кормушке", высказывали "полный одобрямс". Мне пришлось разругаться даже с одним моим близким родственником по этому поводу, но он собирался в заграничную командировку, ему надо было пройти "парткомиссию" и получить заветную характеристику, подписанную "тройкой". Я все понял и через год его простил.

Те немногочисленные акты протеста, связанные, например, с "делом Галанского и др.", которые состоялись в протестной среде, не имели своего освещения в прессе, тщательно замалчивались или, как в случае с акциями в Новосибирске и Академгородке под лозунгами "Свободу социалистической

Чехословакии!", получали в газетах "должное осуждение общественности".

Многих студентов, участников таких акций, тогда отчислили из университетов, институтов. Но, как обычно на Руси, "народ безмолвствовал…".

В Москве 25 августа на Красной площади восемь человек выступили с протестом против ввода войск в Прагу, в руках они держали плакаты — "За нашу и вашу свободу", "Долой оккупантов". За пять минут протеста, большего им не дали сделать наши славные "органы", участники получили тюремные сроки от 3 до 5 лет.

Среди них был Вадим Делоне — потомок последнего коменданта Бастилии и бывший студент Новосибирского университета. Воистину — "Неисповедимы пути господни!".

Наступало время застоя, о котором сейчас вспоминают в радужных цветах, а в то время сворачивалось даже робкое движение в сторону демократии, душилось любое проявления инакомыслия. Советская власть изобрела "новое слово" в борьбе с неугодными ей — психушки и уголовные процессы, до которых не додумались даже такие "столпы советского правосудия", как "Ягуарыч" Вышинский. Искусство стало уходить в подвалы, а острые политические вопросы обсуждались на кухнях.

Генерал-майор, начальник кафедры военной кибернетики Военной академии имени М. В. Фрунзе, Петр Григорьевич Григоренко шесть лет провел в психбольницах на принудительном "лечении" за свои убеждения, с диагнозом "паранойя с наличием идей реформаторства". В результате его искренней и честной позиции ему пришлось после всех отсидок, допросов, лагерей и "психушек", после всех его мытарств покинуть родину. Зато появилась правдивая книга "В подполье можно встретить только крыс". Книга об армии, ее "успехах на Дальнем востоке", готовности родины к "Великой отечественной", о правящей в СССР партийной бюрократии, преследующей корыстные интересы. Он называл этот новый номенклатурный класс "крысиной напастью". И определил задачи защитников прав человека в СССР — бороться с этой напастью, мешающей народу строить коммунизм. За что и подвергся всем мыслимым и немыслимым формам уничтожения личности, разработанным в СССР за долгие годы "большевизма".

С обращения к Советской власти — "Соблюдайте собственные законы!" — поэта и математика Есенина-Вольпина, немного уже знакомого нам по предыдущим главам, начинается движение за права человека в СССР, диссидентское движение.

Газетное — "будущее принадлежит коммунизму", "труженики

орденоносного совхоза "Горки-2" целиком и полностью поддерживают внутреннюю и внешнюю политику родной ленинской партии", перемежается с "усиливается недоверие к фунту стерлингов и доллару". Ни фунтов, ни долларов в стране еще пока и в глаза не видели.

В этот же год отмечается 100-летие Максима Горького, а 7 марта публикуется — " трагически погиб первый космонавт Юрий Гагарин". Тайна его гибели до сих пор до конца не разгадана.

В то же время арестовывают правозащитников Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашкову только за то, что они опубликовали материалы суда над писателями Даниелем и Синявским. Но как и все остальные и этот год подошел к концу.

Отношение к Советской власти в Грузии уже давно приняло характер прагматический, население выработало принципы, позволяющие "сосуществовать" с этой властью, а московское руководство всей страной закрывало глаза на многие вольности республики. Партийный функционеры, как правило, не вмешивались в жизнь населения. В нашем институте членов партии было "раз-два и обчелся" и они никак не проявляли своего рвения в общих делах. Меня попытались затянуть в партию, так как я был уже "без пяти минут" завлаб. Я сделал формальную попытку получить какие-то характеристики по комсомольской линии из Минска, мне сделали выписку из архива, и на этом все благополучно окончилось. Более меня и не трогали. В следующий раз, примерно, через десять лет, мне уже не удалось отвертеться.

— 1969 год, я остаюсь один, почти один -

"…ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный…"(Книга Песни Песней Соломона, 8).

Может быть тогда, в праистории так и было. Только ревность переживает и саму любовь. Ревность еще осталась, а любви уже нет, и до смерти еще далече…

Как это происходит, куда все исчезает, кто прав, кто виноват — от века нет на эти вопросы простых ответов. А в один обычный день он, она, или они, проснувшись утром, обнаруживают, что в доме живет совершенно посторонний человек. Даже такое создается у них впечатление, что этот человек и не знаком им (ему, ей).

И если любовь, как определяют ее некоторые философствующие прозаики, есть форма смерти, а умудренная любовным опытом, французская нация считает экстаз любви "маленькой смертью", то и поэты до сих пор продолжают рифмовать "любовь и кровь", а прозаики рядом с любовью всегда находят смерть. Даже первая книга человечества

"Ветхий завет" может сравнить ее только со смертью — "ибо крепка, как смерть любовь". Остается только дивиться, что человечество до сих пор живо. А оно живет, живет человечество, радуется: и по пустякам, вроде появления нового вида жвачки, и по более крупным событиям, как победе "Спартака" в чемпионате СССР.

Конечно, в общечеловеческой, суммарной радости остается неизменным "закон сохранения" радостей и печалей — кто-то радуется, а кто-то огорчается, кто-то бедствует, а иной достигает высших ступеней богатства, не обязательно при этом оставаясь счастливым… В этот год почти все человечество (кроме России) радовалось и гордилось посещением Луны человеком, зато уж несомненно все восхищались балетом Большого театра или китайским цирком.

А что до моих переживаний по поводу утраченной любви, то как это можно было сопоставить с трагедиями общечеловеческих катастроф, время от времени напоминающих человеку о бренности земного. Я усиленно занимался уже целый год иогой под руководством коллеги по институту, Сергея Ивановича Думбадзе, так что управлять своими эмоциями иногда удавалось.

"Всему свое время…время обнимать, и время уклоняться от

объятий; время искать, и время терять;…Время любить и время ненавидеть… " (Книга Екклесиаста или проповедника, 3).

Вот и пришло это время и я как — то не заметил, что мы с Изой, как после "большого взрыва", разлетаемся двумя галактиками во Вселенной. У каждого из нас свой мир, заполненный до краев делом, свои интересы и пристрастия, свой круг друзей, и эти круги даже не соприкасаются друг с другом. И в этих удаляющихся друг от друга мирах, мы уже не видим и не слышим друг друга.

Я догадывался и ранее, что моя любовь, как и все другие, обречена, что она не может длиться вечно, но когда этот час приходит, то надолго создается ощущение пустоты и конца существования. Нужно время, нужна поглощающая это время работа, нужны события, а если их нет, то приходиться создавать искусственно.

Не знаю, как это у других бывает, но для меня, а я не любитель сцен, главное было не вовлечь в это стремительное расхождение, в эту образующуюся с каждым следующим днем пустоту, свою дочь. До сих пор не знаю — удалось ли мне это. Но Ия осталась в моей жизни, и тогда, и позже и до сих пор, — я ее не потерял. С детьми не расходятся, если они твои, а как быть далее, что делать в подобных ситуациях — нет единого рецепта.

Итак, со своим "командировочным" портфелем, в котором были, главным образом, необходимые для проживания в советской стране справки и документы, я вышел из дома, и не возвращался туда даже за необходимыми мне вещами несколько месяцев.

Квартиру, в которой никто не жил годами, в старом доме на Плеханова, мне отдал на неопределенное время мой давний приятель, мой товарищ по туристским походам в горы, мой бывший сосед — Алик Маловичко. Я опять вернулся в свой район города, к началу своей тбилисской жизни. Все повторялось…

Все же и осталось со мной — и работа, и друзья, и многочисленные родственники, и моя дочь, хотя мне ее больше всего и не хватало в повседневности, в моем новом состоянии, и даже женщины, которые появлялись и исчезали, подтверждая мое мнение о них, как о "переменной составляющей" уравнения жизни. Ну, допустим, квартира была чужая, зато гораздо большая, чем у меня в Дигоми. Это была старая квартира, со старинной мебелью, владельцам таких квартир я всегда немного завидовал.

У нас в Минске, у всей нашей семьи, после всех военных злоключений, из старой "обстановки" остались только швейная машина "Зингер", зарытая тётей Нюрой в земляной яме в Орше, и уцелевшая под бомбежкой, ножницы моей прабабушки

и эмалированный чайник, который я уносил в толпе беженцев по московскому шоссе при наступлении немцев на Минск.

В тбилисских семьях сохранилось много из прошлого, из жизни их прародителей. В старых домах витал крепко настоенный дух поколений — в мебели, в альбомах с даггеротипами, в старинных инструментах и даже одежды, извлекавшейся в разных случаях из окованных медью сундуков. Из поколения в поколения передавались и рецепты домашней кухни. Дома хранили быт, который мне не был знаком, но был очень интересен. Вот и мне довелось пожить в таком доме. Я начал собирать коллекцию русских самоваров и грузинских "ханжалов" (кинжал — груз.) и очень скоро нашел и отреставрировал несколько "Баташевских" латунных красавцев с медалями, произведенных в середине X1X столетия.

Жизнь продолжалась, появилось новое ощущение свободы или вольности, забытое состояние души своей молодости, вернувшейся вдруг. Опять я стал писать стихи, к которым никогда не относился серьезно и воспринимал их, как насморк, который можно лечить, но который и сам проходит. Как-то заполнилась и пустота, рядом была уже другая женщина, ("подобное — подобным"), все образовывалось, коллекция самоваров росла..

А ближе к зиме взял свою Ию, Георгия, приемного сына Алика, которого по моему мнению неправильно кормили, и поехал в любимое место — высокогорный курорт Бакуриани, снившийся мне с детских лет после фильма "Серенада солнечной долины". На "кукушке" из Боржоми, а потом на санях, мы и добрались до гостиницы.

Я катался на лыжах, сына Алика спускал с горок на санях, а Ия, как Сони Хейни из моего любимого с детства фильма "Серенада солнечной долины", удивляла зрителей своими пируэтами на маленьком катке около парка. Немного погодя приехали и мои друзья — родители Георгия Барамидзе, которому дали имя и фамилию скончавшегося деда.

Маленький Георгий, который ничего не ел дома, к этому времени уже справлялся за день с банкой сгущенного молока. Ия всегда отличалась отменным аппетитом, с ней не было подобных проблем. Впрочем, с ней и других проблем никогда не было. Мы ей доверяли с шестилетнего возраста, когда в первый раз я посадил ее одну в самолет на рейс "Тбилиси-Минск", и она, прилетев в Минск, и не увидев встречавшую ее бабушку, — та затерялась в толпе, — села в такси и приехала к ней домой, что называется, "не моргнув глазом", по записанному на бумажке адресу.

— 1970 год, Казбек, "космический взлет" -

Видимо, каждое желание, особенно сильное, хотя бы и подспудное, должно вызреть в глубине сознания, вылежаться, облечься в ясные одежды, получить более строгую форму и притаившись, ждать благоприятного стечения обстоятельств, которые, как известно, выше нас, с чем я не вполне согласен, так как считаю, что выше нас только небеса. Но я ждал именно этого стечения обстоятельств уже более десяти лет.

Еще один "юбилей всесоюзного значения" надвигался на страну, захватывая по пути все ступени советского иерархического общества — празднование 100-летнего юбилея со дня рождения Ленина. Опять выделялись средства для того, чтобы "достойно встретить знаменательную дату". "В ознаменование", мы "все, как один", должны были, и так далее… Видимо, перепало немного и городскому альпинистскому клубу и его функционеры в ответ на "заботу партии и правительства" придумали, как красиво потратить эти деньги — "ударить по бездорожью…." массовым восхождением на вершину Казбека. Я сегодня не могу точно вспомнить руководителей и организаторов этого восхождения, кажется, одним из них был Заслуженный тренер СССР по альпинизму Георгий Кандинашвили.

Да, в сущности, какая разница в честь чего залезть на Казбек. Это же сбывалась давняя моя мечта — "голубая мечта идиота", по образному выражению Ильфа, — одолеть "пятитысячник", с которым были связаны еще и такие красивые легенды. Я уже имел некоторый предварительный опыт длительных походов в горах, знал, как мой организм ведет себя при больших нагрузках на высоте, правда, пока не подымался выше 3800 метров, находился в превосходной физической форме, был относительно свободен, хотя неожиданно для себя женился. Покорение Казбека стало бы красивым украшением этого удачного во всех отношениях года.

Итак, в начале июля меня завел в городской альпийский клуб все тот же Алик Маловичко, и меня включили в состав группы восхождения, в юбилейную "Академиаду". Так, по крайней мере, записано в выданном мне позже документе. Может быть, Академия наук тоже выделяла по своим профсоюзным или другим каналам финансы для этого "юбилейного" мероприятия.

Я взял отпуск и в середине июля в составе тбилисских

участников восхождения прибыл для акклиматизации в подготовительный лагерь на плато "Саберце", на высоте около трех километров поблизости от знаменитой "Цминда-Самеба", монастыря Святой троицы. Сам же храм, выстроенный в X111 веке на округлом, глубокого изумрудного цвета, травянистом холме, расположен на высоте немногим более двух тысяч метров, но видеть его мы могли только с некоторых точек плато, "с высоты полета орла".

Когда я добрался до лагеря, оказалось, что "Академиада" имеет международный статус, что в составе нашей группы восхождения около пятидесяти человек, есть команда из Болгарии, есть из Польши и приехало несколько американцев.

Через пять дней акклиматизации и тренировок, когда мы под руководством инструкторов освоили, по их мнению, способы передвижения по скалам, осыпям, научились правилам страховки, освоили технику перехода через трещины и скальные участки, в ясное и солнечное утро, 27 июля, мы всей нашей группой выступили в поход по маршруту восхождения через Чхерское ущелье.

К вершине Казбека поднимаются, в зависимости от сложности, по трем маршрутам. Массовые восхождения, когда в составе экспедиции всегда есть слабо подготовленные люди, совершаются с южных склонов через метеостанцию, по Гергетскому леднику, оставляя на траверсе, "слева по курсу", гору Спартак.

Этот путь впервые проделали более ста лет тому назад (в 1868 году) члены Альпийского клуба Великобритании во главе с Дугласом Фрешфильдом, опытным, несмотря на свои 23 года, альпинистом из Оксфорда, имеющего уже ряд восхождений в Альпах. Маршрут восхождения был разработан ими на основе первой "пятивёрстной" карты Кавказа, которую показал им Кутаисский губернатор, князь Левашов. Добравшись до Тифлиса, участники будущего восхождения смогли обсудить технические условия похода с автором этой карты, руководителем топографического ведомства Российской армии, генерал-лейтенантом Иозефом Хадзько., который предоставил в распоряжение гостей свои материалы.

Мы — рядовые участники восхождения, с дневным запасом еды, кошками, мазью против "ультрафиолета" и другой мелочью, а "столпы экспедиции", с необходимой для преодоления трещин или скальных участков техникой, и рацией в рюкзаках, уходили тропой вверх по склону травянистого гребня Квемо-мта к перевалу Гергети, к Гергетскому леднику, через верхнюю часть ущелья реки Чхери.

С гребня были хорошо видны Казбек и скальное кольцо его бокового кратера. Неужели это и есть Чертовы Скалы, место где был прикован Амирани? Грозно темнел массив скал между ледниками Гергетским и Абано, в котором находились знаменитые пещеры Бетлемского (Вифлеемского) монастыря.

Еще часа через два хода, постепенно набирая высоту, мы вышли к опасному, так предупреждали проводники, осыпающемуся склону большой крутизны. В полуденное время этот участок считается опасным для прохождения, но мы прошли этот участок гораздо раньше предполагаемого камнепада, солнце в эти ранние утренние часы лишь только скользило по крутым откосам и все было спокойно.

До Гергетского ледника по Чхерскому ущелью надо было пройти еще несколько километров и выйти на Кесисский перевал. Мы пересекли ледник в нижней его части, и по морене, через два часа подошли к метеостанции, расположенной на скальном основании. Мы уже поднялись на высоту около трех с половиной километров и вот, около двух часов пополудни, наконец, подошли к подтаивавшему на солнце грязно-серому языку ледника Гергети, самого большого в районе Казбека, длиной более 8 км, наползающего на здание метеостанции.

Место мне показалось мрачным, здесь, в метеостанции, на высоте 3700 метров, была запланирована стоянка, чтобы подогнать после нескольких часов хода амуницию, поесть и отдохнуть перед длительным, многочасовым восхождением. Мы

расположились в здании метеостанции на отдых до 2-х часов ночи. Около трех часов ночи мы должны были выйти на заключительный этап в покорении Казбека.

Времени было много, самым нетерпеливым инструкторы предложили дополнительно "потренироваться" на подъеме к скальной пещере бывшего монастыря Бетлеми (Вифлеемский монастырь), к высоте около четырех тысяч метров.

От места своего лагеря, с плато, где пять дней шла подготовка к восхождению и где проходила акклиматизация, мы поднялись уже более чем на тысячу метров. Это уже было серьезной дополнительной нагрузкой, поэтому желающих было мало, так что решили оставить эту затею, хотя таинственная пещера на такой высоте манила. Кто-то из грузинских альпинистов, участников восхождения в группе Тбилисского университета, вспомнил и продекламировал для нас строки из поэмы "Отшельник" Ильи Чавчавадзе, а может быть, специально выучил к этому восхождению:

Пещеру вырубил монах…
Досель зовется "Вифлеемом"
Затвор, иссеченный во льдах.
Гора кончается откосом
И образует узкий грот.
Гнездом орлиным над утесом
Чернеет издали проход.
И грозно лязгая над бездной,
Лишь цепь ведет к подножью льда,
И только цепью той железной
Подняться сможете туда".

Железной цепи "у подножья льда" уже давно не было, и подняться туда было действительно нелегко, мы это сразу оценили. На этот подъем (и спуск) пришлось бы затратить не один час, так что решили оставить эту затею, хотя таинственная пещера на такой высоте манила. Но надо было хорошенько отдохнуть перед утомительной трассой, и было еще одно соображение, связанное с "байками" о горной болезни. У меня такого опыта пока не было, хотя здесь, на этой высоте, самочувствие было прекрасное, даже немного приподнятое, как после нескольких чашек крепкого кофе.

Вернувшись в здание метеостанции, мы основательно подкрепились, я лег в первой же подвернувшейся комнате прямо на пол, не раздеваясь, на свободное место, подстелив спальный мешок, и попытался немного подремать. До подъема можно было

выспаться, но сон не шел. С наступлением темноты становилось холодно даже внутри помещения.

Я лежал в темноте, электрическое освещение отсутствовало, нарастало плохо понятное нервное возбуждение, захотелось выйти, выбраться из довольно грязноватой комнаты, уже заполненной лежащими на полу в разных позах участниками похода. Мое состояние напомнило мне "предстартовый мандраж", с которым за долгие годы в соревновательных марафонах научился справляться. Но было еще и радостно, что сбывалась моя старая, десятилетней давности, мечта о Казбеке, о "Скалах дракона", о месте, где "прикован Амирани". Все это увидеть самому — это "вам не хурма", как говорят в Тбилиси.

К полуночи стало ясно, что отлеживать бока более не имеет смысла. Видимо, и у других было похожее состояние, все зашевелились задолго до старта, глотнули — кто чашку чая, кто кофе из термоса, распределились "по связкам" по четыре человека, и выступили, как и было предусмотрено планом, ровно в 3 часа ночи, посвечивая на дорогу фонарями. Шли медленно и осторожно, грузинские проводники-альпинисты знали свое дело, хорошо ориентировались, и через час-другой, когда уже стало светать и чернота звездного неба стала по краю подкрашиваться пурпуром, прямо перед нами появилась темно-красная, круглая, сахарная голова горы Спартак, верхняя точка которой была только на 500 метров ниже вершины Казбека.

Мы совсем замедлили ход — зрелище было необыкновенное, так как купол Спартака стал на глазах менять свой цвет, как сталь, которую подвергают огню, являет взору непосвященного свои "цвета побежалости". Еще немного времени и осторожного движения в связках, и наша дорога по леднику заискрилась в местах свободных от снега разноцветными искрами, солнечные лучи, отраженные на изломах трещин стали слепить глаза через темные очки всеми цветами радуги.

Мы шли и шли, медленно, ровно, становилось все больше и больше света, вверх уходили склоны голубеющего льда, покрытые в отдельных местах слоем фирнового снега. Глубокие расселины во льду светились в глубине фиолетовым огнем, как газовые горелки.

Но мы шли и шли по Гергетскому леднику, растянувшись цепочкой на сотню метров, подбираясь к своей цели, останавливаясь на короткие передышки, все ближе и ближе к месту последнего "броска" на вершину.

Последняя смена направления нашего движения, "на север", к седловине Казбекского перевала между горой Спартак

и суровым западным гребнем Казбека, преодолев который, мы остановились на часовый перевал. Погода радовала своим спокойствием, отсутствием ветра и прозрачностью воздуха, все виделось, как будто через увеличительное стекло, две башенки Казбека выступали из подо льда и снега, и казалось до них "рукой подать". Проводники объявили о том, что "остается всего лишь часов 5–6 хода", а уже было трудно идти со своим привычным ритмом дыхания горожанина из долины, высота еще далеко, до нее четыре километра — надо было как-то перестроиться, приспособиться к другой частоте вдохов и выдохов.

Отдых закончен, шоколад съеден, и мы спускаемся с перевала по снежному, ледовому склону. Новость для новичка — "бергшрунд" (глубокая трещина), проводники показывают, как его преодолевать. Дальше еще множество трещин, но узких, в глубину рекомендовано не заглядывать. Каждый час — обязательная остановка. Солнце высоко и белая скатерть фирнового снега словно окружает тебя со всех сторон, начинает постукивать в ушах собственный пульс.

Бескрайние, так мне видится, снежные поля ледника полностью покрывают южные отроги гребня, спускающегося от вершины Спартак к изломам горы Орцвери. Изредка из ледникового поля торчат выходы скальных гребней, движение цепи все замедляется. Мы выходим по плато между конусом горы Спартак и Казбеком. Не все справляются с дыханием, время от времени возникают остановки, и вся цепь вынужденно замирает. Еще несколько передышек для того, чтобы выровнять дыхание, но мы уже близко, на километровом подъеме к вершинам Казбека. Белая крутизна нарастает, словно опрокидывается на тебя, или хочет опрокинуть, сбросить согнувшиеся на подъеме фигурки вниз. Мы, как муравьи, попавшие в песчаную яму, карабкаемся по снежному склону исполина-кулуара между вершинами. Если здесь и прикован Амирани, ему никогда не выбраться из подземелья, как нам не преодолеть этот склон.

Снежный наст проваливается под ногами, снеговые пласты уезжают из под ног при каждом новом шаге, съезжают по склону, ускоряются внизу и, наконец, рассыпаются. Перестаешь думать о товарищах, вообще перестаешь размышлять, уже не пульс, а все сердце стучит в голове. "Пепел Клааса…", шаг, "пепел Клааса…" еще несколько шагов. Что это ко мне привязались эти строки? Связки рассредоточены на расстояния в несколько десятков метров, чтобы не зацепить одной другую при падении.

Начинается решающий штурм по крутому подъему с фирновым снегом, ледяными выходами из под него, приходится пустить в ход ледорубы для ступеней в натечном льду. В связке,

конечно, не такой безнадежной кажется наша затея. Мы помогаем друг другу.

Еще несколько самых трудных часов, последние минуты длятся вечно, время остановилось. Я, как в замедленной съемке, буквально, переваливаюсь, как утопающий, через борт спасательной шлюпки, с последней ступени этой лестницы в небо, на самую верхнюю площадку, на стол горы. Еще немного усилий, я поднимаюсь сначала на четвереньки, потом встаю деревенеющей ногой на этот ледяной пятачок Казбека между его зубцами. Вот она — давняя цель моего движения вверх.

Меня подташнивает, я валюсь на снег или лед, мне уже все равно, и проваливаюсь в черную пропасть без памяти. Это меня настигла классическая "горная болезнь", гипоксия, с тошнотой, рвотой, резко возникшей головной болью и потерей интереса к дальнейшему действию. Видимо, так себя чувствуют в космосе впервые попавшие на орбиту космонавты.

Пока я спал, как в обмороке, подтянулись к часу дня и все остальные. Самое обидное было в том, что когда я открыл глаза, на вершину присело облако, и всяческая видимость исчезла. Несколько человек полезли на зубцы, возвышающиеся над ледовой площадкой горного великана. Я лежа, приподнявшись на локте, безучастно смотрел на их молодецкие выходки.

Было сыро, муторно и не интересно — не было видно не только Главного Кавказского хребта со всеми его вершинами, но и вообще ничего остального не было видно. Туман, серость, влага оседала на ресницы, брови, было холодно и не по себе. А уже надо было спускаться. Я с отвращением отвязал от ботинок ненавистные кошки и положил их в рюкзак, — уж вниз как-нибудь скачусь, — как — было безразлично.

Как только начался общий спуск, буквально через десяток минут движения и сотню метров спуска, я себя почувствовал другим человеком. Я отвязался от партнера по связке. Снова ослепительно засияло солнце прямо над нами. Голова прояснилась, захотелось есть, я вспомнил свое детское дворовое умение кататься на коньках с ледяных горок, зажал ледоруб между ног и за несколько минут съехал на ботинках метров на триста-четыреста вниз по заснеженному ледниковому полю, притормаживая ледорубом, гася скорость спуска. Из под каблуков разлетались ледяные искры. Далеко опередив всю команду, я остановился и стал ждать, радостно глотая воздух, которого все еще заметно нехватало.

Вернулась радость достигнутой цели и сознание того, что заветная мечта осуществилась, и хотя я понимал, что нарушил какие-то правила, мне было весело, все смешило меня и радовало

своей чистотой и светом. Усталость улетучилась, было приятное состояние легкого опьянения. Я спускался с заоблачной выси, я побывал в стратосфере, я находился в космосе. Меня, казалось, ожидали внизу восхищенные моим подвигом неведомые мне поклонники и поклонницы.

Через полчаса и эта радость исчезла — "пятитысячники" мне не казались больше привлекательной целью, и эти минуты, когда все уже было позади, показались лучшими во всей альпинистской эпопее.

Мы шли от метеостанции на вершину Казбека около десяти часов, а назад проделали тот же путь часа за два или три, не более, точно не помню. Спустились вниз очень быстро и кроме небольшого приключения в зоне известного нашим проводникам камнепада, вспомнить было бы и не о чем. А тут, в пути мимо опасной осыпи, для разнообразия, а может быть, для моего посвящения в альпинисты, разбуженный нашим шумом, Амирани мне на прощание послал привет, и пришлось мне укрываться, чуть отпрыгнув с тропы в сторону, и пролежать несколько минут за громадным валуном, чтобы не попасть под такой же. Может быть, так как я не раз вспоминал закованного в цепи героя, он стал икать в подземелье или невзначай чихнул. Кусок скалы, величиной с микроавтобус, с грохотом сорвался с гребня, пронесся надо мной, как реактивный самолет, рассыпаясь на отдельные фрагменты, и полетел дальше в ущелье. Камнепад быстро окончился и мы, те кто пережидали за укрытиями, пошли дальше.

Не останавливаясь в метеостанции, делая короткие привалы, мы стали спускаться к разбитому на нижнем плато лагерю, где ждала нас настоящая еда, вино и поздравления друг друга с первым (для многих) "Пятитысячником" по имени Казбек. Что потом и было засвидетельствовано в специальной книжечке при вручении нам значка "Альпинист СССР". (Высота Казбека во всех справочниках разная — от 5033 метров до 5047 м).

Я недавно вычитал, что при одном из восхождений на Казбек, в 1950 году, приуроченному к "славной дате — 40 лет восхождению на Казбек С. М. Кирова", альпинисты поочередно несли 26-ти килограммовый бюст Кирова, чтобы установить его там и таким образом украсить Казбек. Почему именно 26 кг должен был весить этот бюст — наукой не установлено. Некоторым образом им повезло, наша альпиниада не проходила в год 70-летия "лучшего друга советских альпинистов", то-то бы помучились…

Хвала тебе Господи, что ты не лишил разума руководителей Тбилисского альпклуба, а то пришлось бы нам "поочередно" нести

"дорогого нашего Ильича", а уж в его 100-летний юбилей потянул бы его бюст "на все сто".

А мне повезло, в том смысле, что удалось продолжить славные традиции белорусов в покорении Кавказа, так как первое документированное восхождение на вершины Кавказа совершил в 1852 году, это я узнал сравнительно недавно, скромный начальник триангуляционной службы, военный топограф, а позже и начальник штаба Кавказского корпуса, генерал-лейтенант Иозеф Хадзько (Иосиф Ходзько в русском написании).

На геодезической основе, созданной им полтораста лет тому назад в результате работ отряда военных топографов, которым он руководил, с 1847 года по 1863 год были составлены карты всего Кавказа и Закавказья для Генерального штаба России, по которым мы с Аликом Маловичко ходили раньше по горам Хевсуретии и Тушетии. Качество этих старинных карт мы проверили в своих походах и всегда удивлялись той точности. Кстати, генерал являлся еще и первовосходителем на гору Арарат в 1850 году (Паррот так и не дошел до вершины) во главе специально организованной им экспедиции. Из-за погодных условий ему пришлось даже прожить на горе в палатке, заваленной снегом, целую неделю. Мне на Арарате уже не хотелось побывать.

Из Интернета сегодня узнаю, что жизнь свою закончил наш земляк Хадзько в Тифлисе, здесь же похоронен на Петропавловском кладбище. Надо было бы отыскать это место в мой следующий приезд на мою вторую родину…

Я вернулся после "вознесения" в небо над Кавказом с каким-то другим ощущением себя, другим человеком, словно я стал яснее видеть или стал замечать то, на что и не обращал ранее внимания. Институт показался мне другим, какое-то другое в нем настроение, много новых людей, новых сотрудников, мало приятных лиц среди них. Или я не замечал чего-то в последнее время, слишком был занят своими делами, мыслями? Или так был ограничен сложившийся круг моих друзей в институте теми, с кем я уже десяток лет вместе делал "общее дело"? А новые люди заставили меня по-новому взглянуть на окружающую меня обстановку, которая перестала мне нравиться. Слишком много в институте появилось "шелухи". Стали ходить по коридорам какие-то странные личности — "пчеловоды-кибернетики", специалисты по новым видам продуктов питания, которые собирались "накормить все человечество", телепаты, йоги, жены и дети высокопоставленных чиновников, не имеющие никакого отношения ни к кибернетике, ни к науке в целом, ни к какой-либо другой положительной деятельности. Становилось немного не по себе. Институт терял на моих глазах свое направление и до того

достаточно расплывчатое, но вектор движения всегда был направлен в "правильную сторону", так мне казалось. А тут я как будто увидел его в другом ракурсе, по другому освещенным. Мне многое перестало нравиться в "моем" институте, именно "моем" — по другому я и не мог воспринимать институт, где мы, в самом начале очень небольшой коллектив, все сделали своими руками за эти годы.

Я почувствовал себя на льдине оторвавшейся от айсберга, который стихия уносила все дальше. Не спасала и обычная мысль в такие моменты, что "все образуется". Мое положение было вроде бы стабильное, команда увеличивалась, дали дополнительные ставки моему подразделению, достраивалось новое, громадное здание Институтта, в которое через несколько лет мы все должны были переехать. Но появилось чувство тревоги, почти все время подступающее ко мне. Я как-будто увидел во сне гибель всего нашего общего дела, на которое ушло четырнадцать лет.

Может быть, все дело было во мне самом, но что?

Алик Гачечиладзе со своими бесконечными идеями заняться новыми экспериментами, на этот раз с морскими животными, с построением дельфинария в Батуми и лечением рака новыми биологическими средствами, собирался переезжать в Поти, в место впадения Риони в Черное море, куда пришли много тысяч лет назад аргонавты на своей ладье. Он нашел деньги в нашем отечественном военно-морском ведомстве и стал вербовать сторонников на работы в новом отделении института. Мы в последнее время немного отошли друг от друга, хотя он мне был по-прежнему нужен. Я стал колебаться, но не видел в его затее научной рациональности, а романтика новых научных горизонтов стала ослабевать.

Жорка Селезнев уже давно был в Питере, оканчивал консерваторию и ждал распределения. Самые мои верные друзья исчезали вокруг меня поодиночке. "Уходят, уходят, уходят друзья, одни в никуда…" — да, как никогда остро, я чувствовал образовавшуюся вокруг пустоту. "Тылы обнажились", новые знакомые и родственники не становились необходимой мне поддержкой, наоборот, они были мне совершенно чужды по своим взглядам, привычкам. Или я был для них чужаком.

К концу года стало ясно, что надо что-то делать, браться за свои собственные дела, определять дальнейшую жизнь. Работа моей группы получила хорошую оценку и группа была преобразована в лабораторию N 8, без открытого наименования, так как основные работы проводились по закрытой тематике. Меня назначили без защиты кандидатской диссертации

заведующим этой лабораторией, заработок увеличился. То есть работа шла нормально, договора заключались с солидными "конторами", как правило, имеющими закрытый характер, вроде Радиотехнического института академика Минца. Финансирование было открыто по нескольким темам, где я был научным руководителем, но все могло в любой момент застопориться, так как наш институт был в структуре Академии Наук, и все этапы прохождения по путям академической иерархии были в крайней степени "бюрократизированы" в советской науке. Это означало, что мне надо было обязательно форсировать защиту диссертации, "остепеняться", проходить процедуры выборов, голосования и тому подобных ритуалов "Ученого совета" академического института со всеми еще более многочисленными, но необходимыми техническими деталями.

Сегодня это смешно, но главная заминка для меня лично была в том, что у меня тогда не было собственной пишущей машинки, чтобы иметь возможность дома "накатать" основной текст диссертации. Далее еще надо было "пропустить" мою работу через "первый отдел", в силу ее секретности, что тоже было не просто — у меня такой почерк, какой бывает только у врачей, выписывающих рецепт, — наследственность проявляется, — через несколько дней уже не могу разобрать, что написал в своих "пронумерованных и прошнурованных" блокнотах, хранящихся у "секретчика".

Пишущая машинка в то время представляла почти недостижимую мечту. Советские пишущие машинки, как и все другие, связанные с точной механикой, механизмы, приборы и оборудование, обычно не работали, а если и работали, то недолго и их ремонт занимал больше времени, чем сама работа на них. Импортную машинку достать было невозможно. Кроме того, с точки зрения вездесущих "органов", машинки являлись "средством размножения антисоветской литературы", что было истинной правдой. Перепечатанные с помощью пишущей машинки на папиросной бумаге, чтобы можно было одновременно сделать как можно больше копий, разные "самиздатовские" материалы, были в домашних библиотеках у всех порядочных людей. Материалы были разные — от статьи Амальрика "Доживет ли Советский Союз до 1984 года" до стихов Пастернака, запрещенных после получения им Нобелевской премии. Поэтому машинки на работе были под строгим контролем 1-го отдела, а в воскресные и праздничные дни закрывались во всех комнатах лично начальником первого отдела, каким-нибудь "заслуженным чекистом" на пенсии, и двери опечатывались, так что взять, например, свою лабораторную

машинку на выходные домой я не мог. Как всегда, выручили друзья — Алик мне отдал на время свою "Оптиму".

Своего материала было у меня много, все-таки за последние годы я немало сделал, попал в серьезные "спецотчеты" (например, Эскизный проект по системе ЛК — "Лунник"), получил несколько авторских свидетельств, к сожалению, тоже по закрытой тематике, что определяло выбор стратегии будущей защиты.

Конечно, работы по "Луннику", или по программе Л-1 (облет Луны) в СССР уже несколько лет были свернуты, потеряли экономическую поддержку, а политически были не интересны руководству, после нескольких запусков на Луну американских экипажей. Однако, в нашей стране никто, кроме узкого круг лиц, не знал ни о нашем отставании, ни об успехах США. Весь мир, кроме СССР, видел телевизионные репортажи запуска, полета и высадку на Луну американских астронавтов. В нашей стране телевизионные записи этого исторического события демонстрировались для узкого круга лиц, имеющих допуск к секретным работам.

Я в эти дни находился в командировке в ЦНИИ-45, где к просмотру видеофильма о полете "Аполлона-11" были допущены только руководители подразделений, обычно в чине полковника, не ниже. Обсуждение "полета на Луну", как и книга Солженицина "Раковый корпус", проходило по-прежнему на кухнях в Советской стране. Пресса, радио и телевидение СССР глухо молчало, советский человек не должен был видеть, как Армстронг ступил на Луну, и не должен был слышать, что он сказал при этом. Уж все постарались, чтобы "большой шаг человечества" не смущал слабые умы нашего гражданина в его эйфории "космическими достижениями родины".

В стране до этих пор по-прежнему гордились первым "запуском советского человека в космос", но практически никто не знал о том, что уже через три недели после Гагарина в космосе побывал американский астронавт Шепард, и еще через два месяца с небольшим — астронавт Гриссом.

К концу 60-х мы безнадежно, а если честно сказать, то навсегда, отстали в этой гонке. Достаточно знать, что к "лунному" полету "Аполлона-11" астронавты США дважды облетели Луну и более двух месяцев провели в космических полетах разной сложности и назначения, работая на перспективу завоевания Луны.

14 раз стартовали американские корабли в космос за три последних года до полета на Луну и только четыре раза — советские. В 1966 году не было выполнено ни одного космического старта в СССР. В 1967 только один, который

завершился трагически — гибелью космонавта Комарова. В 1969 слетал на трое суток в космос полковник Георгий Береговой, ставший через три дня после полета на КК "Союз-3" генералом, а еще через день дважды Героем Советского Союза. Хотя нам было известно, что программа полета фактически сорвалась, так как основную задачу полёта — стыковку с беспилотным КК "Союз-2", выполнить не удалось. Вся программа ручного пилотирования и стыковки была провалена, а вскоре и свернута. А в это же время космический корабль "Аполлон-8" с тремя астронавтами на борту сделал 10 оборотов вокруг Луны и благополучно вернулся на Землю.

Но нет худа, без добра — тысячи гражданских специалистов, привлеченные военными к проектам в ракетно-космической отрасли, все же смогли отдышаться за эти несколько провальных лет и реализовать, как и я, свой труд хотя бы в виде диссертаций.

Я думаю, что финансовый счет для реализации советской программы шел на многие миллиарды, советская власть денег не считала, раз денежный вал докатился и до Грузии и до нашего института. Печататься в открытой прессе, в журналах или даже специальных выпусках в ближайшие годы мы из-за секретности работ не могли. Но дорога для защиты диссертации мне была открыта всеми перечисленными обстоятельствами. У меня было и некое преимущество перед другими — документированное участие в важнейших на то время проектах, притом, что я "служил" в академическом институте, то есть у меня была возможность "маневра".

Для того чтобы без заминки летать в командировки, я взялся за работу, предложенную Радиотехническим институтом академика Минца, от этого института работа курировалась Виктором Слока, будущим директором РТИ. Мне надо было как-то показать возможность использования своих волоконно-оптических элементов в опытных узлах перспективных радиолокационных систем, что я благополучно и сделал. Заодно получил небольшое финансирование от предприятия "Прогресс" в Куйбышеве по разделу своей работы, в которой астро-навигационные датчики предлагались для наведения космических аппаратов по звездному небу.

А тут еще и повезло — немного приболел гриппом и смог почти две недели перед новым 1971 годом провести дома. Болеть на Новый год и на свой день рождения было у меня непременным правилом, хорошо еще, что ангины прошли навсегда, как мне и "завещала" тетя Рита, благословляя меня на отъезд в Тбилиси. Легкий грипп мне даже нравился своим состоянием, возможностью передохнуть и поваляться с книгами в постели.

Привычка все печатать самому на работе и не быть обязанным машинисткам пригодилась, я погрузился в материал, в черновики, которые я вопреки правилам "первого отдела" хранил дома, и к своему дню рождения половину текста диссертационной работы уже мог "пощупать". Работалось легко, это была, в основном, компиляция из своих собственных старых работ, "спецотчетов", авторских свидетельств.

Прикинул — сколько понадобиться времени на всю работу — получилось, что за пару месяцев смогу сделать все. Разве что без иллюстраций, чертежей, и пояснительных выкладок. Кто-то подсказал, что надо заранее договориться о сдаче кандидатского минимума и попасть в план по защитам в какой-нибудь приличный совет, с подходящей специальностью. Надо было "брать за бока" шефа с его научными и просто дружескими связями, умением расположить к себе людей. К тому же он стал член-корреспондентом Академии наук, а мне нужна была "крыша", как говорят сегодня.

Вот тут и пригодилось мое знакомство с Олегом Александровичем Чембровским, начальником отдела в НИИ-2 Министерства обороны в Калинине, где я несколько лет проработал. В ближайший приезд его в Тбилиси я с ним договорился о том, где защищаться, о технической стороне защиты, о разных мелочах, сыгравших очень важную роль впоследствии. "Шеф" сделал пару необходимых звонков в Москву, Оказалось, что "ОАЧ" является членом Совета по защитам в ЦНИИ-45, он тогда еще "по старинке", или по каким-нибудь другим соображениям назывался "Вычислительным центром" (ВЦ), что там есть специальность "техническая кибернетика", что поскольку я несколько лет работал в НИИ-2, с которым этот, так называемый, "ВЦ" связан, проблем с прохождением моей работы через ученый совет "Сорок пятого" не будет. Если, конечно, работа выдержит уровень совета по защитам.

А самому пришлось форсировать оформление работы по требованиям 1-го отдела нашего института и не один раз съездить для переговоров в Москву и город Бабушкин. Надо еще было заручиться поддержкой какой-нибудь, близкой по профилю, академической организации, какую мне быстро нашел мой шеф.

Это был Институт проблем управления (ИПУ) АН СССР, в котором, кроме всего прочего, заместителем директора был Ивери Варламович Прангишвили. Понятно, что протеже директора Института кибернетики АН ГрССР Чавчанидзе было оказано всяческое содействие. Прангишвили направил меня в отдел академика Петрова Бориса Николаевича, к этому времени Преседателя Совета Интеркосмос, в лабораторию, где тема моей

диссертации без усилий встраивалась в поток работ всего подразделения, а руководитель этой лаборатории давно знал О. А. Чембровского

Круг поисков замкнулся, дело было только за мной.

— 1971, новое состояние -

Хороший в целом выдался год и помогли мне не почувствовать себя потерянным после семейных перипетий мои друзья. Эти последние два года я бы без них, может быть, и не пропал, не знаю… Но в моей жизни уже были пробоины, заделать их было жизненно необходимо, корабль еще не тонул, но "крысы" уже разбежались. Театральная среда стала меня деликатно обходить, что было даже хуже откровенного выражения чувств. Жора уехал навсегда, Алик Гачечиладзе отдалился от меня, видимо, на почве ревности к одной даме…Но "свято место пусто не бывает…" и жизнь привела ко мне сначала уже давно мне знакомого еще по театральному институту и нашей дружной тогда компании актеров, режиссеров, — нашего круга, тбилисского "бомонда", — представителя еще одного "киношного" направления, только недавно приехавшего из Москвы после ВГИКа — Нугзара Амашукели. А в лабораторию ко мне после распределения попал еще и молодой специалист из университета Рубен Полян. Вот они оба и заполнили образовавшиеся лакуны моей души.

Рубен, вне всякого сомнения, был "подающим большие надежды" молодым специалистом, начинающим карьеру не в очень благоприятных обстоятельствах, так как ему сразу же пришлось в моей лаборатории менять направление работы. Попал он ко мне случайно, но быстро сориентировался и очень скоро стало ясно, что он сможет вести работу самостоятельно. Голова у него была светлая. Мы быстро сошлись и вне работы, а когда я впервые попал к нему домой, или правильнее было бы сказать в дом его жены, то почувствовал себя там, как в кругу своей родни в Минске. Наверное, мне уже давно не хватало такой высокой простоты в отношениях и понимания любых самых сложных проявлений любой личности, моей особенно. Его, жена Наталья Корнеева, была внучкой одного из основателей государственного книгоиздательства в Советской Грузии, Бориса Корнеева, известного еще и тем, что он был в составе учредителей знаменитого в 20-е годы тбилисского "Цеха поэтов" (Ц.П.). (Вообще говоря, "Цехов" было несколько, Председателем одного из них был Юрий Деген, Борис Корнеев был в жюри по приему в Ц.П. и занимал пост "заменяющего председателя").

В конце концов, ну какое это имело отношение ко мне или моей исповеди, — оказывается, имело.

У моих новых друзей, как в любом тбилисском доме, гостеприимном, открытом в любое время для родственников

и знакомых, друзей и посетителей, кошек и собак, нищих или ищущих крова людей, накопилось за годы тесного литературного, или просто дружеского общения в двух поколениях, совершенно уникальный архив из писем, альбомов с рисунками и других раритетов. Мне Наташа рассказывала об этом архиве, но я его не видел, не любопытствовал до поры. И как в любом тбилисском доме, куда могут зайти усталые, голодные или жаждущие соседи, приятели или просто знакомые, денег хронически не хватало на всю свору званых и незваных гостей. Временами, к тому же, надо было решать серьезный финансовый вопрос при ремонте или приобретении мебели, или еще по каким — либо другим мотивам. Словом, настал час, когда "архив" остался единственной возможностью улучшить финансовую ситуацию, после бесконечных обсуждений проектов "отъема денег" у ближайших родственников. У Корнеевых близких родственников в то время в Тбилиси уже не было. На родню Рубена уже давно не рассчитывали…

В один из вечеров Наташа достала с антресолей старые, с обитыми углами, дедушкин и отцовский чемоданы. В них лежали, спрессованные временем чьи-то мысли, воспоминания, сомнения, поздравления — пожелтевшие, потрепанные по краям письма, открытки. Было несколько альбомов, какие были в дореволюционных домах, в которые писали "по случаю", под настроение, на память о событии или рядовом визите. Писем, записок, открыток были тысячи, и среди них такие, которые даже взять в руки было боязно, так как появлялось ощущение того, что машина времени переносила в другую страну, в другую эпоху.

Вот, например, лежало среди прочих, письмо Льва Николаевича Толстого к деду Наташи. Или в альбоме был рисунок проводов с тифлисского вокзала Есенина, отъезжающего в Баку. Наискосок по странице шли шутливые стихи Ильфа, разлетались размашистые карандашные строки Маяковского, альбомные наброски Василия Каменского (отца). С его сыном тоже Василием, дома его звали Васенькой, мы уже давно были знакомы. Он любил приезжать "на несколько дней" в Тбилиси из промозглой Москвы и оставался обычно здесь, у Корнеевых, до следующей весны. Брошенное Алей, мамой Наташи: — "А спали они вот на этом диванчике", еще более усилило впечатление от этих осколков времени. Я чуть было не подумал о Толстом, только потом сообразив о ком шла речь.

Я не представлял себе, что такое был Тифлис в те далекие годы начала XX-го века, пока не встретил записи о том времени, собранные А.Шахназаровой и М.Ляшенко ("Спецфонд", Продолжение, начало в АБГ N 1 "+ 41")., и мне их хочется

привести.

"Большинство великих светоносных городов — Мадрид, Неаполь, Константинополь, Пекин, Нью-Йорк — расположены на 41 R. Иисус провел в пустыне 40 дней; Заратустра — тоже; из 41-го дня они вышли окрепшими. 41 является символическим числом. ИЛЬЯ ЗДАНЕВИЧ".

(Я согласен с этим утверждением, как бывший специалист в области оптики и как нормальное биологическое существо, переползающее с теневой стороны жизни на светлую. Тбилиси — действительно светоносный город. Солнечный, светлый, сияющий во все времена, столичный град всего Закавказья).

"Тбилиси 1917–1921 — начало русского зарубежья, более того, медовый месяц русского эмигрантского искусства. А как же Берлин, Париж, Харбин? Да, но все это впоследствии. Так что же происходило в культурной жизни Тбилиси в 1917–1921 годах?

Здесь складываются, сотрудничают, соперничают, распадаются и вновь возникают литературные объединения, группировки и салоны. Шесть различных секций включает в себя культурный центр Городецкого "Артистериум", куда входит — руководимый им Тифлисский "Цех поэтов". "Синдикат футуристов" реорганизуется в компанию "41R", пожалуй, самое леворадикальное объединение не только в тогдашнем Тбилиси, а, осмелимся предположить, и на всем мировом культурном пространстве. Рядом могут встать разве что дадаисты, реализовавшие аналогичные идеи, но в ином масштабе и на более обширном пространстве. Ядро "41R" составили Илья Зданевич (он же Ильязд и Эли Эганбюри), Алексей Крученых и Игорь Терентьев. К ним примыкали тбилисский поэт Колау (Николай) Чернявский, армянский поэт, называвший себя восточным футуристом, Кара-Дарвиш (Акоп Генджян) и молодые тбилисские художники. Образуется тбилисский филиал петербургского кружка "Альфа-Лира". Отколовшаяся от "Цеха поэтов" группа молодежи, тяготеющая к авангарду, складывается, по инициативе Ю.Дегена, в цех "Кольчуга". Существует "Клуб слушателей Народного Университета", салон "Павлиний хвост", салон "Медный котел", молодежная поэтическая студия "Дус". Свою "Академию стиха" учреждает профессор Георгий Харазов, а "Академию изящных искусств" — Сергей Рафалович. И, конечно же, действует и главенствует в грузинском искусстве группа грузинских символистов "Голубые роги".

Есть и левые одиночки, поставить которых придется все же правее "41R". В частности, не раз бывавший здесь в это время Василий Каменский. В Тбилиси за это время у него выходят три

книги".

"В городе в это время открываются и бурно действуют артистические кафе — "Братское утешение", "Химериони", "Павлиний хвост", "Медный котел", "Ладья Аргонавтов" и, самый творческий, "Фантастический кабачок". Не менее интенсивна и жизнь художников. Помимо молодых тбилисцев Ладо Гудиашвили, Александра Бажбеук-Меликова, Кирилла Зданевича, Сигизмунда (Зиги) Валишевского — все они члены компании "41R" — здесь экспонируют свои работы Сергей Судейкин, Савелий Сорин, Сергей Городецкий, Алексей Крученых, Игорь Терентьев. Тбилисцы имеют возможность знакомиться и с самыми последними опытами самого авангардного российского авангарда. Есть и упоминание о выставке фотографии, как самостоятельного изобразительного жанра, о чем комментатор провидчески замечает, что "фотография, как искусство, для нас еще дело будущего" (журнал "ARS" N1, 1918)".

А вот что в театре: — помимо нынешних Руставелевского, Грибоедовского, армянского и оперного, здесь работает театр "Амираго" и труппа "Тарто", уже упомянутый театр-кабаре "Ладья Аргонавтов", Свободный театр при Ремесленном клубе, два театра миниатюр, оперетта. В народном доме Зубалова идут оперные и драматические спектакли, русские и грузинские. Идут азербайджанские, греческие, осетинские, литовские спектакли. Функционирует оперная студия, театральная студия Ряднова, Народная студия (в Авчалах), Тифлисский театральный кружок со студией при нем. В кинотеатре "Аполло" киносеансы чередуются с театральными представлениями, а в цирке идет спектакль "Эдип". Напомним, что в Тбилиси в это время находится драматург и режиссер Николай Евреинов, гостят здесь в ту пору и мхатовцы во главе с Книппер и Качаловым, и театр-кабаре "Кривой Джимми", позже оформившийся в Московский театр сатиры, открывается балетная школа прогрессивного танца по модному тогда методу Далькроза под руководством Жанны Матиньон в сотрудничестве с мистиком местного происхождения Гурджиевым. Выступают они и перед публикой. Концертирует студия танцовщиц "босоножек". Остается добавить, что дает представления английский войсковой театр, где все роли исполняют мужчины".

" В 1919 году этот накал несколько спадает. Часть литераторов уезжает в Баку, где в уменьшенном масштабе повторяется тбилисский литкарнавал, теперь уже с участием оказавшихся там Вячеслава Иванова и Велимира Хлебникова. Однако художественная жизнь Тбилиси остается насыщенной и содержательной даже после прихода сюда большевиков…"

"Заслуживают внимания и творческие и персональные судьбы иных авторов. Гибнут, например, поэты Юрий Деген и Александр Порошин, расстрелянные большевиками в Баку в 1923 году. Как водилось, ни за что. Некоторым удается уйти в ту, уже настоящую и безвозвратную эмиграцию…"

" Уже второй год мы живем в полной отрезанности от внешнего мира. И за это время жизнь искусства у нас развилась и расцвела. Два больших театра, множество мелких, большой концертный сезон, консерватория, литературные кружки, студии, художественные салоны — все это создает атмосферу подлинного искусства, атмосферу большого центра… Вместе с тем переживаемый момент характеризуется расцветом искусств национальных, которым раньше ставились серьезные препоны и которые переживают сейчас свой медовый месяц. Журнал "ИСКУССТВО" N 1, 1919"

" Городецкий издавал журнал "Арс". Поскольку с Городецким они поссорились, то уже в этом журнале печататься было не очень хорошо. Тогда Деген основал свой журнал "Феникс" в 18 и 19 годах. Всего вышло три номера. И вот в этом журнале помимо того, что поэты цеха "Кольчуга" печатали свои стихи и рассказы, печатались научные статьи о грузинской культуре, о Руставели, в то же время, о современном грузинском художественном авангарде…После того, как этот журнал закрылся, потому что не было у Дегена денег, он основал вместе с поэтом Борисом Корнеевым газету "Искусство". Она тоже была любопытна. Например, в Тбилиси поэт Василий Каменский решил отметить 10-летие своей творческой деятельности. К этому юбилею Деген выпустил газету, один экземпляр которой был отпечатан на флаге. И во время чествования Каменского материя была посажена на древко, и этот флаг вручили Каменскому".

"Выходит из печати первый альманах стихов Цеха Поэтов, который предположено издавать периодически. Ц. П. Председателем является Юрий Деген, членами жюри по приему новых членов и заменяющими председателя — Т.Вечорка, Б.Корнеев, И.Терентьев. Ю. Д. Журнал "ARS" N 1.1919".

"В помещении редакции "ARS" (Артистериум, секция III; Головинский, 9) — "ВЫСТАВКА КАРТИН МОСКОВСКИХ ФУТУРИСТОВ"; участники: Виктор Барт, Давид Бурлюк, Наталия Гончарова, А.Грищенко, Кирилл Зданевич, Иван Клюн, Алексей Крученых, Николай Кульбин, Михаил Ларионов, Казимир Малевич, Ольга Розанова, В.Татлин, И.Терентьев, Павел Филонов, А.Шевченко, Вл. Гудиев. Журнал "ARS", N2/3, 1918".

"…Республики, возникшие в Закавказье, дали мощный толчок художественной и литературной жизни, породили самые разнообразные течения, создали новые издания,

национальные искусства и театры. Вообще, художественная жизнь в Грузии процветает. Национальные праздники, украшение зданий, денежные знаки (работы Тер-Микаеляна) — все носит отпечаток прекрасной природы этой страны. Из русских художников нужно упомянуть Кирилла Зданевича и особенно Судейкина, который оставил навсегда по себе память в Тифлисе поразительной росписью подвала поэтов "Химерион".

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ "Искусство и литература в Закавказье в 1917–1920 гг.". ЖУРНАЛ "КНИГА И РЕВОЛЮЦИЯ", N 2, 1920 г."

"В июне 1925 года в советском павильоне на Парижской международной художественно-промышленной выставке на одной из стен экспонировались книги тифлисской футуристической группы "41R" (название ее восходит к широте, на которой находится Тифлис [Тбилиси], и к предельной температуре человеческого тела). Их экспонировал живший в Париже лидер этой группы, русский поэт-заумник, драматург, книжный дизайнер, издатель и теоретик авангарда Илья Зданевич (1894–1975), выступавший в эмиграции под псевдонимом "Ильязд". Впоследствии он стал одним из самых крупных создателей Livre de peinture XX века".

"Мною пройдено все, что мог дать Запад до настоящего времени, а также все, что, идя от Запада, создала моя родина. Теперь я отряхаю прах от ног своих и удаляюсь от Запада, считая его нивелирующее значение весьма мелким и незначительным, мой путь к первоисточнику всех искусств — к Востоку. Искусство моей страны несравненно глубже и значительней, чем все, что я знаю на Западе. НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА".

"Да здравствует прекрасный Восток! Мы объединяемся с современными восточными художниками для совместной работы. Да здравствует национальность! — мы идем рука об руку с малярами. МИХАИЛ ЛАРИОНОВ".

Я сделал это отступление, чтобы можно было представить, какое богатство для историков литературы, поэзии и живописи было в этих чемоданах, и почему весь этот архив оказался в семье Корнеевых. Известные и забытые имена, многие из которых не пережили 20-е годы, а иные спаслись уже в следующей эмиграции, все дальше и дальше убегая от "Кровавого колеса".

Великие и не очень литераторы и поэты — пульс того времени на переломе тысяч судеб. А вот и все что осталось от них, пожелтевшие листочки, утратившие даже запахи прошлого, но настойчиво взывающие к нам…

Выписал я себе и Рубену командировку дней на десять в Москву, и поехали мы с чемоданом (одним), отобрав то, что казалось нам наиболее ценным для "вечности", чтобы не пропадало это втуне, а нашло себе достойное место в архивах. У этого чемодана в Москве возникла своя судьба, в которой появились другие действующие лица, но это уже, как говорится, другая история.

— 1972 — Диссертация -

Итак, после целого ряда счастливых совпадений, я попал туда, где было самое удачное место для апробации научных результатов работы, моих научных "успехов". Здесь в ИПУ АН СССР работа получила окончательную доводку, шлифовку, здесь я почувствовал себя в доброжелательном окружении специалистов моего профиля. Здесь я познакомился и на несколько лет попал в орбиту влияния, я бы сказал, нестандартного по любым меркам человека.

Сухой, сдержанный, всегда, по-спортивному, подтянутый, в его фигуре не было ничего лишнего, даже прическа у него (очень коротко подстриженные волосы) была по тем временам необычной, "не санкционированной". Аскетический вид "ГП", как его все называли за глаза, производил надолго запоминающееся впечатление. А короткое "ГП" соответствовало краткости его высказываний, всегда очень точных определений, о чем бы ни шла речь. Необычайной работоспособности, доктор технических наук Георгий Петрович Катыс, крепко взял меня в оборот, и моя работа как-то зазвучала "на тон выше", приобрела даже другой смысл, о котором я ранее не догадывался. Работать с ним было и продуктивно и интересно, а кроме того, он стал фактически моим "микрошефом", причем он сделал это просто и совершенно бескорыстно. Так же, без всяких колебаний, он еще согласился быть моим "внешним" оппонентом на защите. Он вообще стремительно принимал любые решения и не менял своей точки зрения уже надолго, если не навсегда, и не прощал малейшей оплошности, неточности в работе.

Георгий Петрович возглавлял в это время, к тому же, отряд космонавтов-ученых от Академии Наук СССР, и с мая 1967 года готовил этот отряд в Центре подготовки космонавтов к полетам. Сам "ГП" уже несколько лет ожидал "своего звездного часа" — выйти в космос со своей научной программой, со своими техническими решениями и оригинальным оборудованием.

Внутреннего оппонента назначали в ВЦ-4, в этом армейском научном центре, который был тогда под началом приемного сына Сталина, генерала Сергеева ("Артема") и в "генеральском" совете которого было что-то не то семь, не то восемь академиков. Как это у них устраивалось, я не знал, но согласование всех вопросов для прохождения через Ученый совет было делом моего Чембровского Олега Александровича и подполковника Самойловича Георгия Владимировича, самых образованных, в широком смысле, и интеллигентных из встреченных мною за

долгие годы военно-технических "спецов". Им можно было доверять, они безусловно хорошо знали "кухню" института. В то время в армии еще можно было встретить офицеров-интеллектуалов, и работа с ними доставляла большое удовлетворение.

Я уже прошел через острое обсуждение своей работы в подразделении академика Петрова Бориса Николаевича, что-то вроде "предзащиты", заручился официальным согласием Георгия Петровича на оппонирование и со спокойной совестью, оставив первый вариант диссертации в ЦНИИ-45, уехал передохнуть домой, в Тбилиси, где еще предстояло сдать обязательный "кандидатский минимум". Самое тяжелое оказалось впереди.

Если на изложение работы, ее печать и подготовку иллюстраций к ней я потратил всего несколько месяцев, — к лету уже все было подготовлено, — то ее "правильное", с точки зрения начальства "ВЦ", оформление длилось до следующего 1972 года. Я не помню, сколько раз мне пришлось из Тбилиси прилетать в Москву на всякие "добавления", переделывания, изменение терминологии, а главное оформление "плакатов" для иллюстрации работы на защите. Спасибо, надоумил меня Самойлович "дать в лапу" чертежникам в одном из отделов института, что сразу же и продвинуло вперед эту часть программы и обеспечило, как и оказалось позже, безукоризненное, с точки зрения учёных — "генералов", представление материалов на суд "Совета".

В самом начале 1972 года, уже из Тбилиси, я разослал по "спецпочте" для отзывов требуемое число авторефератов в организации, по рекомендованному списку через "первый отдел". Надо было ждать из Бабушкина "бумаги" с назначением сроков и вести бесконечные телефонные переговоры, "выколачивая" отзывы из нерадивых коллег, соратников по направлению. Здесь сказалось преимущество закрытой защиты — число авторефератов и отзывов по ним было минимизировано "секретчиками" до нескольких единиц, кажется, достаточно было получить шесть.

Чем ближе подходило время "Ч" (у меня оно было связано с Чембровским), тем все более остро я ощущал, что вся моя затея с защитой диссертации будет только тогда иметь смысл, если работа, сможет стать началом новой страницы моей деятельности. Я все более убеждался в том, что мое направление расходится с представлениями обновленной дирекции о дальнейших путях института. Институт "распухал" количественно, появлялись немыслимые, с моей точки зрения, новые направления работ, деньги, которые зарабатывал мой

коллектив хоздоговорной тематикой, исчезали, проглатывались другими подразделениями.

Надо быть справедливым — мне никто внутри института не мешал делать свое дело, но работа стала выпадать из общей тематики, у нее был точно очерченный профиль, который уже не устраивал новое руководство. А меня не устраивало то, что моя работа значительно продвинулась и требовала все большего финансового обеспечения, людей, специалистов высокого уровня, новейшего оборудования, которых в институте уже не хватало.

Стали уходить по разным мотивам старые кадры института — уехал в Москву "на повышение", заместитель "Вовы" — Букреев Игорь, строить "советскую кремневую долину" в Зеленограде уже в качестве заместителя министра МЭП. Алик Гачечиладзе приступил к созданию в Поти биологического подразделения Института, исчезало квалифицированное "среднее звено", они уходили на более высокие ставки нового, только что открытого Института микроэлектроники ("МИОН") рядом с моим домом в Дигоми. Возникало ощущение образовавшейся пустоты, "оголились тылы", исчезала опора из друзей и соратников. Для выполнения тех работ, которые проводила моя лаборатория, за которые выплачивались институту немалые деньги, мне предлагались сотрудники, не отвечающие требованиям поставленной задачи. Деньги проедались, необходимое оборудование отсутствовало, впереди можно было разглядеть тупик. Надо было переосмыслить свое будущее, сделать прогноз, понять, что для меня важно с точки зрения дальнейшего развития моего, вполне сложившегося, направления — волоконно-оптических преобразователей, волоконной оптоэлектроники, волоконной оптики. И меня совершенно не устраивала моя личная жизнь — это был кризис в отношениях со всем моим окружением.

Прибавилось к моему настроению, к моей оценке внутренней, институтской атмосферы, еще и общее настроение в космическом сегменте научно-технических работ страны, притягивавших долгие годы и меня лично и институт в целом. Урезалось финансирование этого направления, надо было спешить с подведением итогов, получить какой-нибудь ощутимый результат своих долговременных усилий, хотя бы в виде защищенной диссертации.

Привлекательность работ в этой сфере уже вызывала у меня сомнение. Космический престиж страны падал, все меньше и меньше удавалось отечественной прессе и другим СМИ того времени обосновать тезис о "ведущей роли СССР" в деле освоения космоса. Достаточно привести такие цифры, как суммарный

налет в часах космонавтов СССР и астронавтов США — 629 у нас и 3215 у "них". Вместе с этим падал и мой личный энтузиазм.

Грустные итоги анализа "наших достижений" в эти годы подвел в своих воспоминаниях мой "микрошеф" Георгий Петрович Катыс:

"Разрушался искусственно созданный правящей элитой виртуальный портрет Советского Союза……этот информационный портрет уже давно не соответствовал реальной действительности.

… 14 раз стартовали американские корабли в космос за три последних года до полета на Луну и только четыре раза — советские. В 1966 году не было выполнено ни одного космического старта в СССР. В 1967 только один, который завершился трагически — гибелью космонавта Комарова. В 1969 слетал на трое суток в космос полковник Георгий Береговой, ставший через три дня после полета на КК "Союз-3" генералом, а еще через день дважды Героем Советского Союза. Хотя известно, что программа полета была

фактически сорвана, так как основную задачу полёта — стыковку с беспилотным КК "Союз-2", выполнить не удалось. Вся программа ручного пилотирования и стыковки была провалена, а вскоре и свернута. А в это же время космический корабль "Аполлон-8" с

тремя астронавтами на борту сделал 10 оборотов вокруг Луны и благополучно вернулся на Землю.

Советская лунная программа Л-1, к великому сожалению, провалилась. Это было особенно неприятно наблюдать на фоне больших успехов американской лунной программы, завершившейся высадкой на поверхность Луны американских астронавтов.

"Старт 21 декабря 1968 года пилотируемого КК "Apollon-8", совершившего облет Луны с выходом на луноцентрическую орбиту, бесславно похоронил советскую программу облета Луны. В процессе реализации этой нашей программы были потрачены огромные средства и было выполнено 13 запусков беспилотных кораблей 7К-Л1…

Причин развала нашей Лунной программы было много, но главная причина, по моему мнению, заключалась в том, что непомерная финансовая нагрузка, которая налагалась этой программой на экономическую структуру нашей страны, оказалась чрезмерной. В то же время, в такой значительно более богатой стране как США, подобная финансовая нагрузка оказалась вполне приемлемой и даже нормальной. Тогда в США на космос тратили в несколько раз больше средств, чем в СССР"

(Г. П. Катыс, "Моя жизнь в реальном и виртуальном пространствах — записки академика", гл.6, изд-во МГОУ, 2004).

Но — "делай, что должно…". Все начатое надо было заканчивать. В Тбилиси уже начиналось апрельское лето, из Бабушкина прислали сообщение о дне и часе защиты, подоспели уже и отзывы, а я успел еще в феврале "доложиться" в Москве на улице 8-го марта в РТИ, который вытупал в качестве "головного" предприятия по защите. Опять я "оседлал" ТУ-104 и вылетел в Москву, в который раз…

12-го мая, утром я позвонил Георгию Петровичу, взял такси, заехал за ним и, часа за два до назначенного времени, мы уже пролетели мимо ВГИКа, потом проскочили платформу Северянин и стали поворачивать на город Бабушкин. И тут, как положено во всех детективных историях, мотор заглох, машина остановилась, а шофер, выйдя из машины и поколупав что-то под капотом в моторе, сказал, что "машина дальше не пойдет". Да…

До назначенного времени защиты оставалось чуть более часа, все рушилось. Минут пятнадцать я размахивал в отчаянии руками, ловя "попутку", пока кто-то не подвернулся. Мы заскочили в подвернувшиеся разбитые "Жигули", посулив приплатить за скорость. Хорошо, что я шел вторым на совете, передо мной защищался Д. И. Козлов, в то время уже ставший главным конструктором Куйбышевского филиала ЦКБ (завод "Прогресс), так что мне удалось немного, уже за проходной, отдышаться после вынужденных бегов.

Далее все проходило как во сне, и после защиты, мне уже все было ясно. Этот этап моей жизни закончен. Надо было думать о будущем…

Вспомнил еще один, чисто "советский" эпизод, отражающий дух того, именно, 1972 года, и мое желание после защиты отпраздновать "результаты голосования" Советом, которые превзошли мои ожидания.

Не знаю точно, когда началась новая "кампания по борьбе с…", но в этот год уже действовало постановление ВАК СССР о запрете банкетов "по случаю защиты диссертаций". Это постановление было доведено до сведения администраторов ресторанов, но обойти его, как и все другие нелепые советские законы и постановления, было просто. Я заказал "празднование моего дня рождения" в ресторане гостиницы "Россия" и успокоил тем самым всех участников этого "преступления". Все прошло по-семейному, строго и спокойно. На высоте был мой старый приятель, еще по Минску, Роман Филиппов, уже снявшийся в фильмах "Девчата" и "Бриллиантовая рука", был сдержан в остротах "ГП", мои "полковники" из Бабушкина успели

переодеться в "цивильный костюм" и радовались жизни вместе с Мишей Вентцелем, поддержавшим славные армейские традиции по части выпивки. Стол был почти грузинский, в частности, еще и потому, что отсутствовали женщины. На другой день я уже улетел в Тбилиси. Был месяц май…

Ближе к зиме, я уезжал из Тбилиси так же, как и приехал сюда пятнадцать лет тому назад, с единственным чемоданом. Нет, еще в руках был новый портфель, подаренный мне мамой, так как ей казалось, что теперь я, кандидат наук, обязан иметь "приличный портфель". В руках — нехитрые пожитки, в душе — относительное спокойствие, в голове мысль, что "кривая вывезет", я устремлялся куда-то вперед, как мне казалось, оставляя позади многих близких и не очень близких людей, тех, кого я любил и тех, кто, может быть, любил меня. Это было так, как будто у меня отпуск, и я уезжаю на отдых, например, на Рижское взморье. Мне даже не могло придти в голову, что я покидаю свою Грузию, а такой она уже стала для меня, покидаю, тем более, навсегда. Я настолько пропитался здесь духом свободы, солнечным светом, всеми запахами и настроениями этого края, что с трудом представлял себе возможность жить где-нибудь в другой стране.

И все таки я уезжал, мне нужно было время, чтобы прошла горечь первого поражения, которое я перетерпел от судьбы, но следы той напасти еще не исчезли, нужно было время, которое, как известно, все лечит… И еще тревожила и не поддавалась никакому разумному решению ситуация с дочерью. Мне хотелось забрать ее, но куда? Это ее город, это ее место, лучшего я пока не знаю. Привычка видеть и слышать ее было моей постоянной радостью, но я уходил в пустоту, в неведомое мне окружение. Я не мог рисковать ее будущим, которое только здесь могло у нее быть. Я уезжал, но мне казалось, что этот отъезд только на время — вот устрою какие-то свои дела, что-то сделаю, в чем-то определюсь, пойму, что мне дальше в этой жизни нужно, и вернусь в каком-то другом качестве, с другими мыслями, с другим настроением. Может быть, и здесь все как-то образуется…

Одновременно меня наполняло ощущение свободы и радость предстоящих новых поворотов в судьбе. Я внутренне готовился к "дальнему плаванию", еще не понимая куда, зачем, но чувство новизны заставляло сердце учащать свои удары, в кровь вливалось желание двигаться, ехать, лететь, плыть куда-нибудь — старое, давно мной не востребованное чувство, долго спавшее в глубине моей души… Я снимался с якорей…

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Приложение 1

КИБЕРНЕТИКА (от др. греч. слова, означающего рулевой, управляющий)

— реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма. Приверженцы кибернетики определяют её как универсальную науку о связях и коммуникациях в технике, в живых существах и общественной жизни, о "всеобщей организации" и управлении всеми процессами в природе и обществе. Тем самым кибернетика отождествляет механические, биологические и социальные взаимосвязи и закономерности. Как всякая механистическая теория, кибернетика отрицает качественное своеобразие закономерностей различных форм существования и развития материи, сводя их к механическим закономерностям. Кибернетика возникла на основе современного развития электроники, в особенности новейших скоростных счётных машин, автоматики и телемеханики. В отличие от старого механицизма XVII–XVIII вв. кибернетика рассматривает психофизиологические и социальные явления по аналогии не с простейшими механизмами, а с электронными машинами и приборами, отождествляя работу головного мозга с работой счётной машины, а общественную жизнь — с системой электро- и радиокоммуникаций. По существу своему кибернетика направлена против материалистической диалектики, современной научной физиологии, обоснованной И. П. Павловым (см.), и марксистского, научного понимания законов общественной жизни. Эта механистическая метафизическая лженаука отлично уживается с идеализмом в философии, психологии, социологии.

Кибернетика ярко выражает одну из основных черт буржуазного мировоззрения — его бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства и орудие войны. Вместе с тем для кибернетики характерна империалистическая утопия — заменить живого, мыслящего, борющегося за свои интересы человека машиной как в производстве, так и на войне. Поджигатели новой мировой войны используют кибернетику в своих грязных практических делах. Под прикрытием пропаганды кибернетики в странах империализма происходит привлечение учёных самых различных специальностей для разработки новых приёмов массового истребления людей — электронного, телемеханического,

автоматического оружия, конструирование и производство которого превратилось в крупную отрасль военной промышленности капиталистических стран. Кибернетика является, таким образом, не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления её агрессивных военных планов.

Краткий философский словарь / Под редакцией М. Розенталя и П. Юдина. Издание 4-е, доп. и испр.

М.: Государственное издательство политической литературы, 1954, с. 236–237.

Подписано в печать 26.01.1954 г. Тираж 1500 тыс. экз.

Приложение 2

"Доклад А. И. Берга на заседании Президиума АН СССР"

Организации НСК предшествовала работа представительной комиссии ученых под председательством А. И. Берга. Доклад об основных задачах кибернетики на заседании Президиума АН СССР был сделан А. И. Бергом 10 апреля 1959 г.

"В настоящее время, — начал свой доклад Аксель Иванович, — ещё не существует общепринятого, точного определения термина "Кибернетика", введённого Ампером в 1843 г. Про кибернетику можно сказать, что её методами человечество пользовалось всегда, но только не применяя этого термина, если можно так выразиться, бессознательно, подобно тому, как оно пользуется весьма давно речью для обмена информацией, причём в большинстве случаев люди говорят прозой, а некоторые этого не знают". Далее следовало краткое и ёмкое определение: "Кибернетику можно назвать наукой о целеустремлённом управлении развивающимися процессами". Подводя итоги работы комиссии, А. И. Берг отмечал, что это только первая попытка "теоретического обоснования и широкого обобщения основных проблем кибернетики". В рекомендациях, разработанных комиссией при Президиуме АН СССР, содержались:

— одобрение общей идеи проблемной записки "Основные проблемы кибернетики" (изданной затем АН СССР в серии "Вопросы советской науки");

— признание того, что кибернетические проблемы должны решаться во всех отделениях АН СССР, причём Отделение физико-математических наук должно играть ведущую роль в разработке научной проблемы в целом;

— предложение создать в составе АН СССР постоянный научный совет по кибернетике с задачами разработки перспективного плана по проблеме на 1959–1965 гг., расширения и координации исследований по кибернетике.

"Если этого не сделать теперь же, — заявил А. И. Берг, — то Академия наук рискует остаться в глубоких тылах по разработке важнейших проблем, решение которых необходимо для скорейшего и наиболее эффективного развёртывания работ… "Я обязан специально отметить, что со стороны некоторых учёных и руководящих работников в различных областях народного хозяйства наблюдается проявление:

а) полной неосведомлённости о том, что такое кибернетика;

б) вытекающее из этой неосведомлённости и отрыва от жизни отрицательное отношение к разработке и практическому использованию кибернетики;

в) основанное на этой неосведомлённости непризнание "априори" всего нового и непривычного, что содержится в проблемах кибернетики, со ссылкой на признанные авторитеты… "Огромный вред, наносимый всем этим, трудно переоценить".

Решением Президиума АН СССР А. И. Берг был утверждён председателем НСК, его заместителями А. А. Ляпунов и А. А. Харкевич (специалист по теории информации), учёным секретарём — М. Л. Цетлин. Штатным заместителем председателя НСК стал Я. И. Хургин.

Приложение 3

"Альпинизм в СССР"

Приложение 4

Ю.Лужков " О любви"

— Ты ведь знал Курбана

— А то!

— Чем глубже современные физики вникают в происхождение вселенной, тем больше подтверждают гипотезу Аристотеля: "мир создан любовью". Когда слышишь, как они говорят о муках рождения материи, невольно вспоминаешь финал "Божественной комедии" Данте: "Любовь, что движет солнце и светила". Можно не верить в Бога, но в любовь-то не верить нельзя!

Слушать все это было невероятно приятно. Мы сидели на пасеке, пили чай. Был дивный воскресный день. Пчелы, обалдев от запахов разнотравья, жужжали по-праздничному. В такие минуты беседа течет сама по себе, оставляя каждому из собеседников пространство для внутреннего монолога.

— Знаешь, — продолжал друг, — с научной точки зрения, любовь это вещь абсолютно загадочная. Страсть дело другое, там инстинкты, эмоции. А вот любовь, особенно жертвенная, не имеет оснований в природе. Она приходит словно из другого измерения. Мы помним яркие образы юных влюбленных: Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Меджнун и Лейла. Но любовь зрелая, не увядающая в мелких заботах повседневности, — тайна, не постижимая даже искусством. "Жили долго и счастливо и умерли в один день" — вот и все, что можно прочесть о такой любви. Так ты знал Курбана?

* * *

Курбан был банщиком (точнее "терщиком") в одной из тех знаменитых серных бань, которым город Тбилиси, если верить преданию, обязан своим основанием. Легенда гласит: охотился как-то в этих местах великий царь Вахтанг Горгасал. Подстрелил фазана. Все шло как обычно, пока любимая гончая не принесла пронзенную царской стрелой дичь. Тут государь понял, что видит чудо. Фазан был сварен. Не так, конечно, как делал придворный повар, но для божественного знамения вполне прилично. Мы с вами сказали бы: да где ж тут чудо, упал фазан в горячий источник — подумаешь, делов-то. Однако в те годы люди были

весьма впечатлительны, цари в особенности. Чуть что, усматривали промысел Божий. А потому, восхвалив Господа, государь объявил место святым и назвал его "Теплым". Что по-грузински, как вы уже догадались, звучит… Правильно: "Тбилиси".

Легенда эта удивительна тем, что никакие стратегические соображения — ни гора, ни Кура, ни скрещение торговых путей не повлияли, если верить грузинам, на выбор места для столицы. И это лучше всего характеризует то состояние, в которое приходит человек после посещения серной бани. Действительно, других аргументов не требуется. Скажу больше: если хотите узнать, что потерял род человеческий, когда Адама лишили райской прописки, поезжайте в Тбилиси, сходите туда. И вы согласитесь: это нечто неземное. Во всяком случае, так думал я, впервые (тогда еще молодым человеком) отправившись на последние деньги в серные бани и там побывав в беспощадных и заботливых руках Курбана. Описать впечатление нет никакой возможности. Как, впрочем, и самого мастера.

Он был достопримечательностью старого города — обмотанный белой простыней, как римский сенатор тогой, в сандалиях на босу ногу. Похоже, никто не видел его одетым. Еще поговаривали, что он тер спину чуть ли не самому Пушкину, что в каком-то отношении правда, ибо традиция тбилисских терщиков передается, не прерываясь, от мастера к ученику.

Курбан был гением в том смысле, что сочетал в своих движениях грубость и нежность, скрепляя этот контраст особой любовью к человеческому телу. Научить жестом фокусника делать из воздуха огромное облако мыльной пены можно кого угодно. Проводить коленом по позвоночнику, соразмеряя доставляемую боль с удовольствием, тоже. Но суметь так отнестись к мужскому телу, чтобы оно оставило за порогом бани все мрачные мысли, неврозы, утомленность, — это дело таланта. Руки его были очень сильными и заботливо чувствительными. Впрочем, он пользовался и ногами, залезая клиенту на спину и работая всеми четырьмя конечностями над хребтом и прочими косточками. Люди выходили от него преображенными.

Как все такого рода профессионалы, он оказался еще и психологом. Не знаю уж, каким образом догадался, что перед ним "голь перекатная" (а проще говоря, молодой специалист в первой командировке), но только, закончив сеанс, неповторимым жестом протянул мне обратно деньги, произнеся одно слово: "Пешкеш!"

Можно много рассказывать про Курбана, но полагаю, читателю уже ясно, что если искать человека, менее подходящего

на роль Ромео, то это будет трудно. Так думали все. Ближайшие друзья и соседи, знавшие его всю жизнь, не могли предположить, что в этом простаке таилась глубоко любящая душа — настолько потаенно от чужих глаз жила истинная любовь. Своих чувств к жене он никогда не выказывал. Никто не сопрягал с Курбаном что-либо более высокое, чем баня и предбанник. И лишь в последнюю очередь можно было ожидать от этого человека того поступка, о котором сейчас расскажу.

Сказано в Библии: "ибо сильна, как смерть, любовь". Особенно та, что проходит через всю жизнь, не теряя масштаба в мелочах быта. Такая любовь живет потаенно, ее не воспевают ни западные менестрели, ни восточные ашуги. Она мало похожа на то, что связывается с образами героев-любовников. Но это самое глубокое, что бывает между людьми.

* * *

Я слушал своего друга и думал о том, до чего, черт возьми, обожаю грузин. Язык международной дипломатии не знает такого термина, как любовь. Максимум, дозволеный дипломатическим лексиконом, это дружба. В редких случаях "братская", иногда "неразлучная" или "дружба навеки" между народами. Однако бывают случаи, бывают связи, которые иначе, как любовью, не назовешь.

Сейчас даже трудно вспомнить, как мы все (россияне в особенности), готовы были восхищаться грузинами. Как восторгались кавказским застольем, мужским пением, бытовым жестом. Как восхищались фильмами, театром, художниками. Никогда не было идеи, что "наше лучше". Ничто не навязывалось. Все время готовы были воздать им должное.

Заочное ощущение Грузии было соткано из настроений и интонаций: убери их, и все исчезнет. С ней был связан праздник, открытость и доброжелательность, что-то солнечное и веселое. Не возникало не только ревности, но и обыденности. Стоило кому-то сказать "грузины приедут" — накатывало ощущение тепла, света, радости, вкусноты и щедрости. Все становились лучше.

Повторяю, это эмоции. Но из этих эмоций и состоят отношения. Если мы прервем их, не передадим по наследству, это будет зияние невосполнимое. С детских лет жизнь была окутана грузинским ароматом. Сколько себя помню, всегда грузин в бурке скакал по папиросной коробке "Казбек" (память ушедшего на фронт отца); вечно глядел грустный Демон на танцующую царицу

Тамару (репродукция на кухне); витязь в тигровой шкуре неустанно сжимал зверя в поднятых руках (в местной забегаловке). Все эти образы были знакомы до черточки. Им вторили стихи: Грузия была "зарифмована" в поэзии Пушкина, Лермонтова, Есенина, в переводах Пастернака. Маяковский, — объясняла учительница Нина Николаевна, — родился там и воплотил в необычных ритмах поэтический строй горных высот, рек и ущелий волшебной земли.

Все это было впитано русской культурой и встречалось на каждом шагу. Сочетание славянской широты и грузинской стати обогащало обоих. Мы ничего не навязывали Грузии. Наоборот, тут в полной мере проявлялась та самая "всемирная отзывчивость", о которой говорил Достоевский.

Взгляд, которым мы смотрели на грузин, включал в себя систему норм поистине идеальных. Грузинская стать, честь, рыцарство, пренебрежение к подачкам — все это действительно сохранялось в национальной ментальности. Но я хочу сказать, что Россия никогда на это не посягала, а наоборот, всегда поддерживала. Нас отличало умение видеть в грузинах образцы рыцарства и чести, и этот взгляд выпрямлял их. Они гордо несли свою осанку под воздействием русского взгляда.

* * *

И вот сегодня мне рассказывают, что мы, оказывается, были завоевателями. Что в Грузии создают чуть ли не музей российской оккупации, а в Тбилиси появился проспект имени героя-освободителя Буша…

Еще несколько лет, и молодое поколение грузин перестанет говорить на русском языке. В свое время те, кто направлялись в Россию и возвращались, обогащенные русской культурой, называли себя "тергдалеулеби", то есть "испившие Терека". (Тогда путь в Россию лежал через Терек). Где сейчас эти испившие Терека грузины?

Грузия выбрасывает русский язык, мы выбрасываем вино и "Боржоми". Все это было бы смешно, когда бы не было ужасно. Мне рассказывают, что в некоторых тамошних интеллигентских семьях родители тайно нанимают учителей русского языка, чтобы дети не задохнулись в вареве русофобского патриотизма. Эта картина чем-то напоминает фантастический роман "451 по Фаренгейту", где в стране, запретившей книги, гуманисты заучивали их наизусть, чтобы передать внукам.

Уже сейчас вырастают поколения, которые забудут нашу

обоюдную открытость, готовность воспринимать, впитывать и восхищаться. Уже теперь трудно объяснить молодым людям, что для нас значило грузинское застолье. Поколения нынешние, соблазненные макдоналдсами, забудут это. Столько веков связи не прерывались, и вдруг. Это, пожалуй, одна из самых тяжелых ран, которую нанесла Грузии политика ее нынешних руководителей. Если ненависть перейдет в народ, процесс может стать необратимым. Причем для обеих сторон. Человек, привыкший видеть в грузинах не представителей гордых горцев, а "лица кавказской национальности", уже не поймет, о чем я пишу.

Да и грузины, уверен, другого такого влюбленного не найдут, потому что для этого нужны века истории и особое сочетание звезд. Неужели они надеются, что американцы к ним будут так относиться? Да никогда в жизни!

Американская система может стоять только на американской ментальности. Она предельно рациональна и в качестве рациональной — жестка. Просветительские постулаты, на которых она построена, не предполагают множественности вариантов. Чужой образ жизни кажется не иным, а более низким. Существует лишь одна система, лучшая из возможных; все остальные допускаются только под флагом политкорректности, а вовсе не равнозначности и тем более, достоинства.

У русских никогда этого не было. Российские присоединения нигде не означали переформатирования национальных способов жить. Никого не обращали. Специфика российского мировосприятия — в самой культурной пластичности. Именно поэтому американцы не займут наше место в грузинской культуре, как и в нашей никто не займет место грузин.

И то, что сейчас мы теряем, по своим последствиям несравнимо с вино или боржоми. Торговые убытки еще можно компенсировать. А вековую традицию, тип отношений, готовность любоваться друг другом — нет. Мы теряем не нефть, не мандарины, даже не безопасность границ (об этом пусть заботятся политики и военные). Мы теряем то, что невосполнимо.

В сердце пустеет место, которое некем занять. Если будет прервана связь, ни грузины, ни русские уже не будут прежними.

Люди спрашивают: ради чего все это? Ради сиюминутных выгод, заокеанских подачек и чужих геополитических задач? Ради этого прервать такую фантастическую традицию, зачеркнуть вековые устои — это можно себе представить?

* * *

Но связь между народами живет в другом масштабе и диапазоне, на ином уровне исторической иерархии. Политиканству там не место. Там — память поколений, вековые напластования, традиции межнационального восприятия. Там — время истории. Там "дышат почва и судьба".

* * *

Можем сказать: ну и ладно. У нас есть своя нефть, обойдемся. Сегодня, в век глобализации, всем не до сентиментов. Нынче — как на всемирном футбольном чемпионате: мелькают народы, культуры, религии. Безлюбый мир не предполагает памяти поколений, патриархальной близости, соседской привязанности. Все заменяется чередой национальных контактов, калейдоскопом межгосударственных взаимодействий в глобальной перспективе.

Что отвечу? Не верю! Весь мировой политический опыт подсказывает, что мир не может регулироваться цинизмом, двойными стандартами, да бомбежками неугодных. Аморализм как этический принцип не может претендовать на всеобщее признание. Народы еще не утратили нравственного чувства, да и вряд ли когда-нибудь потеряют его.

Глобализму, хотим мы того или нет, должна соответствовать новая этика. Кто-то называет ее "абсолютной моралью", имея в виду такую мораль, с нормами которой согласились бы все. Другие говорят о всемирной отзывчивости. В любом случае прагматизму "мировой закулисы" и "войне цивилизаций" нужна нравственная альтернатива — и это не прекраснодушие, а необходимость. В прошлом веке стабильность мира держалась равновесием зла. В новом мире, который сейчас становится, народы просто вынуждены будут найти иные принципы взаимоотношений — не на противостоянии, не на высасывании, не на выбрасывании тех, кто вне стратегических интересов. Так можно было строить геополитику раньше. Теперь придется искать этический ответ на вызов глобализации.

Каким будет этот ответ, пока сказать трудно. Но уже сейчас ясно, что если не найдем способа внедрить такие этические постулаты, как любовь к иному (народу, цивилизации) в мироощущение политической элиты, мировой бойни не избежать.

В этой перспективе то, что было, — а я убежден, что и есть — между народами России и Грузии, это не прошлое, а скорее будущее: яркий пример межнациональных отношений, построенных не на выгоде, а на любви. Или "на выгоде любви",

если уж формулировать новую этику в старых понятиях.

Мы смотрелись друг в друга любящим взглядом, не держа ни зла, ни обиды, и это нельзя сбросить в лету ни с Метехского, ни с Москворецкого моста!

* * *

— Эк-как тебя на пафос потянуло, — сказал друг, когда я поделился с ним такими мыслями. — Только не вздумай все это писать. Нынче такое читать не будут: теперь все пишут иронично, стебно, невсерьез. А кроме того, ведь и не было в наших русско-грузинских отношениях никакого пафоса. Вспомни-ка: это у государства был пафос насчет дружбы народов, а мы просто любили друг друга — грузины русских, русские грузин.

И я вспомнил. Вспомнил последний день той первой поездки в Тбилиси. Провели мы его с приятелем в аэропорту — два "молодых специалиста" в первой командировке. Уставшие, полные впечатлений, выполнившие труднейшее задание, но и погулявшие, поистратившиеся вдрызг. На обратный билет наскребли еле-еле, прибыли в аэропорт без копейки в кармане. Впрочем у Иосифа, моего напарника, все было рассчитано и расписано до секунды: зачем, рассуждал он, деньги, когда в самолете покормят, а там, в Москве доберемся. Родной все-таки город, не пропадем как-нибудь.

И тут, среди этих голодных наплывов, словно виденье, невесть откуда материализовалась странная фигура. Вся в черном, худющая, чуть скрюченная, да еще с помелом в руке. Она напоминала какое-то фантастическое существо из книжной иллюстрации, но кого именно, так и не вспомнил.

— Ребята, — сказало видение трескучим голосом, — идем!

Не очень соображая, что происходит, мы, разумеется, поднялись со своих мест, поплелись за странной женщиной. Вышли из здания аэропорта, куда-то заковыляли, пока не оказались у крошечного строения, которое она стала отпирать каким-то ржавым ключом. Потом скрылась в глубине, пошуршала, покряхтела и наконец снова опредметилась, держа в руках две бутылки боржоми с буханкой хлеба.

— Больше ничего нет, — пояснила она, сделав специфически грузинский жест для ясности.

С какой скоростью мы уплетали буханку, запивая водой, объяснять, полагаю, не надо. Жаль, не было представителей книги Гиннеса: рекорд по поеданию буханок взяли бы точно. А женщина смотрела и улыбалась.

— А то убираюсь тут, — пояснила она, — смотрю: второй день не едите…

С тех пор прошло без малого пятьдесят лет. Но тот вечер, ту грузинку-уборщицу, тот вкус боржоми с хлебом отпечатался на всю жизнь как одно из ярчайших переживаний. Даже не знаю, как его охарактеризовать: сказать, что ничего вкуснее никогда не ел? Это банально, да и дело не в том.

Где-то в Евангелии говорится: Бог больше ценит пожертвование не того, кто много имеет, а того, кто сам нуждается, делясь последним. И хотя мы не боги, но в этом отношении, думаю, точно созданы по образу и подобию. Потому что сколько уж я получал за жизнь ценнейших подарков, принимая и с радостью, и с признательностью — но такой горячей волны благодарности, истекающей прямо из сердца, как к той бедной грузинке, не испытывал, кажется, ни к кому. Так что и вправду: причем тут пафос. Просто любовь.

Приложение 5

Е.В. ЗЛОБИН (РГГУ, Москва)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ГЕНЕЗИСА ИНФОРМАТИКИ В РОССИИ

Потребность к изучению собственной истории, возникающая в социуме, может свидетельствовать, в какой-то степени, о начале его стагнации либо завершении жизненного цикла. Ностальгическое обращение к коллегам — "Ты помнишь, как все начиналось" — рождается, как правило, когда все уже закончилось, на основе потребности оправдать свое существование воспоминаниями о сделанных в этой жизни добрых делах: переведенная через улицу старушка, сын, дом, дерево, монография, программа: далее по личному списку. Сходен по жанру и объемный сборник, изданный в Новосибирске при поддержке РФФИ. Тем не менее, он представляется исключительно полезным для лучшего понимания того, что есть историческая информатика сегодня, как она появилась, куда, как и почему трансформировалась, какие этапы в своем развитии прошла, а также для выработки прогнозов ее дальнейшего развития.

Оговоримся сразу, что название сборника представляется весьма спорным. Правильнее было бы назвать его "Очерки истории кибернетики в СССР", поскольку именно такое название наиболее полно соответствует его содержанию. Попытка редакторов-составителей осовременить название предпринята, видимо, с целью обеспечения поддержки издания фондом, однако, в ущерб исторической истине. Представляется, с нашей точки зрения, не всегда корректным использование современной научной терминологии для описания процессов, происходивших 50–30 лет назад. Непродуктивно оценивать средневековье с позиций морального кодекса строителя коммунизма: разные точки отсчета и системы мер. Конспективную попытку обозначить взаимосвязь и взаимопроникновение терминов "кибернетика", "прикладная математика", "информатика", "новые информационные технологии" делает автор предисловия Д. А. Поспелов. Однако, как нам кажется, она ему не совсем удалась, в отличие от достаточно емкого и содержательного исторического обзора, охватившего период 50-х — 70-х годов прошлого столетия. Тем не менее, сборник получился, используя любимые словечки классика, "чертовски интересным". Читается он взахлеб, на одном дыхании. По прочтении более чем шестисот страниц невольно становится "обидно за державу", начинаешь

лучше понимать, когда и почему мы отстали "навсегда".

Как представляется, хронологически "центр тяжести" сборника лежит в интервале 50-х годов — периоде больших потрясений в обществе в целом, и в академическом его секторе, в частности, — рубежном между культом и оттепелью. Процесс борьбы за постепенное превращение кибернетики из "лженауки" в самостоятельную и мощную научную отрасль, весомо представленную в академическом сообществе, достаточно подробно отражен как в публикуемых стенограммах научных дискуссий и личных воспоминаний их участников, так и в перепечатываемых журнальных статьях тех лет, которые в настоящее время труднодоступны, но, безусловно, вошли в Анналы. Интересно и показательно достаточно подробное освещение связанных биолого-генетических сюжетов, например, рассказы о Миассово, ссылки на Тимофеева-Н. В. Ресовского и пр.

Привлекает внимание и напоминает о первом периоде т. н. перестройки несколько эпатажное название одного из автобиографических материалов. Однако некоторые, достаточно, с нашей точки зрения, важные моменты, в сборнике отображения не нашли. Причина, видимо, в первоначальной закрытости информации, а затем, после ее устаревания, и в связи с уходом из жизни основателей этой новой науки, и в ее полной утрате. Представляется, что нам уже никогда не дано узнать всю правду о том, как рождалась кибернетика и материальная основа для воплощения ее идей — вычислительная техника — в СССР. Мы имеем в виду, например, роль тех двух коминтерновцев, членов "пятерки" казненных супругов Розенберг, нелегалов, с подачи которых был построен в свое время Зеленоград.

Если о роли советской разведки в продвижении уранового проекта написано достаточно много, то аналогичные сюжеты в контексте вычислительной техники и кибернетики практически не рассматривались. В то время как буквально все новинки вычислительной техники, как, видимо, и кибернетических идей и разработок, своевременно "доставлялись" в СССР.

Так Э. Г. Кнеллер, один из разработчиков первых советских ПЭВМ, вспоминает:

"Перед 1980 г. увидел свет 16-разрядный микропроцессор Интел 8086. В том же году мы имели [выделено нами. — Е.З.] все интеловские кристаллы". Эти кристаллы сошлифовывались по слоям в НИИ сразу нескольких министерств, перефотографировались, и на основе полученных матриц, зачастую с 95 % браком, создавалась элементная база советско-российской информатики. Тупик, в который она закономерно зашла, был определен совместным секретным постановлением ЦК

КПСС и СМ СССР, которое, по сути, закрывало самостоятельные разработки ВТ и ориентировало науку и промышленность на копирование западных образцов.

В то же время, оценивая общее состояние кибернетики в описываемый период, один из авторов сборника отмечает: "Это было реальное ускорение в области неназванной еще в то время информатики, ускорение, которое в дальнейшем было трагически растеряно в близорукой погоне за дешевым успехом копирования прототипов".

В материалах сборника отчетливо прослеживается разрыв между высоким уровнем решения теоретических проблем, в которых советским ученым зачастую не было равных в мире, и их внедрением в практику конкретных исследований, которое тормозилось не только из-за отставания элементной базы, но и из-за определенной инерционности, косности мышления. В своем выступлении на президиуме АН СССР Нобелевский лауреат, академик Л. В. Канторович, говоря о наших достижениях в разработке современных методов анализа, отмечал: "Заметим, что в создании, по-видимому, наиболее эффективного из этих методов — линейного или оптимального программирования, советская наука (как это признается и за рубежом) опередила Америку на целое десятилетие. Для многих экономистов термин "эконометрика" продолжает оставаться таким же одиозным, каким была несколько лет назад кибернетика; в результате этого явного или глухого сопротивления этим методам в практическим применении математических методов мы значительно отстаем от зарубежных стран".

Отметим также, что Л. В. Канторовичем были разработаны и теоретические основы объектноориентированного программирования за 40 лет до создания соответствующих систем на персональных компьютерах (Си + + и пр.). Другой круг его научных интересов — транспортные задачи — исключительно востребован в настоящее время и выделился даже в отдельную науку и специальность — логистику. Сформулированные и развитые Л. В. Канторовичем положения о рентах 1-го и 2-го рода при социализме полностью подтвердились на этапе слома т. н. "коммунистического" режима в России и перехода к т. н. "рыночному" государству и нашли свое отражение в основных направлениях и сферах деятельности т. н. олигархов и властно-криминальных структур.

Еще один важный социальный феномен кибернетики, относящийся именно к описываемому периоду.

"В шестидесятые годы в России кибернетика была существенной частью культурного фона" — формировала

общественное сознание, являлась одной из властительниц дум. Примечательно, что на обсуждении доклада "Автоматы и жизнь" академика А. Н. Колмогорова ("физик") выступал не просто наследник выдающегося лирика — А. С. Есенин-Вольпин, а и известный диссидент и правозащитник.

Мощная просветительская функция реализовывалась энтузиастами через популярные журналы "Техника-молодежи", "Знание-сила", "Квант". Было выпущено также более 40 номеров сборника "Проблемы кибернетики", уникального по широте охвата проблем издания, которое со временем сошло на нет. Представляется, что ничего удивительного в этом нет.

Анализируя материалы сборника, яснее начинаешь понимать, почему сам термин кибернетика постепенно вышел из употребления. Главная причина — слишком широкая его трактовка отцами-основателями. Безразмерный спектр тематики научных докладов и сообщений на семинарах в том же Миассово по мере разворачивания глубоких исследований по каждому из них неизменно приводил к диссипации кибернетики во множество самостоятельных научных отраслей. Причем некоторая аморфность (с одной стороны, как отсутствие структуры, с другой — как нечто пластичное и допускающее адаптацию) кибернетики как научного движения неоднократно отмечается и в сборнике. "Единой научной программы в кибернетике никогда не было". В материалах сборника не раз подчеркивается широчайший спектр описываемых работ: от парапсихологии до: — логическим завершением будут, видимо, поиски снежного человека (активизировавшиеся именно в эпоху оттепели).

Уже во введении один из составителей выделяет два главных подхода к кибернетическим проблемам, два научных лагеря. Первым из них кибернетика рассматривалась как особенная всеобъемлющая научная парадигма, методы и приемы которой применимы практически во всех областях познания и человеческой активности. Вторая же группа тяготела к пониманию кибернетики как вспомогательной научной дисциплины, обеспечивающей процесс создания и разработки ЭВМ. Вот эта вторая составляющая, как представляется, и являлась предтечей информатики в современной трактовке этого понятия.

В ответе А. Н. Колмогорова "Тезисы о кибернетике" на замечания кибернетика, литературоведа, философа — чрезвычайно сильна информационная компонента. В проекте начала статьи для БСЭ в 1957 г. он дает следующее определение кибернетики: ": научное направление, имеющее своей основной

задачей построение общей теории способов хранения, передачи и переработки "информации" в машинах и живых организмах".

Если вычленить из данного определения живые организмы, оставив только вычислительную машину или компьютер как носитель информации, мы придем к современному пониманию информатики, которое утвердилось с момента принятия решения в 1983 г. на сессии годичного собрания Академии наук СССР об организации нового отделения информатики, вычислительной техники и автоматизации. В этом решении информатика трактовалась как "комплексная научная и инженерная дисциплина, изучающая все аспекты разработки, проектирования, создания, оценки, функционирования основанных на ЭВМ систем переработки информации, их применения и воздействия на различные области социальной практики".

Некоторые этапы и подходы к развитию терминологии в этой области можно было бы отобразить в виде следующего графа. Поясним наше понимание процессов, отображенных на данном графе. Становление кибернетики послужило толчком для внедрения в учебный процесс по целому ряду специальностей (в сборнике подробно описываются как минимум, две из них — биология и филология) математических дисциплин, которые позднее трансформировались в курсы прикладной математики (или математических методов в:). Собственно кибернетика на этапе 70-х годов рассматривала проблемы искусственного интеллекта как свое закономерное продолжение (а, может быть, и логическое завершение). Напомним в этой связи для получивших классическое советское высшее техническое образование, что том второй учебника "Техническая кибернетика" имел название "Искусственный интеллект". Единственным практическим проявлением успехов данного направления является создание реально работающих заменителей человеческого интеллекта (о потенциальной возможности подобного неоднократно упоминается в материалах рецензируемого сборника) — т. н. экспертных систем.

Материальный базис советской кибернетики реализовался в учебных курсах типа "Вычислительная техника и современные вычислительные технологии", которые на рубеже 90-х с добавлением некоторых информационных аспектов плавно перетекли в разного рода "Информатики" — социальную, правовую, педагогическую, школьную и пр. Последующее их развитие, по крайней мере, на тех кафедрах, где пришлось трудиться автору, было связано с постепенным внедрением термина "Современные" или "Новые информационные технологии". При этом экспертные системы рассматривались как

их важная составная часть. Безусловно, представленная нами схема далека от совершенства и отображает развитие кибернетики только в одном направлении, но может послужить отправным пунктом для дальнейших дискуссий.

Несомненно ценным для нашей Ассоциации является тот факт, что в сборнике неоднократно упомянуты работы Ю. В. Кнорозова, ленинградского этнографа, руководителя группы по дешифровке исторических письменностей с использованием ЭВМ, образованной при Лингвистической секции Совета по Кибернетике. Эти работы почему-то выпали из поля зрения нынешнего поколения исторических информатиков, между тем, оценки, даваемые специалистами его исследованиям, достаточно высоки. Так, в частности, вспоминая "серебряный век" структурной лингвистики, один из авторов сборника так описывает работы Кнорозова: "В основе метода лежат достаточно простые статистические и структурные соображения. Первой по времени была дешифровка иероглифов майя. Судьба этого открытия печальна. Его суть Кнорозов изложил в своей первой статье 1952 г. и в ряде последующих публикаций. За исключением выдающегося лингвиста Лаунзберри, рано отметившего значение работы Кнорозова, подавляющее большинство специалистов ее игнорировало. Окончательное признание открытия Кнорозова и его роли в прочтении иероглифов майя пришло в последние годы. Многие из американских ученых потом признавались, что в то время не верили в возможность появления в СССР каких-либо научных работ, заслуживающих внимания. Но и значительно позднее дешифровка протоиндейской письменности прошла почти незамеченной. Кнорозову принадлежит заслуга создания в 1960-е годы целой группы людей, которые с участием программиста Пробста работали по единой схеме над дешифровкой ряда письменностей". Отметим также, что в первой монографии по истории исторической информатики в России ссылки на данное интересное исследование отсутствуют.

А вот результаты, полученные в приложении количественных методов к исследованию "Евгения Онегина" А. Н. Колмогоровым, можно с успехом и сейчас использовать на вводных лекциях по информатике, раскрывая суть основных понятий. Многострадальная поэма неоднократно являлась объектом математических и кибернетических штудий — вспомним хотя бы цепи Маркова. Так вот, по Колмогорову оказывается, что энтропия одной строки поэмы составляет 45 бит.

Основные биографические направления сборника представлены следующими персоналиями: Л. В. Канторович,

А. А. Ляпунов, Колмогоров А. Н. Воспоминания о других участниках процесса значительно менее полны и носят более отрывочный (обрывочный?) характер.

-

Некоторую ценность с точки зрения прочувствования того, из какого болота мы вышли, представляют и опубликованные в сборнике, видимо для контраста, статьи начала 50-х годов с большевистской прямотой и ненавистью разоблачающие реакционную сущность кибернетики как лженауки.

Всего в сборнике "отметились" 36 авторов. Их общее количество представляется сопоставимым с числом активно действующих членов нашей Ассоциации. Интересна однако частота их упоминания на страницах книги (по мере убывания): А. А. Ляпунов, А. Н. Колмогоров, В. В. Иванов, Винер Н., В. А. Успенский, А. И. Берг и т. д. По крайней мере, две фамилии из списка ничего не говорят сегодняшнему среднестатистическому информатику.

Еще один личностный аспект, который связан с прошлым рецензента, и который можно было бы сформулировать так: армия и кибернетика. Обращаясь к истории нашей Ассоциации, не могу не вспомнить навязанную автору ввиду его ведомственной принадлежности вечернюю дискуссию об отношениях армии и общества в столовой, на конференции историков-квантификаторов в Иссык-Куле (1989 г.). Имеющее место среди некоторой части т. н. научной интеллигенции резкое неприятие всего военного в какой-то степени опровергается составителем сборника. Д. А. Поспелов во вводной статье, в частности, отмечает: ": у истоков развития кибернетики (информатики) в СССР стояли сотрудники различных закрытых ведомств и предприятий, в большинстве своем носившие военную форму".

Именно военный инженер И. А. Полетаев был автором первого открытого учебника по кибернетике, а также того письма в "Комсомольскую правду", которое положило начало известной дискуссии о взаимоотношениях между "физиками" и "лириками".

Приложение 6

У ИСТОКОВ КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ РОССИИ

Два года назад Указом президента РФ созданы и охраняют Россию ее космические войска. Долгие годы шли к этому событию специальные институты, конструкторские бюро, лучшие умы СССР и России. Причастны к нему и специалисты из 2 ЦНИИ МО.

В 1956 ГОДУ в верхних эшелонах власти СССР принимается решение о создании специального НИИ Министерства обороны по разработке теоретических и практических проблем, концепций и доктрин построения ПВО страны. С 1957 года его переводят в Калинин (ныне Тверь) под названием НИИ-2 МО.

Начальником Управления истребительной авиации назначается подполковник Олег Чембровский. Коллектив его Управления в своей работе определял типы истребителей для прикрытия страны от налетов самолетов потенциального противника с любых направлений. К 1960 году стало известно о появлении в США работ над космической системой БЕМБИ по перехвату в космосе головок баллистических ракет. В США стало возникать множество проектов создания многофункциональных космических боевых систем и средств нанесения удара из космоса. Иными словами, у ведущих специалистов обеих держав сам собой сформировался взгляд на космическую технику с военно- стратегических позиций. Задумывались об этом и в НИИ-2 МО, которым в те годы руководил генерал-лейтенант С. Ф. Ниловский, его заместителем по научной части был видный ученый Я. И. Трегуб, радиотехническое направление возглавлял тоже видный ученый — Д. С. Конторов. В этой обстановке в Управлении О. А. Чембровского создается специальный отдел во главе с И. П. Сперанским. Этому предшествовало создание группы в составе Анатолия Белобородова, Владимира Желады, Бориса Стольберга, Георгия Самойловича. Задачей этой группы Олег Чембровский определил исследование возможности использования космоса в военных целях вероятным противником, то есть задачу противокосмической обороны. Вскоре к ним присоединили математиков Зою Мишину, Ирину Бабушкину и других выпускников из университетов.

Министерство обороны одобрило научный отчет и издало приказ о развертывании работ в области формирования концепции и научно-технической доктрины построения противокосмической обороны (ПКО) страны. Научное

руководство поручено Олегу Чембровскому, тема была проработана, и ряд КБ промышленности начали реализовывать систему перехвата космических целей. К 1962 году появился проект многоразового авиационно-космического комплекса перехвата, в числе его авторов был и О. А. Чембровский. А вскоре в НИИ-2 приказом главкома ПВО страны, маршала С. С. Бирюзова создается самостоятельное Управление по космическим системам ПКО с начальником О. А. Чембровским. Это было первое в стране подразделение по ПКО в системе Министерства обороны в данном направлении.

Спектр исследований Управления Чембровского был широк: разведка космических объектов, распознавание их образов, удаление "космического мусора" в виде молчащих спутников и отработанных ракет, осуществление помощи экипажам, выполнение монтажных операций и многие другие вопросы.

Специалисты отмечают, что благодаря работам, проведенным в НИИ-2 МО, а именно под руководством Я. И. Трегуба, в Управлении О. А. Чембровского, в Управлении Д. С. Конторова в СССР стало ясно, как построить систему контроля космического пространства (СККП), и эта система была создана.

Начинали с простого (по современным понятиям). Первый двойной полет космонавтов А. Г. Николаева и П. Р. Поповича как раз решал задачу дальнего наведения одного космического объекта на другой. В этом эксперименте корабль Николаева выполнял роль цели, а Поповича — перехватчика.

В 1964 году в ЦК КПСС и правительстве рассматривалось решение о создании космических войск СССР и специального НИИ космических сил Министерства обороны, на должность заместителя начальника которого предполагалось назначить Олега Чембровского (начальником планировался маршал авиации С. И. Руденко, заместителем по летной подготовке — Ю. А. Гагарин, главным инженером — А. А. Купреев). Одним из следствий сложных работ по космосу было предложение ОКБ-52 В. Н. Челомея создать в СССР флотилию воздушно-космических самолетов с выведением их на орбиту многоцелевой ракетой-носителем УР-500 "Протон".

Столкновение интересов Главных конструкторов, амбициозных группировок в войсках и руководящих партийно-правительственных кругах привели к тому, что удалось спасти лишь систему УР-500 "Протон", а ее модификацию, предназначенную для полета на Луну по проекту "700", не удалось, хотя в цехах ОКБ-52 Челомея стояли макеты лунной кабины и лунного аппарата.

Он родился 5 марта 1923 года в семье бывшего царского офицера, впоследствии красного командира-конника, и его жены — дочери кубанского казака. С отцом дружил известный красный командир Ян Фабрициус, будущие маршалы Тимошенко, Буденный, Тюленев, знаком он был и с К. Рокоссовским.

В 6-летнем возрасте Олег с родителями побывал в Австрии, где родители выполняли задание по линии Коминтерна, в 1935 году — в Уругвае по той же причине, однако их раскрыли, и в 1936 году Чембровские спешно бежали в СССР.

В 1940 году Олег окончил 9 классов школы и аэроклуб. В том же году его семья чуть не попала в списки "врагов народа", отец лишился работы, и Олег пошел работать техником-экспериментатором в Центральный институт авиационных моторов. Там он выдвинул предложение по созданию ракетоплана с использованием воздушно-ракетного двигателя. Заметьте, что "рационализатору" шел 18-й год. Предложение солидной комиссией было принято и рекомендовано к использованию.

Это были годы больших арестов: в лагеря посажены Сергей Королев, Валентин Глушко, Павел Ощепков — будущая гордость отечественной науки и техники. Однако появляются и новые имена: В. Н. Челомей, Н. А. Долежаль, Н. Д. Кузнецов, А. А. Микулин, А. Д. Швецов, А. М. Люлька. В этой среде вырастал и Олег Чембровский…

22 июня 1941 года, как и многие молодые люди, Олег подал рапорт в военкомат с просьбой направить его в действующую армию, однако ему было 18 лет. Олегу сказано было вернуться в институт ЦИАМ (Центральный институт авиационных моторов) заняться своим делом. Вскоре организовали бригаду для обеспечения действий скоростных бомбардировщиков СБ на Ленинградском фронте, туда включили и Олега, всего их было 6 человек.

…О военных годах Олега Чембровского за недостатком места скажем очень кратко: боевые действия он начал лейтенантом в 1942 году на Сталинградском фронте, окончив в Фергане артиллерийское училище противотанковых орудий и противотанковой артиллерии. Был ранен, затем мотался на поездах и пароходах в сторону Камышина, Саратова, Сызрани, Томска, где в госпитале Олегу сделали операцию, в феврале 1943 года — снова в строю. С августа 1943 года — бои на Курской дуге, там лейтенант Чембровский из пушек бил по "тиграм" и "пантерам", затем левобережная Украина, бои за Киев, форсирование Днепра, снова ранение и госпиталь в Москве. Олега представляют к званию Героя Советского Союза, он также

награждается орденом Отечественной войны II степени.

В 1944 году Чембровский вместе с профессором Военно-воздушной инженерной академии Александровым на квартире хорошего знакомого "отмечали" свои ордена. На это торжество пришли Меркулов и другие ракетчики, где Олег узнал, что принято собрать всех, кто до войны занимался ракетной техникой, из-за того, что немцы начали разработку и применение своих боевых ракет "Фау-1" и "Фау-2". При содействии Королева Олег Чембровский, боевой гвардии лейтенант, готовившийся вернуться в свой полк, с 9-классным образованием приказом начальника академии им. Жуковского, генерала Соколова-Соколенка принят в число слушателей.

"Жуковка" — выдающееся учебное заведение СССР и России. Здесь, как принято говорить, ковались научные и технические кадры нашей авиации и космоса. Это воистину так. По окончании в 1950 году Академии Чембровский и стал специалистом по самолетостроению. В этом большая доля заслуг его преподавателей Б. Н. Юрьева, Б. С. Стечкина, М. А. Лаврентьева, С. В. Ильюшина, А. С. Яковлева, А. И. Путилова, В. Ф. Болховитинова и других. Чембровский учился с удовольствием, выступал на научных конференциях, семинарах, защищал авторские изобретения и предложения. Однако в адъюнктуру не взяли, несмотря на отличные успехи, "органы" вспомнили биографию его отца. Кстати сказать, в этом же году ему присвоили воинское звание "старший лейтенант". Пять лет тянули с этим немудреным повышением!

Олег Чембровский становится преподавателем высшего Рижского инженерно-авиационного училища ВВС, однако вскоре его вызывают в Москву — сказалось действие письма Олега Александровича на имя Маленкова, в письме Чембровский предлагал к разработке идею нового двигателя для самолетов.

Так Чембровский оказался в числе сотрудников НИИ-1 Министерства авиапрома, руководителем его был Б. В. Раушенбах, а научным — М. В. Келдыш. Заметим: в те годы именно в этом институте начались работы по проектам "Буран" и "Буря".

Олег Чембровский возглавил научно-техническое направление группы по разработке ЗИП — зенитного истребителя-перехватчика, в работах участвовали знаменитые впоследствии локаторщик А. В. Виницкий, планерист Н. И. Егоров, руководителем группы назначается В. Н. Успенский, соратник А. Н. Туполева. Медицинское направление, то есть разработку кресла летчика, его особенности и прочее осуществлял В. И. Яздовский. Общее кураторство осуществлял

маршал Е. Я. Савицкий.

В 1954 году в системе войск ПВО страны принято решение создать при Главкоме научно-технический комитет. Маршал Савицкий высказал мысль, что было бы желательным, если бы Олег Чембровский возглавил в этом комитете направление по развитию истребительной авиации. Так О. А. Чембровский стал постоянным членом научно-технического комитета войск ПВО страны, в котором он работал по проблемам перевооружения ИА и превращению ее в ракетоносную ударную силу.

Конкретная работа велась во многих научных и технических центрах СССР, в том числе и в Калинине (ныне Твери).

Людей, подобных Олегу Александровичу Чембровскому, в нашей стране тысячи. Смысл их жизни в творчестве, они порой не имеют сил противостоять мелочным, но неприятным ударам жизни, в частности, ударам весьма мощной бюрократически-номенклатурной подсистемы в армии и обществе. В 1967 году ему обещано было звание генерал-майора, однако "доброжелатели" в высших структурах Министерства обороны вычеркнули его из списка. Это заставило Чембровского досрочно покинуть ряды Вооруженных Сил. Однако высокие посты на "гражданке" сами его поджидали: он избирается завкафедрой механики Авиационно-технологического института им. Циолковского, заведующим лабораторией ЦНИИМАШ. Чембровский принимает приглашение и избирается заместителем председателя Дальневосточного научного центра.

В 70–90-е годы Олег Александрович работает над различными проблемами космонавтики, дирижаблестроения, нетрадиционных способов транспортировки грузов. С 1968 по 1978 годы его избирают председателем Комитета космонавтики ДОСААФ СССР, по его инициативе Комитет преобразовывается в Федерацию космонавтики СССР. По инициативе опять-таки О. А. Чембровского 28 марта 1991 года создается на общественных началах Академия космонавтики им. К. Э. Циолковского, первым вице-президентом избирается Чембровский.

Нет, Олег Александрович не был только технарем. В 1976 году он получает приглашение от ректора Московского института инженеров гражданской авиации, профессора И. С. Голубева занять должность профессора математики. Он читает специальные разделы по конформному отображению, теории вычетов, функции комплексного переменного, теории множеств, теории вероятности, операционному исчислению, Булевой алгебры, уравнениям математической физики.

Умер этот неординарный ученый и человек 12 ноября

2000 года, похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

УЧЕНЫЙ с мировым именем, талантливый организатор, он был доброжелателен с людьми, в том числе со своими сотрудниками. "Разбирался в людях очень хорошо, умел отфильтровывать ненужных, но без унижения человеческого достоинства. Это был генератор необычных идей и на них проверял других. Никогда не был жестким, тем более жестоким, но всегда — принципиальным, а потому испытал много конфликтных ситуаций", — вспоминает его коллега по НИИ-2 МО Евгений Лычев.

…Это было первое поколение людей, начавших штурмовать космос. Другие продолжат его.

P.S. Автор благодарит бывших сотрудников 2 ЦНИИ МО Евгения ЛЫЧЕВА и Виктора МОСКАЛЯ за содействие в публикации и предоставленные материалы.

Борис ЕРШОВ
КАРАВАН + Я (Тверь), N 015
16.4.2003

Приложение 7

Ученый тамада

(Из воспоминаний Л. Я. Розенблюма. Между наукой и программированием).

Владимир Валериянович ("Вова") Чавчанидзе был директором Института кибернетики Академии наук Грузии. Физик по образованию, он был отличным директором и неповторимым тамадой. Раз в пять лет в Ленинграде отмечалась годовщина создания секции кибернетики при Доме ученых на Дворцовой набережной, организованной профессором Леонидом Павловичем Крайзмером. Праздник переносился, если Чавчанидзе не мог приехать.

Мы с ним познакомились несколько ранее, на почве закрытых (т. е. секретных) конференций. Первая из них состоялась в Петергофе, в институте морских инженеров, носившем именование в/ч 3089. Там Вова поразил нас новым доказательством теоремы о функциональной полноте. Он сказал с неповторимым кавказским акцентом: "Функция И (или ИЛИ) есть, инверсия есть, а третья функция нам никогда не помешает!".

Вторая конференция, по бионике, проходила в НИИ 33 в Гавани. Попутно замечу, что кто-то спросил американского ученого Фейгенбаума, бывшего одно время советником президента Кеннеди по науке, что такое бионика. Подумав, ученый ответил, что это есть способ выбивания денег из военных. Так вот. На конференции пару дней подряд всем голову морочил некий Болтунов, придумавший так называемый генератор порядка. Никому не удавалось расколоть Болтунова и его сотрудников, пытавшихся зашифровать принцип работы устройства и область его применения шепелявой малограмотностью. На второй день на трибуну вышел Вова и закатил речь по-грузински. В зале сначала воцарилась мертвая тишина, которая позже перешла в гул. Насладившись всеобщим возмущением, Вова царственным жестом призвал к молчанию. Заключительная часть его речи была лаконична и произнесена по-русски. Он сказал: "Ничего не поняли — да? Тогда какого черта вы позволили этим прохвостам дурачить нас целых два дня? Послушай, дорогой, стыдно!".

Зато в Тбилиси на одной из ежегодных всесоюзных конференций по искусственному интеллекту, Чавчанидзе сам сформулировал оригинальную теорию концепта. Мало кто понял, что это такое, но когда Вову спросили, как применять теорию, он неожиданно сказал:

Если молодой мальчик лет тринадцати освоит базовые принципы концепта, он может запросто переиграть в шахматы Бобби Фишера независимо от его национальности". Трудно было с этим не согласиться. Между тем, доклад вызвал острое возражение одного из присутствующих, который после разрешения председателя приступить к вопросам громко заявил: "Доколе мы будем слушать эту билиберду?". Председатель оборвал это заявление, напомнив, что свое мнение можно выразить в ходе дискуссии, а сейчас докладчик только отвечает на вопросы. Возмутитель спокойствия настаивал: "Вот я как раз и спрашиваю — доколе?".

"Воспоминания Сахарова о встрече с Булатом Окуджава"

Формально же первая (встреча) была за три года до этого, в Тбилиси, во время Гравитационной конференции. Он пришел тогда вместе с женой ко мне в номер в гостинице, но разговора не получилось, да и вообще я, наверное, произвел на них "странное" впечатление. В этот самый день Володя Чавчанидзе, в прошлом аспирант в ФИАНе, а в 1968 году — видная фигура в научном мире в Грузии, директор Института кибернетики, вместе со своим сотрудником Марком Перельманом пригласил меня в ресторан и там напоил — это почти единственный случай в моей жизни. Творчество Окуджавы, его песни, которые он поет в сопровождении гитары, очень близки, дороги мне (так же, как большинству моих сверстников еще раньше, но ведь я был сильно оторван от общего мира). Я вижу в песнях Окуджавы что-то глубинное от времени, от меня самого (и осуществившееся, и неосуществившееся, только заложенное во мне).

Геккер Анатолий Ильич (25.08.1888, Тбилиси — 01.07.1937), военный деятель, комкор (1935). Сын военного врача. Образование получил во Владимирском военном училище (Петербург, 1909) и на курсах при Военной академии (1917). Участник 1-й мировой войны, штаб-ротмистр. В сент. 1917 вступил в РСДРП (б). В июле 1917 избран нач. штаба 33-го армейского корпуса. С января 1918 командующий 8-й армией. Весной 1918 руководил созданием частей Красной армии в районе Донбасса, с марта командующий Донецкой армией. В мае-июне 1918 комиссар Беломорского округа, в августе 1918 командующий Вологодским тыловым районом, затем войсками Котласского района и Северной Двины. С декабря 1918 по февраль 1919 командующий Астраханским укрепленным районом, с апреле 1919 — 13-й армией. В марте — августе

1920 нач. штаба внутренних войск Республики, в т. ч. в его подчинении находилась и охрана концентрационных лагерей. В сентябре 1920 — мае 1921 командующий 11-й армией. Участник боев в Закавказье. В феврале — июне 1922 начальник Военной академии РККА. В 1922–1925 военный атташе в Китае, в 1924–1929 член правления Китайско-Восточной железной дороги. С 1929 военный атташе в Турции. В 1933 переведен в распоряжение Главного управления РККА. В 1934–37 нач. отдела внешних сношений Разведупра РККА. На следствии показания против него дали М. Н. Тухачевский, В. М. Примаков и Б. М. Фельдман. 30.05.1937 арестован На суде отказался от выбитых у него показаний, 01.07.1937 приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1956 реабилитирован. (Использованы материалы из кн.: Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, Вече, 2000).

Приложение 8

Пражская весна

Весной 1968 года в благополучной с виду Чехословакии разразился острейший политический кризис. Вызван он был приходом к власти, как тогда говорили, правооппортунистических сил, рупором которых стал избранный на пленуме ЦК КПЧ ее первым секретарем Александр Дубчек. Под благовидным предлогом демократического обновления в стране, создания "модели социализма с человеческим лицом" Дубчек и его сторонники развернули яростную атаку против социалистических завоеваний, повели курс на разрыв союза с СССР и другими братскими странами.

В Праге, Братиславе, других городах Чехословакии весной 68-го начались беспорядки, погромы, нападения на полицию. В ту весну бурлил Пражский университет, студенты вышли на улицы с антисоветскими лозунгами, требуя демократических свобод, благо примером служили соседние благополучные ФРГ и Австрия. К студентам примкнула часть рабочих, которым льстили посулы Дубчека сделать страну процветающей.

После обращения членов ЦК КПЧ и депутатов Национального Собрания к правительствам СССР и других братских стран оказать интернациональную помощь перед угрозой вторжения войск НАТО (а такие переговоры уже велись) страны — участницы Варшавского Договора решили ввести на территорию ЧССР войска. Этому предшествовала разработка нашим Генштабом спецоперации "Дунай".

В западных военных округах войска спешно приводились в состояние повышенной боевой готовности. Получив директиву Генштаба о проведении операции "Дунай", солдаты, офицеры и сверхсрочники, отмобилизованные в военные городки, стали готовиться к маршу в районы сосредоточения на территории ГДР и Чехословакии. В короткий срок в западных военных округах СССР было отмобилизовано и поставлено под ружье около 3 миллионов человек. В боевую готовность были приведены и войска стран Варшавского Договора.

В воздухе запахло войной, поскольку объявили повышенную боевую готовность и в войсках НАТО. Медлить было нельзя,

поэтому директивой Генштаба 750-километровый марш на территорию ЧССР решено было осуществить в течение суток. В ходе марша через Польшу и ГДР наши войска встречали по-разному: в Польше с большой прохладцей, в ГДР — с цветами.

Встречали советских солдат в Чехословакии неоднозначно — трудящиеся проявляли к ним безразличие, военные выказывали недовольство, а молодежь большей частью демонстрировала враждебность, которая часто переходила в провокационные выходки. Нашим солдатам и офицерам было приказано на провокации не реагировать, а проводить разъяснительную работу среди населения о необходимости ввода войск, чтобы оградить народную власть, трудовой народ от оккупации страны войсками НАТО.

Советское руководство еще весной 1968 г. приняло решение о необходимости проведения мероприятий по подготовке своих вооруженных сил к действиям на территории Чехословакии. В частности, 8 апреля 1968 г. командующий воздушно-десантными войсками генерал В. Ф. Маргелов получил директиву, согласно которой приступил к планированию применения воздушных десантов на территории ЧССР.

В директиве говорилось:

"Советский Союз и другие социалистические страны, верные интернациональному долгу и Варшавскому Договору, должны ввести свои войска для оказания помощи Чехословацкой народной армии в защите Родины от нависшей над ней опасности"{44}.

В документе подчеркивалось также:

"…если войска Чехословацкой народной армии с пониманием отнесутся к появлению советских войск, в этом случае необходимо организовать с ними взаимодействие и совместно выполнять поставленные задачи. В случае, если войска ЧНА будут враждебно относиться к десантникам и поддержат консервативные силы, тогда необходимо принимать меры к их локализации, а при невозможности этого — разоружать".

Командующему ВДВ сообщалось, что в район десантирования 9-й и 103-й воздушно-десантных дивизий (ВДД) в течение первых двух суток выходят войска 1 — и танковой армии в составе 9-й, 11 — и, 20-й танковых и 14-й мотострелковой дивизий, а на аэродромах Рузине и Кбели высаживаются вертолетные десанты из Группы советских войск в Германии (ГСВГ) и Северной группы войск (СГВ).

Накануне ввода войск в Прагу и Брно приехали офицеры ВДВ и военно-транспортной авиации, переодетые в форму гражданских летчиков СССР. Они в короткие сроки провели

разведку объектов и благополучно вернулись. К исходу дня разведданные были переданы в Москву.

Под покровом ночи с 29 на 30 июля соединения ВДВ на территории СССР под видом учений неожиданно покинули свои казармы и сосредоточились в так называемых "местах ожидания". Вплоть до 18 августа они действительно занимались боевой подготовкой: отрабатывали ведение боя в городских условиях, обкатку танками и метание боевых гранат.

Имелись свои особенности и в механизме создания группировки войск. Наряду с советскими соединениями в нее входили формирования стран Варшавского Договора — ГДР, ПНР, ВНР и НРБ. Соединения и части с конца мая 1968 г. сосредоточивались на границе с Чехословакией, прежде всего в Польше, Восточной Германии и СССР.

Сосредоточение войск на границах Чехословакии осуществлялось скрытно. С этой целью был проведен ряд учений.

В середине мая войска получили распоряжение о том, что в ближайшее время на территории Польши, ГДР, Чехословакии и Советского Союза состоится совместное учение войск государств — участников Варшавского Договора.

Первоначально оно планировалось как войсковое с привлечением значительных воинских контингентов, но по настоянию чехословацкой стороны проводилось как командно-штабное. К нему привлекались полевые управления армий, части связи и подразделения обслуживания. В состав армий входили новые соединения, некоторые из них были пополнены личным составом, призванным из запаса. Обстановка напоминала боевую.

12 мая 1968 г. передовые части армии генерала А. М. Майорова вышли в район государственной границы ЧССР, а рано утром 18 июля ее перешла оперативная группа полевого управления армии Прикарпатского ВО. Ей было поручено заблаговременно выйти в назначенный район и начать подготовку полкового тактического учения с боевой стрельбой. Через три дня советско-чехословацкую границу перешли главные силы армии, выделенные для участия в учении. Всю ночь не переставая лил дождь, грозовые разряды ослепляли водителей. Узкие извилистые горные дороги и большой встречный поток машин усугубляли положение, колонна растянулась на десятки километров. Несколько машин отстало, три свалились в кювет. Но все обошлось без жертв и серьезных последствий. —

В ночь на 23 июня советские войска сосредоточились в учебном центре Либава, в 400 км от госграницы с СССР. Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора Маршал

Советского Союза И. И. Якубовский и штаб расположились в Миловице. Вызванный сюда командующий армией генерал А. М. Майоров получил задание на командно-штабное учение (кодовое название "Шумава"). Вместе с армией на учении действовали штабы и войска ЧССР, ПНР, ГДР и ВНР. Всего для проведения учения в ЧССР было введено 16 тыс. чел. личного состава союзных армий. К 1 июля командно-штабное учение "Шумава" завершилось. На его разбор кроме командования ОВС стран — участниц Варшавского Договора прибыли партийные и государственные руководители Чехословакии — Л. Свобода, А. Дубчек, О. Черник, И. Смрковский, министр национальной обороны М. Дзур, военные атташе социалистических стран.

Подводя итоги командно-штабного учения, маршал И. И. Якубовский оценил состояние боевой подготовки чехословацкой армии как неудовлетворительное и предложил продолжить учения, не определив при этом срок их завершения. После протеста чехословацкой стороны учения были все же завершены, однако отвод союзных войск, и прежде всего советских, из района их проведения задерживался. Только 24 июля было разрешено начать отвод частей и соединений, о чем были проинформированы и представители ЧССР. Под предлогом плохого технического состояния большого количества боевой техники, совершившей многокилометровые марши, темпы обратного продвижения были заданы низкими. Чувствовалась физическая и моральная усталость войск.

С 23 июля по 10 августа были проведены еще одни тыловые учения — "Неман", охватившие всю западную территорию СССР, ГДР и Польшу. Для этих целей было мобилизовано значительное число резервистов и привлечено большое количество гражданских транспортных средств.

18 августа военные маневры были распространены на территорию Венгрии, и в них приняли участие венгерская армия и Южная группа советских войск.

11 августа начались крупные учения войск ПВО под кодовым названием "Небесный щит" и учения войск связи на территории Западной Украины, Польши и ГДР.

В целом учения войск стран Варшавского Договора, проводившиеся с мая до середины августа на территории Чехословакии и вдоль ее границ, были использованы в качестве политического и психологического воздействия на руководителей ЧССР. Кроме того, они позволили скрыть признаки готовившегося вступления на территорию Чехословакии. Одновременно с этими учениями и под их прикрытием решались вопросы материально-технического и тылового) обеспечения создаваемой группировки

войск.

Советское командование докладывало правительству, что неопределенно долгое размещение полумиллионной армии вокруг чехословацких границ, с точки зрения стратегической, психологической и материально-технической, крайне тяжело. Здесь было два варианта действий: либо расформировать огромное и дорогостоящее сосредоточение войск, либо войти в Чехословакию.

Окончательное решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС 16 августа и одобрено на совещании руководителей стран Варшавского Договора в Москве 18 августа. Одним из решающих факторов выбора времени вторжения стала назначенная на 9 сентября 1968 г. дата проведения съезда КПЧ, где, по прогнозам, в чехословацком руководстве должны были победить "реформаторы".

Официальным поводом для активизации действий послужило письмо-обращение группы партийных и государственных деятелей ЧССР к правительствам СССР и других стран Варшавского Договора с просьбой об оказании интернациональной помощи.

Непосредственная подготовка войск началась 17 — 18 августа. Прежде всего готовилась к длительным маршам техника, пополнялись запасы материальных средств, отрабатывались рабочие карты, проводились другие мероприятия.

Таким образом, к 20 августа была готова группировка войск, первый эшелон которой насчитывал до 250 тыс., а общее количество — до 500 тыс. чел., около 5 тыс. танков и бронетранспортеров. Советские войска были представлены в них соединениями и частями 1-й гвардейской танковой, 20-й гвардейской общевойсковой, 16-й воздушной армиями (ГСВГ), 11 — и гвардейской общевойсковой армией (БВО), 13-й и 38-й общевойсковыми армиями (ПрикВО) и 14-й воздушной армией (ОдВО).

В соответствии с замыслом командования были сформированы Прикарпатский и Центральный фронты. Прикарпатский фронт был создан на основе управления и войск Прикарпатского военного округа и нескольких польских дивизий. В его состав вошли четыре армии: 13-я, 38-я общевойсковые, 8-я гвардейская танковая и 57-я воздушная. При этом 8-я гвардейская танковая армия и часть сил 13-й армии начали перемещение в южные районы Польши, где в их состав были дополнительно включены польские дивизии.

Центральный фронт был сформирован на базе управления

Прибалтийского военного округа с включением в него войск Прибалтийского военного округа, ГСВГ и СГВ, также отдельных польских и восточногерманских дивизий. Этот фронт был развернут в ГДР и Польше. В состав Центрального фронта входили 11 — я и 20-я гвардейские общевойсковые и 37-я воздушная армии.

Один фронт (Южный) для прикрытия действующей группировки был также развернут в Венгрии. Кроме этого фронта на ее территории была развернута для ввода в Чехословакию оперативная группа "Балатон".

В ее составе были две советские дивизии, а также болгарские и венгерские подразделения. Дата ввода войск была назначена на вечер 20 августа, когда проводилось заседание Президиума ЦК КПЧ. Время, оставшееся до ввода, было использовано для составления условных сигналов, последних инструктажей, дозаправки транспортных средств и нанесения белой краской полос на башнях и корпусах танков и БТРов, чтобы их можно было отличить от чехословацких.

Хотя вооруженного сопротивления не ожидалось, Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР получил указание предпринять необходимые меры предосторожности, чтобы избежать конфликта с подразделениями чехословацкой армии. В летний период командование ОВД уменьшило запасы горючего и снаряжения в Чехословакии, направив поставки этих материалов в Восточную Германию для дополнительных "учений".

Утром 20 августа 1968 г. офицерам был зачитан секретный приказ о формировании главного командования "Дунай". Главкомом был назначен генерал армии И. Г. Павловский, чья ставка была развернута в южной части Польши. Ему подчинялись оба фронта (Центральный и Прикарпатский) и оперативная группа "Балатон", а также две гвардейские воздушно-десантные дивизии.

В первый день операции для обеспечения высадки десантных дивизий в распоряжение Главкома "Дунай" выделялось пять дивизий военно-транспортной авиации. Боевую тревогу объявили в 23.00. По каналам закрытой связи всем фронтам, армиям, дивизиям, бригадам, полкам и батальонам был передан сигнал на выдвижение. По этому сигналу все командиры должны были вскрыть один из пяти хранящихся у них секретных пакетов (операция была разработана в пяти вариантах), а четыре оставшихся в присутствии начальников штабов сжечь не вскрывая.

Во вскрытых пакетах содержался приказ на начало операции

"Дунай" и на продолжение боевых действий в соответствии с планами "Дунай-Канал" и "Дунай-Канал-Глобус".

Заранее были разработаны "Распоряжения по взаимодействию на операцию "Дунай". Вся боевая техника советского и союзного производства без белых полос подлежала "нейтрализации", желательно без стрельбы. В случае сопротивления бесполосные танки и другая боевая техника подлежали уничтожению без предупреждения и без команд сверху. При встрече с войсками НАТО велено было немедленно останавливаться и без команды не стрелять. Для осуществления операции привлекались 26 дивизий, из них 18 советских, не считая авиации.

В ночь на 21 августа войска СССР, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии с четырех направлений в двадцати пунктах от Цвикова до Немецка в режиме радиомолчания пересекли чехословацкую границу.

Из южной части Польши был введен советско-польский контингент войск по направлениям: Яблонец-Кралове, Острава, Оломоуц и Жилина. Из южной части ГДР вводился советско-восточногерманский контингент войск по направлениям: Прага, Хомутов, Пльзень, Карловы Вары. Из северных районов Венгрии входила советско-венгерско-болгарская группировка по направлениям: Братислава, Тренчин, Банска-Бистрица и др. Наиболее крупный контингент войск был выделен от Советского Союза.

Одновременно с вводом сухопутных войск на аэродромы Водоходи (Чехия), Турокани и Намешть (Словакия), а также на аэродромы под Прагой с территории СССР были переброшены контингенты ВДВ.

21 августа в 3 час. 37 мин. десантники на двух головных самолетах 7-й военно-транспортной дивизии уже высаживались из АН-12 на аэродроме Рузине под Прагой и в течение 15 минут блокировали основные объекты аэродрома. В 5 час. 10 мин. высадилась разведрота 350-го парашютно-десантного полка и отдельная разведрота 103-й воздушно-десантной дивизии. В течение 10 минут они захватили аэродромы Туржани и Намешть, после чего началась спешная высадка основных сил. По словам очевидцев, транспортные самолеты совершали посадку на аэродромы один за другим. Десант спрыгивал, не дожидаясь полной остановки. К концу взлетно-посадочной полосы самолет оказывался уже пуст и тут же набирал ход для нового взлета. С минимальным интервалом сюда стали прибывать другие самолеты с десантом и военной техникой.

На боевой технике и захваченных гражданских автомобилях

десантники уходили в глубь территории, и к 9.00 ими были блокированы в г. Брно все дороги, мосты, выезды из города, здания радио и телевидения, телеграф, главпочтамт, административные здания города и области, типография, вокзалы, а также штабы воинских частей и предприятия военной промышленности. Командиров ЧНА просили сохранять спокойствие и соблюдать порядок.

Спустя четыре часа после высадки первых групп десантников важнейшие объекты Праги и Брно оказались под контролем союзных войск. Основные усилия десантников направлялись на захват зданий ЦК КПЧ, правительства, министерства обороны и генерального штаба, а также здания радиостанции и телевидения. По заранее разработанному плану к основным административно-промышленным центрам ЧССР направлялись колонны войск. Соединения и части союзных войск размещались во всех крупных городах. Особое внимание уделялось охране западных границ ЧССР.

200-тысячная чехословацкая армия (около десяти дивизий) не оказывала практически никакого сопротивления. Она оставалась в казармах, выполняя приказ своего министра обороны, и до конца событий в стране оставалась нейтральной.

Среди населения, главным образом в Праге, Братиславе и других крупных городах, проявлялось недовольство происходящим. Протест общественности выражался в сооружении баррикад на пути продвижения танковых колонн, действиях подпольных радиостанций, распространении листовок и обращений к чехословацкому населению и военнослужащим стран-союзниц. В отдельных случаях имели место вооруженные нападения на военнослужащих введенного в ЧССР контингента войск, забрасывание танков и прочей бронетехники бутылками с горючей смесью, попытки вывести из строя средства связи и транспорт, уничтожение памятников советским воинам в городах и селах Чехословакии.

Стремительный и согласованный ввод войск в ЧССР привел к тому, что в течение 36 часов армии стран Варшавского Договора установили полный контроль над чехословацкой территорией.

Однако, несмотря на очевидный военный успех, достичь политических целей не удалось. Лидеры КПЧ, а вслед за ними XIV чрезвычайный съезд партии уже 21 августа выступили с осуждением ввода союзных войск. Представители консервативно настроенной группы делегатов на съезде не были избраны ни на один из руководящих постов в КПЧ.

21 августа группа стран (США, Англия, Франция, Канада, Дания и Парагвай) выступила в Совете Безопасности ООН

с требованием вынести "чехословацкий вопрос" на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, добиваясь решения о немедленном выводе войск стран Варшавского Договора. Представители Венгрии и СССР проголосовали против. Позже и представитель ЧССР потребовал снять этот вопрос с рассмотрения ООН. Ситуация в Чехословакии обсуждалась также в Постоянном совете НАТО. С осуждением военного вмешательства пяти государств выступили правительства стран социалистической ориентации — Югославии, Албании, Румынии, Китая.

В этих условиях СССР и его союзники были вынуждены искать выход из создавшегося положения. В Москве начались переговоры (23 — 26 августа) между советским и чехословацким руководством. Их итогом явилось совместное коммюнике, в котором сроки вывода советских войск ставились в зависимость от нормализации обстановки в ЧССР.

В начале сентября наметились первые признаки стабилизации обстановки. Результатом стал отвод войск стран-участниц из многих городов и населенных пунктов ЧССР в специально определенные места дислокации. Авиация сосредоточивалась на выделенных аэродромах.

Поводом для продления пребывания контингента войск на территории ЧССР служила не только сохранявшаяся внутриполитическая нестабильность, но и повышенная активность НАТО у чехословацких границ, которая выражалась в перегруппировке войск блока, размещенных на территории ФРГ в непосредственной близости от границ ГДР и ЧССР, в проведении различного рода учений.

16 октября 1968 г. между правительствами СССР и ЧССР был подписан договор об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословакии, согласно которому часть советских войск оставалась на территории ЧССР "в целях обеспечения безопасности социалистического содружества". В договоре фиксировались положения об уважении суверенитета ЧССР и невмешательстве в ее внутренние дела. Подписание договора стало одним из главных военно-политических итогов ввода войск пяти государств, удовлетворивших руководство СССР и ОВД.

17 октября 1968 г. начался поэтапный вывод союзных войск с территории Чехословакии, который завершился к середине ноября. -

Несмотря на то что при вводе войск стран Варшавского Договора боевые действия не велись, потери имелись. Так, входе передислокации и размещения советских войск (с 20 августа по 12 ноября) в результате действий враждебно настроенных лиц

погибло 11 военнослужащих, в том числе один офицер; ранено и травмировано 87 советских военнослужащих, в том числе 19 офицеров. Кроме того, погибло в катастрофах, авариях, при неосторожном обращении с оружием и боевой техникой, в результате других происшествий, а также умерло от болезней — 87 человек.

В донесениях и отчетах того времени можно было прочесть такие скупые строки:

Во второй половине 80-х годов начался процесс переосмысления чехословацких событий 1968 г. В "Заявлении руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза" от 4 декабря 1989 г. и в "Заявлении Советского правительства" от 5 декабря 1989 г. решение о вводе союзных войск в Чехословакию было признано ошибочным как необоснованное вмешательство во внутренние дела суверенного государства. В феврале 1990 г. было подписано соглашение о полном выводе из Чехословакии советских войск, который завершился в конце июня 1991 г.

Приложение 9

ПСИХУШКИ

Объявление инакомыслящих сумасшедшими — не советское изобретение: в 1836 г. инакомыслящий Чаадаев, был "высочайшим повелением объявлен сумасшедшим", но не был водворен ни в тюрьму, ни в психбольницу (ср. сноску к статье седьмая статья). — 21. Большевики не сразу переняли царский подход к инакомыслию. Но раз переняв, существенно опередили царей, создавая широчайшую и всё растущую сеть психотюрем (с начала 60-х гг.). — 22. До этого, душевнобольных заключенных направляли в спец. отделения общих психиатрических больниц. Бывали случаи симуляции заключенными псих. заболеваний, дабы облегчить свою участь, заменив лагерь на больницу (ср. психбарак). — 23. В первые годы сов. власти, неизлечимо больные заключенные, в том числе и сумасшедшие, передавались на попечение семьи, как в царское время (см. актировать 2), или помещались в инвалидные дома. С середины 30-х гг. это больше не применялось к политическим, а вскоре и к некоторым уголовникам-рецидивистам. Выявленных симулянтов наказывали водворением в штрафной изолятор (шизо), а с начала 40-х гг. стали судить как за "саботаж строительства социализма". — 3. К моменту смерти Сталина (1953 г.) большинство гигантских "строек социализма" было в основном завершено и десятки миллионов рабов больше были не нужны. Партверхушка "осудила" "культ личности" Сталина; число направляемых в лагеря заметно сократилось, а инакомыслящих стали всё чаще направлять в п. — 4. Следовательно в новый УК (1960 г.) была введена особая глава (ст. ст. 58–62) о мерах принудит. лечения, причем первые три статьи касаются исключительно психически больных (в УК-24 принуд. лечению была посвящена одна ст. 24). 14 февраля 1967 г. дополнительно издается подробнейшая инструкция о принуд. лечении душевнобольных ("Бюллетень Верх. Суда СССР" N 4, стр. 37). — 51. К концу 70-х гг. в СССР имеется уже около сотни п. и число их постоянно растет. Кроме собственно п. во многих психбольницах Министерства здравоохранения имеются камеры в распоряжении органов госбезопасности или внутр. дел. — 52. Ниже приведены некот. из более известных псих. больниц, где содержатся психически здоровые, но инакомыслящие заключенные: в Москве и моск. области — Институт Сербского; Новослободская; Матросская Тишина; Столбовая (около 20 тыс. больных, в том числе и настоящих). В Ленинграде и лен. области — Скворцева-

Степанова (ул. Лебедева); Кащенко и др.; прочие — Сычевка; Казань; Калинин; Черняховск; Алма-Ата; Липецк; Киев-Дарница; Ташкент; Великие Луки; Суханове; Запорожье; Челябинск; Уфа; Донецк; Благовещенск; Каунас; Кишинев; Иваново-Франковск; Ашхабад и др. — Б. А. Шуркин, ответственный чиновник Министерства здравоохранения, заявил на пресс-конференции 11 февраля 1988 г., что все психиатрич. больницы передаются ныне Министерству здравоохранения и что 30 % фамилий лиц, занесенных в списки душевнобольных (около 2 миллионов чел.), вычеркнуты из этих списков), 13.02.1988). Опыт показывает, что организационные перемены на всегда меняют существо.

Приложение 10

"РАСКУЛАЧИВАНИЕ" (Р.)

11. Раскулачивание проводилась с 1929 до 1932 г. войсками ОГПУ совместно с вооруженными отрядами городского партактива и при участии специально с этой целью воссозданных "комитетов бедноты" (см. комбед 4). В комитеты попадали не всегда самые бедные крестьяне, но часто — самые "горластые", которые объявляли "кулаками" (см.) не всегда самых богатых односельчан, а часто тех, кого невзлюбили (ср. подкулачник).

На нерусских территориях р. проходила более жестоко, т. к. местным коммунистам приходилось доказать не только партийное усердие, но еще показать, что русская, московская верхушка им дороже местных сородичей.

— 12. Р. проводилась на основании секретных инструкций партии и ОГПУ. Никакой правительственный декрет опубликован не был.

— 21. Особо жестокие формы приняла р. после речи Сталина "О головокружении от успехов" (в якобы добровольной коллективизации). В своей речи Сталин особо подчеркивал "добровольный характер коллективизации"; ср. ежовщина 13. — 22. Предусмотренные к р. деревни неожиданно окружаются войсками, городские партактивисты сзывают комитет бедноты (см. комбед 42) и дворы семьей, признанных кулацкими, окружаются солдатами и вся семья, от младенца до старика, выгоняется. Забрать разрешается лишь то, что унесут руки. Всё остальное передается создаваемому колхозу.

— 31. Раскулаченных угоняют под конвоем к ожидающим грузовикам, которые их увозят к телячьим вагонам, поставленным вдали от станции и населенных пунктов. Вагоны пломбируются. Путешествие в неизвестном направлении длится несколько недель. — 32. Время от времени эшелон останавливается в пустынных местах. Солдаты поочередно открывают вагоны, пересчитывают крестьян. Умерших в пути велят зарыть под откосом. Остальным выдают сухой паек и закрывают вагон (ср. краснуха 21,2).

— 41. Путь заканчивается в сев. — вост. России, за тысячи км от родных мест. Оттуда на грузовиках или пешком ведут еще дальше на север, где раскулаченных передают под опеку ОГПУ, как спецпоселенцев, без указания срока. Их снабжают очень скудным оборудованием и предлагают хозяйничать. Им запрещено покидать пределы данного района. Кто будет пойман вне этих пределов, подлежит суду за побег по ст. 82 УК-26.

Одновременно, по всей стране проводится охота за теми, кому удалось укрыться от р. (ср. дети 2) или бежать с места принудительного поселения. Пойманных судят и направляют в лагеря. Поимку облегчает специально введенная паспортизация (см. паспорт 2). — 42. Среди выживших раскулаченных, смертность была довольно большая, частично из-за отсутствия мед. помощи, частично из-за невозможности госпитализации, т. к. в большинстве случаев ближайшая больница была вне пределов дозволенного района. — 43. После многих лет невероятных трудностей некоторым раскулаченным всё же удалось окрепнуть. Тогда их угоняют еще дальше на север или восток, а их хозяйства передаются вольным поселенцам.

— 51. Число крестьян, погибших вследствие насильственной коллективизации настолько огромно, что пришлось его объявить государственной тайной. Считают, что погибло несколько десятков миллионов крестьян, в том числе более двух миллионов расстрелянных. Проведенная в 1937 г. перепись населения показала убыток около 25 миллионов против величины, предполагавшейся демографами. Перепись была объявлена "вредительской", а "виновники" — арестованы. Год спустя, новая перепись дала результаты, соответствующие желаниям политбюро и позволила сов. партверхушке впервые разработать подлинно советские методы массовых репрессий населения, которые с тех пор будут, со все большим размахом применяться на пути к социализму. Первые построенные в СССР танки получили боевое крещение в акции раскулачивания. (Жак РОССИ, Справочник по ГУЛАГу в двух частях Части 1,2, Издание второе дополненное, Текст проверен Натальей ГОРБАНЕВСКОЙ, МОСКВА "ПРОСВЕТ" 1991. Оригинал — Jacques Rossi THE GULAG HANDBOOK A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labour Camps With a Preface by Alain Besancon.Overseas Publications Interchange Ltd London 1987)

Приложение 11

XXII съезд КПСС

XXII съезд, состоявшийся в 1961 году, стал первым очередным партийным съездом после разгрома "антипартийной группы". На заседаниях съезда звучала резкая критика в адрес бывших соратников Сталина: Молотова, Ворошилова, Кагановича, Маленкова. В связи с этим начался новый этап критики "культа личности"

Хрущев в своем докладе впервые сказал о том, что от репрессий пострадали не только члены партии, но и весь народ. Он также намекнул, что Киров был убит по приказу Сталина и предложил поставить памятник жертвам репрессий (правда, в итоговую резолюцию съезда это предложение не вошло). Было принято решение о выносе гроба с телом Сталина из Мавзолея и его перезахоронении у кремлевской стены. Начался снос памятников диктатору, были переименованы названные в его честь города. Начали издаваться биографии репрессированных при Сталине полководцев.